

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2024 Том 26 № 1

Поворот на Восток

Редактор номера *Ю.М. Почта*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, к. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 21.03.2024. Выход в свет 28.03.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,73. Тираж 500 экз. Заказ № 9. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2024 VOLUME 26 No. 1

Turn to the East

Editor *Yu.M. Pochta*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Daria B. Kazarinova*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10, bld 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Почта Ю.М. Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке на примере проблемы современного исламистского терроризма 7

КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОДХОДЫ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Хуан Дэнсюэ, Ван Ин. Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы..... 18

Абдрахимов Л.Г., Ликсок А.О. Гибридные войны и специальные операции в контексте воздействия на систему обеспечения национальной безопасности: взгляд из Китая..... 31

Долохова А.Д., Соболева Е.Д. Трактовка ситуации в Афганистане в китайских средствах массовой информации в контексте национальной безопасности Китая 50

Лю Цзинюань. Концептуальные основания продвижения Китаем идеи «Сообщества единой судьбы человечества» 62

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЕОПОЛИТИКИ

Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств..... 78

Козинцев А.С. «Мы идем путем Пророка»: политический режим Египта в поисках новых оснований легитимности 90

Науменко А.С., Салтанов С.Д. Стратегическое оборонное партнёрство России, Китая и Северной Кореи 107

Мамедов А.В. Внешняя политика Казахстана: уточняя приоритеты..... 121

Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора 131

Почта Ю.М., Гузаеров Р.И. Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств 143

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ

Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В. Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки..... 155

Морозова Е.В. Имиджевая политика государств Большого Каспия: факторы и барьеры формирования имиджа макрорегиона 169

Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана 181

Кудряшова И.В. В поисках этнической гармонии: о книге О.И. Зазнаева и В.В. Сидорова «Формы правления и этнические конфликты» (Казань: Логос-Пресс, 2022. 232 с.) 207

CONTENTS

Pochta Yu.M. The Need to Overcome the Cultural Hegemony of the West in Political Science on The Example of the Problem of Contemporary Islamist Terrorism	7
CHINA IN WORLD POLITICS: APPROACHES OF CHINESE AND RUSSIAN SCIENTISTS	
Huang Dengxue, Wang Ying. Russia’s Turn to the East: Motivating Factors	18
Abdrakhimov L.G., Liksok A.O. Hybrid Warfare and Operations in the Context of the National Security System: A Chinese Perspective	31
Dolokhova A.D., Soboleva E.D. The View on the Situation in Afghanistan in the Chinese Media Within China’s National Security	50
Liu Jingyuan. The Conceptual Foundations of China’s Promotion of the Idea of “a Community of a Shared Future for Mankind”	62
REGIONAL SECURITY AND GEOPOLITICS ISSUES	
Zhiltsov S.S. Central Asia: Region’s Potential and New Challenges	78
Kozintsev A.S. ‘Following the Straight Path’: Egypt Political Regime’s Quest for Political Legitimacy	90
Naumenko A.S., Saltanov S.D. Russia, China, and North Korea Strategic Defense Partnership	107
Mamedov A.V. Kazakhstan’s Foreign Policy: Adjusting the Priorities	121
Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Between West and Non-West – Turkey at a Crossroad of Geostrategic Choice	131
Pochta Yu.M., Guzaerov R.I. Latinization of the Language Under the Leadership of Turkey as a Tool for the Formation of a New Identity for the Turkic Post-Soviet States	143
PROBLEMS OF REGIONAL INTEGRATION AND IMAGE POLICY	
Koktysh K.E., Renard-Koktysh A.V. New Challenges and Prospects of the Eurasian Economic Commission as a Negotiating Platform	155
Morozova E.V. Image Policy of the Greater Caspian States: Factors and Challenges to Forming the Macro-Region Image	169
Romanova A.P., Chernichkin D.A. Turkey and Pan-Turkism Influence on the Development of New National Identities in the Caspian Region: The Evidence from Turkmenistan and Kazakhstan	181
Kudryashova I.V. In Search for Ethnic Harmony: About the Book by Oleg Zaznaev and Viktor Sidorov (2022), “Forms of Government and Ethnic Conflicts”. Kazan: Logos-Press, 232 p.	207

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17

EDN: IAXJGV

Редакционная статья / Editorial article

Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке на примере проблемы современного исламистского терроризма

Ю.М. Почта

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ pochta_yum@pfur.ru

Аннотация. В исследовании на примере проблемы современного терроризма ставится вопрос о необходимости преодоления зависимости российской науки от гегемонизма Запада. В мире в целом и в России в частности завершается период преклонения перед западной концепцией либеральной демократии и выработанными либеральной мыслью концепциями глобализации, прав человека, мягкой силы, гражданского общества, демократического транзита, терроризма, гибридных войн и др. Эти теории все менее воспринимаются в качестве нормативных, универсальных, чья реализация обязательно предполагает западное кураторство. Эти теории, выработанные в ходе уникального исторического процесса в странах Запада, никак не могут быть адекватно применимы для определения направленности развития незападных стран. В данном исследовании в качестве конкретного примера необходимости критического пересмотра западных идей рассматриваем проблему современного исламистского терроризма. Для этого мы обращаемся к идеям ряда российских авторов, а также западных представителей постмодернизма, неомарксизма и леворадикальной мысли, которые резко критикуют основные догмы западной либеральной политологии. Это дает нам возможность сделать вывод о том, что исламистский терроризм не является результатом деятельности отдельных радикалов или проявлением агрессивной природы ислама, а воспроизводится конфликтной системой современных международных отношений. Так, исламистский терроризм, как радикальная форма политизации ислама, чаще всего является реакцией мусульманского мира на западный глобализм, на кризис ряда мусульманских обществ в результате вмешательства Запада. Можно назвать это конфликтом исламского фундаментализма с западным либеральным фундаментализмом. Системно-функциональный подход дает возможность понять место и роль исламистского терроризма в современных гибридных войнах, которые Запад

© Почта Ю.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

использует для удержания своей глобальной империи. Можно рассматривать исламистский терроризм как элемент системы гибридных войн. В этой системе наряду с исламистским терроризмом существует важный феномен борьбы с ним — анти-терроризм, а также наряду с исламистским терроризмом как деятельностью неправительственных вооруженных группировок существует государственный терроризм, в основном осуществляемый западными государствами.

Ключевые слова: культурная гегемония Запада, деколонизация, ислам, гибридные войны, исламистский терроризм, государственный терроризм, глобализация

Для цитирования: Почта Ю.М. Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке на примере проблемы современного исламистского терроризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17>

The Need to Overcome the Cultural Hegemony of the West in Political Science on The Example of the Problem of Contemporary Islamist Terrorism

Yuriy M. Pochta

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ pochta_yum@pfur.ru

Abstract. Using the example of the problem of contemporary terrorism, the article raises the question of the need to overcome the dependence of Russian science on the hegemony of the West. In the world in general and in Russia in particular, the period of admiration for the Western concept of liberal democracy and the concepts of globalization, human rights, soft power, civil society, democratic transition, terrorism, hybrid wars, etc., developed by liberal thought, is coming to an end. These theories are increasingly less accepted in as normative, universal, whose implementation necessarily requires Western supervision. These theories, developed during a unique historical process in Western countries, cannot be adequately applied to determine the direction of development of non-Western countries. In this study, we consider the problem of contemporary Islamist terrorism as a concrete example of the need for a critical revision of Western ideas. To do this, we turn to the ideas of a number of Russian authors, as well as Western representatives of postmodernism, neo-Marxism and left-radical thought, who sharply criticize the basic dogmas of Western liberal political science. This allows us to conclude that Islamist terrorism is not the result of the activities of individual radicals or a manifestation of the aggressive nature of Islam, but is reproduced by the conflict system of modern international relations. Thus, Islamist terrorism as a radical form of politicization of Islam is most often a reaction of the Muslim world to Western globalism, to the crisis of a number of Muslim societies as a result of Western intervention. The system-functional approach makes it possible to understand the place and role of Islamist terrorism in contemporary hybrid wars, which the West uses to maintain its global empire. Islamist terrorism can be viewed as an element of a system of hybrid wars. In this system, along with Islamist terrorism, there is an important phenomenon of combating it — anti-terrorism, and also, along with Islamist terrorism as the activity of non-governmental armed groups, there is state terrorism, mainly carried out by Western states.

Keywords: cultural hegemony of the West, decolonization, Islam, hybrid wars, Islamist terrorism, state terrorism, globalisation

For citation: Pochta, Yu.M. (2024). The need to overcome the cultural hegemony of the West in political science on the example of the problem of contemporary Islamist terrorism. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 7–17. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17>

Введение

Углубляющийся кризис отношений постсоветской России с Западом приводит представителей социальных и гуманитарных наук к необходимости преодоления зависимости российской науки от гегемонизма Запада. Однако не только в России, но и в мире в целом завершается период преклонения перед западной концепцией либеральной демократии и выработанными либеральной мыслью концепциями глобализации, прав человека, мягкой силы, гражданского общества, демократического транзита, терроризма, гибридных войн и др. Эти теории все менее воспринимаются в качестве нормативных, универсальных, чья реализация обязательно предполагает западное кураторство. Выработанные в ходе уникального исторического процесса в странах Запада, они никак не могут быть адекватно применимы для определения направленности развития незападных стран. В отечественной литературе после распада СССР об этом много пишет А.Г. Дугин, создав для этого концепцию археомодерна [Дугин 2011]. О том, что кризис западной общественной мысли наложился в нашей стране на системный кризис отечественного обществоведения с конца XX в., пишет С.Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2011]. Он полагает, что отвергать западные понятия не стоит: «Разумно не убежать от наступления чужих понятий, а понимать их смысл и значение, стараясь влиять на этот смысл, уточняя его в своих национальных интересах» [Кара-Мурза 2011: 293]. Он настаивает на необходимости выработки политической доктрины с учетом цивилизационной принадлежности страны, ее цивилизационной идентичности. Это необходимо также для защиты собственного цивилизационного проекта от современных противников России на Западе, стремящихся присвоить себе статус цивилизации, а нам статус варваров («страны-изгоя», «империи зла»), лишенных права на собственное существование [Кара-Мурза 2011: 296–297].

В последние годы к теме противостояния России и Запада привлекает внимание С.А. Караганов. «Надо еще осознать, что Запад нам теперь не нужен, — пишет он. — Мы взяли все, что можно было полезного из этого замечательного европейского путешествия, которое начал Петр Первый. А сейчас нам нужно возвращаться к себе, к истокам величия России... Надо помнить, что мы не столько европейская, сколько евроазиатская страна». Он также настаивает на определении нашей идентичности: «Нам нужно найти самих себя, понять, кто мы есть. Великая евразийская держава, северная Евразия. Освободитель народов, гарант мира и военно-политический стержень

Мирового большинства. Это уготованная нам роль». Он настаивает на необходимости деколонизации российских социальных и гуманитарных наук и поддерживает происходящий в нашем обществе процесс «самоочищения от западников и западничества»¹. Отказавшись от западоцентризма, Россия берет курс на великодержавное возрождение как незападная страна, начинающая поворот на Восток и создающая миросистему Большой Евразии. Обращаясь к политической теории, С.А. Караганов полагает, что навязываемая Западом дихотомия: демократия — авторитаризм является ложной и России необходимо доказать, что ее модернизационный авторитарный политический режим способен обеспечить развитие страны [Караганов 2021].

Пересмотреть концепцию демократии применительно к российскому обществу предлагают и другие авторы. Так, в ответ на упреки западных авторов в автократии и великодержавности, А. Цыганков полагает, что «созданная в стране система правления далека от совершенства и испытывает трудности не столько потому, что не является западной децентрализованной демократией, сколько в силу институциональной недостроенности сильного государства... В русской истории самодержавная или централизованная, наследующая самодержавию система воспроизводится в силу необходимости решения важных задач развития страны. Некоторые из этих задач не могут быть решены в условиях децентрализованной демократической системы и требуют сильной исполнительной власти... Вероятно, стране гораздо больше подходит не демократия западного образца, а сообразная историческим, внутренним задачам смешанная политическая система» [Цыганков 2021].

Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке относится и к изучению современного исламистского терроризма. Большинство российских политологов широко используют западные представления о терроризме, глобальном терроризме, исламском терроризме, фундаментализме, государственном терроризме и т.п. По поводу этих концепций в отечественной литературе постоянно идет дискуссия, но чаще всего она не выходит за рамки западного дискурса и не затрагивает проблему влияния западного культурного гегемонизма.

О потребности критического подхода к западным представлениям о западных обществах вообще и о мусульманском обществе в частности много писал американский теоретик культуры арабского происхождения Эдвард Саид (1935–2003) в своих известных работах «Ориентализм» и «Культура и империализм». Саид показал, что Запад создает специальный дискурс — систематический язык, который предназначен для того, чтобы общаться с Востоком и изучать его в интересах Запада, для подчинения Западу. Он показал, что Запад смотрит на восточные культуры как на патологические или нуждающиеся в терапии, а незападного индивида воспринимает как онтологического неудачника

¹ Сергей Караганов: Россия закончила свое европейское путешествие // Российская газета. 27 декабря 2023 г. URL: <https://karaganov.ru/intervju-s-a-karaganova-dlja-rossijskoj-gazety/> (дата обращения: 27.12.2023).

во всех отношениях, являющегося либо ленивым потребителем, либо маньяком. Как только какое-то мусульманское государство занимает антиамериканскую позицию, оно получает статус террористического. Культурная гегемония Запада представляет собой мировую систему. Она производит «культуру, экономику и политическую власть наряду с их военными и демографическими факторами, обладает институционализированной тенденцией создавать масштабные транснациональные образы, которые переориентируют международный социальный дискурс и социальный процесс. В качестве примера возьмем появление двух ключевых терминов 1980-х гг. — «терроризм» и «фундаментализм». Вряд ли удастся так просто проанализировать (в общественном пространстве, выстроенном международным дискурсом) политические конфликты между суннитами и шиитами, курдами и иракцами, тамилами и сингалезцами, сикхами и индусами (список можно продолжить) без того, чтобы в конце концов не обратиться к категориям и образам вроде «терроризма» и «фундаментализма», которые производят в концернах и на интеллектуальных фабриках метрополийных центров вроде Вашингтона или Лондона. Это пугающие образы с неясным содержанием и определением, но они означают моральную силу и одобрение всем, кто их использует, и оборонительную позицию и криминализацию всем, против кого они направлены. Эти две гигантские редукции мобилизовали целые армии и отдельные сообщества» [Саид 2012: 615]. В конечном счете «другие», не желающие подчиниться Западу, воспринимаются в качестве врагов, готовых уничтожить истинную цивилизацию и образ жизни. За счет этого идет мобилизация и интеграция внутри самого западного сообщества: «Страх террора, индуцируемый ужасающими образами «терроризма» и «фундаментализма» (назовем их фигурами международного или транснационального образного ряда, сконструированными из иностранных дьяволов), облегчает подчинение индивидов господствующим нормам момента. В новых постколониальных обществах это столь же действенно, как и на Западе в целом и в Соединенных Штатах в частности [Саид 2012: 616]. Эдвард Саид призывает не испытывать иллюзий относительно возможности гуманизации отношения США к незападному миру из-за устойчивости имперской перспективы. Ее результатом является «политика США, поддерживаемая доминантной культурой, которая в целом соответствует основным ее принципам — поддерживать диктаторские и непопулярные режимы, применять насилие вне всякой меры в ответ на насилие туземных мятежников против союзников Америки, поддерживать устойчивую враждебность в отношении легитимации туземного национализма» [Саид 2012: 639].

Собственные концептуальные подходы к оценке мусульманских обществ начинают подводить американских политиков, так как они вмешиваются в жизнь этих обществ на основе неадекватных представлений. Одним из примеров неудачи в ведущейся почти четверть столетия войне с глобальным терроризмом является афганская авантюра США и их союзников по НАТО. США потерпели поражение в длительной войне (2001–2021 гг.), организованной под предлогом борьбы с глобальным терроризмом, на которую были потрачены сотни миллиардов долларов. Не удалось решить как задачу искоренения

терроризма на этой территории, так и перенесение на почву традиционного общества модели либеральной демократии. Правительство Афганистана, которое оккупанты поддерживали, было декоративным и обладало лишь номинальной властью. Через два месяца после хаотичного вывода войск США (бегства) к власти пришла террористическая организация «Талибан»², которая до настоящего времени обладает реальной властью в этой стране. Ирония судьбы состоит в том, что США (совместно со странами НАТО и исламскими государствами, прежде всего Пакистаном) в период пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989 гг.) активно способствовали формированию того явления, которое они позже назовут глобальным исламским терроризмом — его идеологии джихада, вооруженных группировок (моджахедов, будущего Талибана* и Аль-Каиды*), центров подготовки террористов, источников финансирования, каналов поставок вооружений, структур вербовки боевиков по всему миру, средств информационной поддержки. Афганская авантюра США показывает, что для Запада, стремящегося сохранить свое господство в мире, терроризм в его различных формах является одним из инструментов политики, одной из форм вооруженного насилия для достижения политических целей.

Для современного понимания терроризма необходимо учитывать контекст смены миропорядка. Происходит процесс кризиса старого (однополярного, американского) и формируется новый (многополярный) миропорядок. В чем проявляется этот кризис: ослабление западной гегемонии, разрушение системы международного права, бездействие международных организаций, незаконное применение санкционной политики, ослабление доллара как мировой валюты, враждебное отношение к ряду стран, объявляемых экзистенциальными угрозами, проведение гибридной войны против РФ, терроризм как элемент гибридных войн, политика хаотизации, дестабилизации, лишения государственных начал огромных регионов и стран, создание серых зон, использование концепций демократии и прав человека как поводов для внешнего вмешательства во внутренние дела стран, не подчиняющихся западному диктату. Из собственного миропорядка Запад пытается исключить ряд стран, не подчиняющихся западному диктату (РФ, Китай, Иран), ослабить их или разрушить. Мнение этих стран по поводу феномена терроризма не имеет значения или заведомо неправильное. Использование против этих стран терроризма в ходе гибридных войн с точки зрения Запада полностью оправдано и не является терроризмом.

При рассмотрении причин существования исламистского терроризма необходимо исходить из того, что он имеет собственные причины для воспроизводства в мусульманских обществах (культурно-цивилизационные, социальные, экономические и политические), но никак не присущ исламу как таковому. Зачастую мы встречаем эссенциалистское объяснение ислама и мусульманской цивилизации, согласно которому исламу присущ неизменный набор качеств как

² Знаком * здесь и далее обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

онтологического зла, враждебного западной цивилизации [Phares 2005]. Такой подход в конечном счете служит оправданием необходимости господства Запада над мусульманским миром.

Для объяснения современного терроризма важно принимать во внимание феномен гибридных войн как той формы вооруженного насилия, которую Запад широко использует для сохранения своего миропорядка. Вместе с тем инициатива проведения гибридных войн западными теоретиками приписывается незападным странам (войны варваров с цивилизацией). Получается, что пока во всем мире не победит западный глобализм (западная цивилизация), гибридные войны будут продолжаться, так как представители незападных культур и цивилизаций будут фанатично защищать свои «партикулярные» ценности [Калдор 2015: 46]. Частью гибридных войн является государственный терроризм, когда отдельное государство или их союз используют террористические группировки для достижения своих целей. Такой аспект гибридных войн может получать название прокси-войн. При изучении места исламистского терроризма в гибридных войнах его адекватное понимание должно предполагать конкретный учет взаимосвязи собственной активности исламистских террористов с их деятельностью по заказам от различных акторов мировой политики. Эти заказы они выполняют в качестве наемников в прокси-войнах, когда заказчик действует на чужой территории чужими руками. Необходимо принимать во внимание существование тесной противоречивой связи террора исламистских группировок с государственным терроризмом. Одно предполагает другое. Организаторами государственного терроризма являются как отдельные государства мусульманского мира, так и западные державы. В условиях гибридных войн государственный терроризм вполне успешно может использовать услуги исламистских террористов [Почта 2021].

Для понимания причин воспроизводства терроризма необходим учет процессов, происходящих во всем мире, в том числе и в мусульманском. Запад после завершения холодной войны стремится переформатировать под свои глобальные интересы Ближний Восток, что приводит к дестабилизации ряда политических режимов. Французский философ и социолог Жан Бодрийяр показал, что мусульманский мир демонстрирует одну из радикальных форм противостояния Западу [Бодрийяр 2016: 92]. Аналогичную трактовку западной глобализации как организованной формы всемирного насилия поддерживают такие леворадикальные мыслители, как американец Майкл Хардт и итальянец Антонио Негри. По их мнению, глобализация представляет собой глобальное состояние войны, в ходе которой «война с терроризмом» является лишь одним из предлогов к подчинению всего человечества [Хардт, Негри 2006: 292]. Борьба с терроризмом может использоваться как предлог для вторжений в неудобные государства и смены там политических режимов [Хардт, Негри 2006: 14]. Американский ученый-лингвист и публицист Ноам Хомский полагает, что правительство США систематически осуществляет государственный терроризм. Он доказывает, что «война с террором» в ряде регионов мира превратилась в войну, в которой США

используют террористические методы или поддерживают государственный террор отдельных правительств против своего населения [Хомский 2007: 15–17; 2019]. Поэтому имелись все основания для того, чтобы возник «имидж Вашингтона как главного центра государственного международного терроризма» [Хомский 2007: 315]. Американский журналист-расследователь Джереми Скейхилл, анализируя тайные операции США в XXI в., выявил, что заказчиком и спонсором тайных операций, которые можно считать государственным терроризмом, являются такие государственные структуры США, как Государственный департамент и Пентагон. Чтобы избежать обвинений в государственном терроризме, США могут передавать проведение войны террористическими методами на аутсорсинг частным военным компаниям [Скейхилл. Грязные войны... 2015b: 331–342; Скейхилл. Blackwater... 2015a].

Мусульманский мир, отвечая на вызов западного глобализма, стремится реализовать собственные глобальные проекты, когда отдельные государства распространяют в мусульманском мире различные версии политического ислама (ваххабистскую — Саудовская Аравия, шиитский революционный ислам — Иран, идеологию организации «Братья-мусульмане»³ — Турция и Катар). Эти версии исламизма ожесточенно конкурируют между собой, зачастую в радикальных террористических формах.

Рассмотрев существующие мнения о дискурсе Запада относительно незападных обществ, можно сделать вывод, что отказываться от западных концепций не стоит, но они должны подвергаться критическому анализу (деконструкции) с учетом нашего собственного цивилизационного проекта, наших национальных интересов, нашего представления о недостатках существующего миропорядка, основанного на западном гегемонизме.

Исходя из этих теоретических и методологических посылок, номер, посвященный повороту России на Восток, открывается статьей представителей многолетних партнеров РУДН — *Института политологии и государственного управления Шаньдунского университета* — Хуана Дэньсюэ и Ван Ин, в которой дана панорама взглядов китайских ученых на стратегию и тактику реализации политики изменения внешнеполитических приоритетов России. Китай и взгляд из Китая по праву является первым смысловым блоком статей этого номера. Тему продолжает статья молодых ученых Л.Г. Абдрахимова и А.О. Ликсок (*РУДН, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ*), в которой авторы анализируют гибридные угрозы в разворачивающемся глобальном противостоянии США и Китая с точки зрения системы обеспечения национальной безопасности КНР. С точки зрения национальной безопасности Китая смотрят на сложную и крайне неоднозначную проблему взаимодействия руководства КНР и Афганистана востоковеды НИУ ВШЭ А.Д. Долохова и Е.Д. Соболева. А молодая исследовательница из РУДН Лю Цзинюань задается неординарной целью — найти концептуальные основания китайской геополитической концепции «Единой судьбы человечества» не только в традиционной

³ *Организация «Братья-мусульмане» признана террористической и запрещена в РФ.

китайской политико-философской мысли, но и в западной, показывая, таким образом, глобальный потенциал проекта и возможные точки сближения двух больших традиций.

Следующий блок статей посвящен проблемам региональной безопасности и геополитики. *С.С. Жильцов из Дипломатической академии МИД России* изучает геополитический и экономический потенциал стран Центральной Азии, особое внимание уделяя водно-энергетической проблематике. *А.С. Козинцев из МГИМО* занимается проблемой легитимности и техник легитимации современного египетского режима, активно обращаясь к исламским нормам и ценностям. Молодые ученые *А.С. Науменко (РУДН)* и *С.Д. Салтанов (Дальневосточный федеральный университет)* рассматривают проблемы безопасности в рамках треугольника Россия—Китай—Северная Корея в противопоставлении с «Азиатским НАТО» — треугольником США—Япония—Южная Корея. Аспирант *Дипломатической академии А.В. Мамедов* занимается внешней политикой Казахстана, которая становится еще более многовекторной в связи с изменяющимися геополитическими условиями. Следующие две статьи этого блока посвящены другой региональной державе с растущими геополитическими амбициями — Турции, которая обретает все более заметное влияние в регионе. Ведущие ученые *В.А. Аватков, А.И. Сбитнева Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН* размышляют о турецком опыте поворота на Восток — геополитического выбора в пользу сближения с глобальным Незападом. Раздел и тему Турции закрывает наша совместная с *Р.И. Гузаеровым из ИНИОН РАН* статья о лингвистическом влиянии Турции на страны постсоветского пространства.

Последний раздел номера посвящен проблемам региональной интеграции и имиджевой политики стран Евразийского пространства. *К.Е. Коктыш и А.В. Ренард-Коктыш из МГИМО* размышляют о перспективах евразийской интеграции и апеллируют к успешному опыту Китая в решении этических проблем в экономике. *Е.В. Морозова (Кубанский госуниверситет)* отслеживает политику трех государств Прикаспия — Казахстана, Туркмении и Азербайджана — по формированию имиджа своих стран и макрорегиона в целом. Ее коллеги по научному проекту из *Астраханского университета — А.П. Романова, Д.А. Черничкин* — вновь обращают внимание читателя к Турции как активнейшему игроку в деле формирования идентичности стран Каспийского региона. Они выстраивают на основе концепции транснациональных политических пространств (этномиров) большое эмпирическое исследование, которое показывает очень интересные результаты. Закрывает номер развернутая рецензия *И.В. Кудряшовой из МГИМО* на книгу казанских ученых об этнических конфликтах и формах правления применительно к восточным обществам.

Поступила в редакцию / Received: 30.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011.
- Калдор М. Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Караганов С. О третьей холодной войне // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 21–34. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34>
- Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть первая: курс лекций. М.: Научный эксперт, 2011.
- Почта Ю.М. Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 734–746. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>
- Саид Э.В. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Скейхилл Д. Грязные войны: Поле битвы — земля. М.: Кучково поле, 2015.
- Скейхилл Д. Blackwater: самая могущественная наемная армия в мире. М.: Кучково поле; Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2015.
- Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М.: Эксмо, 2012.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. М.: Столица-принт, 2007.
- Хомский Н. Культ государства. М.: РИПОЛ классик / Панглосс, 2019.
- Цыганков А.П. Достаточно великая держава // Россия в глобальной политике. 2021. № 4 (110). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-220-226>
- Phares W. *Future Jihad: terrorist strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

References

- Baudrillard, J. (2016). *The spirit of terrorism. There was no Gulf war*. Moscow: RIPOL classic. (In Russian).
- Chomsky, N. (2007). *Hegemony or survival: America's quest for global dominance*. Moscow: Stolitsa-Print publ. (In Russian).
- Chomsky, N. (2019). *Optimism over despair: On capitalism, empire and social change*. Moscow: RIPOL Classic / Pangloss. (In Russian).
- Dugin, A.G. (2011). *Archeomodern*. Moscow: Arktogeya (In Russian).
- Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Multitude: War and democracy in the age of empire*. Moscow: Cultural Revolution publ. (In Russian).
- Kaldor, M. (2015). *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Moscow: Gaidar Institute publ. (In Russian). [Kaldor, M. (1999). *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press].
- Karaganov, S. (2021). On the Third Cold war. *Russia in Global Politics*, 4, 21–34. (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34>
- Kara-Murza, S.G. (2011). *Crisis social science. Part one. Lecture course*. Moscow: Scientific expert (In Russian).
- Phares, W. (2005). *Future Jihad: Terrorist strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan.
- Phares, W. (2012). *The coming revolution: Struggle for freedom in the Middle East*. Moscow: EKSMO publ. (In Russian).
- Pochta, Y.M. (2021). Islamist terrorism in the context of contemporary hybrid wars. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 734–746. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>

- Said, E.W. (2012). *Culture and Imperialism*. St. Petersburg: “Vladimir Dal” (In Russian) [Said, E.W. (1993). *Culture and Imperialism*. New York: Knopf].
- Scahill, J. (2015a). *Blackwater: The rise of the world’s most powerful mercenary army*. Moscow: Kuchkovo pole publ.; Institute for Foreign Policy Research and Initiatives. (In Russian) [Scahill, J. (2007). *Blackwater: The rise of the world’s most powerful mercenary army*. New York: Nation Books].
- Scahill, J. (2015b). *Dirty wars: The world is a battlefield*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian). [Scahill, J. (2013). *Dirty wars: The world is a battlefield*. New York: Nation Books].
- Tsygankov, A.P. (2021). A Great Enough Power. *Russia in global politics*, 4(110). (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-2-206-212>

Сведения об авторе:

Почта Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665) (SPIN-код: 5600-3410)

About the author:

Yuriy M. Pochta — Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665) (SPIN-code: 5600-3410)

КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОДХОДЫ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

CHINA IN WORLD POLITICS: APPROACHES OF CHINESE AND RUSSIAN SCIENTISTS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30
EDN: IASKOR

Научная статья / Research article

Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы

Дэнсюэ Хуан , Ин Ван

Шаньдунский университет, Циндао, КНР

 dengxue@sdu.edu.cn

Аннотация. На фоне украинского кризиса, а особенно нынешнего российско-украинского конфликта, масштабное продвижение Россией стратегии «поворота на Восток» имеет как внутренние, так и внешние мотивации. Возвращение евразийских идей во внешнюю политику России составляет идеологическую основу стратегии России «поворота на Восток», но на практике — это интенсификация освоения Россией Дальнего Востока и Сибири за счет стремительного экономического роста стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме того, ожесточенная конфронтация между Россией и Западом на фоне эскалации украинского кризиса также является важным фактором в продвижении Россией стратегии «поворота на Восток» для улучшения своей пассивной позиции в международной политике и повышения компенсации потерь, понесенных в результате санкций, наложенных странами Запада.

Ключевые слова: поворот на Восток, Россия, Запад, российско-украинский конфликт, евразийство, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Хуан Дэнсюэ, Ван Ин. Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 18–30. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта государственного фонда общественных наук КНР (22AGJ002) в рамках научного проекта «Исследование тенденций развития треугольника «Китай — Россия — США» в контексте российско-украинского конфликта».

© Хуан Дэнсюэ, Ван Ин, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russia's Turn to the East: Motivating Factors

Dengxue Huang , Ying Wang

Shandong University, Qingdao, China

 dengxue@sdu.edu.cn

Abstract. Against the background of the Ukrainian crisis, and especially the current Russian-Ukrainian conflict, Russia's large-scale promotion of the turn to the East strategy has both internal and external motivations. The return of Eurasian ideas to Russia's foreign policy forms the ideological basis of Russia's turn to the East strategy, but in practice, this turn is the intensification of Russia's development of the Far East and Siberia due to the rapid economic growth of the countries of the Asian-Pacific region. In addition, the fierce confrontation between Russia and the West due to the escalation of the Ukrainian crisis is also an important factor in Russia's promotion of the strategy of turn to the East to improve its passive position in international politics and increase compensation for losses incurred because of sanctions imposed by Western countries.

Keywords: Turn to the East, Russia, West, Russian-Ukrainian conflict, Eurasianism, Asian-Pacific region

For citation: Huang, Dengxue, & Wang, Ying. (2024). Russia's Turn to the East: Motivating factors. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 18–30. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30>

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of a grant from the State Foundation for Social Sciences of the People's Republic of China (22AGJ002), as part of the scientific project "Research on trends in the development of the China-Russia-USA triangle in the context of the Russian-Ukrainian conflict."

Введение

На протяжении более чем двадцати лет после окончания холодной войны политика России всегда была западноцентричной, будь то курс администрации Б. Ельцина или политика первых двух сроков президентства В. Путина, а так называемая российско-европейская совместная инициатива «Партнерство для модернизации» 2010 г. еще больше подчеркивала ныне прошедшее стремление России к партнерству с Европой. В глазах Кремля Запад до сих пор является источником технологий, мощи и модернизации для развития России. Развитие отношений с Западом, особенно с Европой, всегда было одним из важных приоритетов дипломатической стратегии России. Но с началом украинского кризиса 2014 г., когда отношения между Россией и Западом перешли в стадию конфронтации, Россия выдвинула так называемую стратегию «поворота на Восток». Однако о «повороте» все слышали, но мало кто видел конкретные результаты. Помимо дальнейшего укрепления партнерства по стратегическому взаимодействию с Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе нет заметных действий и прогресса по другим направлениям. Как подчеркнул Т. Бородачев,

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» и член РСМД: «Возможно, что именно в силу своей ограниченности экономической стратегия поворота на Восток в своем конкретном выражении не пошла дальше установления действительно крепких связей с Китаем, совместно с которым Россия сейчас приступила к решению действительно важнейших проблем международного порядка. Во всем остальном поворот на Восток оставался важной на риторическом уровне, но слабо реализованной сферой деятельности российского государства»¹. Даже по некоторым вопросам сотрудничества с Китаем время от времени проявляется настороженность со стороны России, например по вопросам китайско-российского сотрудничества в развитии агролесоводства и рыболовства на Дальнем Востоке России. Российская сторона обеспокоена тем, что активное участие Китая может представлять потенциальную угрозу национальной безопасности и развитию России. Россия всегда была европоцентричной страной, что также проявляется в ее дипломатии, и на этом фоне России нелегко реализовать настоящую стратегию «поворота на Восток». Надо сказать, что российская стратегия «поворота на восток» за последние десять с лишним лет — это всего лишь сбалансированный выбор, сделанный по инициативе России на фоне ее конфронтации с Западом и направленный только на облегчение экономических трудностей и проблем безопасности на западном направлении.

Однако на фоне украинского кризиса, особенно российско-украинского конфликта, российская стратегия «поворота на Восток» заметно ускорилась. Российское экспертное сообщество (в первую очередь члены Российского совета по международным делам) активно подключилось к обсуждению содержания «поворота на Восток». Т. Бордачев считает, что «большинство российских наблюдателей высказывались о том, что фактический разрыв с Западом неизбежно приведет к усилению связей России и незападных государств, среди которых наиболее важными с точки зрения экономики и развития являются азиатские страны. На фоне масштабных мер экономической войны, которые обратил против Москвы весь западный мир в 2022 г., именно Азия выглядит для нас как важнейший покупатель традиционного российского экспорта, источник технологической продукции и приоритетный торгово-экономический партнер. Многие даже говорили, что развитие связей с Китаем и Азией должно «заменить» для России традиционные партнерства на Западе»². Б. Межуев заявляет: «Еще в 1990-е гг. России нужно было понять, что интеграция с Западом ошибочна»³. И. Сафранчук также отмечал, что «...Мир уже не такой западноцентричный, можно иметь дело с другими партнерами... С моей точки зрения,

¹ *Бордачев Т.* Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povorot-rossii-na-vostok-mezhdu-vyborom-i-neobkhodimostyu/> (дата обращения: 02.09.2022).

² Там же.

³ *Межуев Б., Сафранчук И., Лукьянов Ф.* Правильная стратегия для России: не искать сближения ни с кем. Итоги Лектория СВОП // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-iskat-sblizheniya-svop/> (дата обращения: 06.09.2022).

отказ от Запада — это не изоляционизм для России, а построение другой международной среды с партнерами в других регионах мира»⁴. Почетный председатель Президиума СВОП С. Караганов подвел итог, заявив, что «период, когда Россия пыталась встроиться в международный порядок, созданный в основном Западом, завершен... Россия уходит от цивилизации евроатлантической в современном ее виде. Она дала России немало, но во многом уже не нужна, не говоря о том, что все сильнее противоречит отечественной исторической традиции, культурным установкам, ценностям» [Караганов 2022]. Таким образом, мейнстрим российского экспертного мнения до недавнего времени расценивал «поворот на Восток» в смысле «отворота от Запада».

В рамках реализации стратегии «Поворота на Восток» 6 сентября 2022 г. состоялась официальная церемония открытия и запуска Забайкальского зернового терминала, являющегося крупнейшей в России зерновой железнодорожной грузовой станцией и крупнейшим в мире сухопутным зерновым терминалом. Это позволило решить проблему российских производителей и экспортеров, ограниченных инфраструктурой и не имеющих доступа к крупнейшему в мире рынку — Китаю. Открытие данного зернового терминала играет ключевую роль для экономического роста Дальнего Востока и Сибири. Что касается платежей за газ, то «Газпром» и его китайские партнеры перешли на торговый режим, при котором одна половина приходится на рубль, а другая — на юань.

На саммите ШОС в Самарканде президент России В. Путин, помимо серии двусторонних встреч с региональными лидерами, подписал более 40 документов о сотрудничестве, в частности трехстороннее обсуждение строительства газопровода «Союз Восток» между Китаем, Россией и Монгольской Республикой, которое привлекло большое внимание всего мира. Судя по всем вышеперечисленным действиям, положение Китая в российской стратегии «поворота на Восток» беспрецедентно усилилось. Как отметил Ф. Лукьянов, «китайско-российские отношения носят безальтернативный характер. Они никуда не могут деться ни при каких обстоятельствах»⁵.

Представление, реализация и совершенствование российской стратегии «поворота на Восток» является важной частью ее дипломатической стратегии в XXI в. Ускорение Россией «поворота на Восток» после украинского кризиса, с одной стороны, обусловлено возвращением евразийских идей во внешней политике России, а с другой стороны, основано на соображениях о том, что Россия как евразийская держава активно проводит азиатско-тихоокеанскую дипломатию и активно развивает Дальний Восток и Сибирь за счет быстрого экономического роста стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме того, сейчас Россия корректирует свою традиционную дипломатическую стратегию

⁴ Межуев Б., Сафранчук И., Лукьянов Ф. Правильная стратегия для России: не искать сближения ни с кем. Итоги Лектория СВОП // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-iskat-sblizheniya-svop/> (дата обращения: 06.09.2022).

⁵ Лукьянов Федор. «Поможет ли России Восток?» // Аргументы и факты. 2022 6 сентября (дата обращения: 07.11.2022).

европоцентризма не только для улучшения своей пассивной позиции в международной политике, но и повышения компенсации потерь, понесенных из-за санкций западных стран.

Евразийство: идейная основа «поворота на Восток»

В 1920-х гг. эмигрировавшие в Европу русские интеллектуалы формировали новую политическую идеологию, известную как «евразийство». Исходя из российских геополитических реалий, евразийцы считают, что уникальное географическое положение России на континенте Евразии определяет, что Россия не принадлежит ни Европе, ни Азии, а является независимым третьим континентом — «Европой и Азией»: единым и уникальным миром. С точки зрения национальности, русская нация не является ни «европейской», ни «азиатской», а считается «евразийской»; с точки зрения эволюции русской цивилизации и культуры, русский народ испытал влияние как европейской цивилизации, так и азиатской восточной цивилизации, сформировав «евразийскую культуру», объединяющую эти две цивилизации и обладающую русскими культурными особенностями. Евразийцы критически рассматривают европоцентризм, отрицают передовой характер европейской культуры и считают ее врагом культуры евразийской. Эта евразийская идея постепенно потеряла актуальность к 1930-м гг., когда евразийство называлось «классическим евразийством». В советский период в силу исключительности и монополизма социалистической идеологии евразийство находилось в маргинальном положении, но не исчезло полностью. После распада Советского Союза мысль о евразийстве вновь возродилась, и в перипетиях внутренних и внешних дел России родилось «новое евразийство».

Можно сказать, что некоторые основные идеи «нового евразийства» и «классического евразийства» развиваются в одном и том же направлении. Например, они оба подчеркивают уникальность России как Евразии, а также уникальность российской нации, истории и культуры, оба выступают против европоцентризма и т.д. Однако в условиях новой эпохи и интернациональной среды новое евразийство также породило свои оригинальные идеи и представления. Новое евразийство считает, что уникальное географическое окружение России наделило ее генами великой державы, и статус великой державы России необходимо закрепить на основе геополитического авторитаризма и мощи. Усиливая роль государства, Россия может добиться единства и поддержания общественного порядка внутри, а внешне закрепить традиционные геополитические интересы и расширить геополитическое пространство, и тем самым реализовать свою имперскую мечту; новое евразийство настаивает на многообразии мировых цивилизаций, подчеркивает уникальность российской евразийской цивилизации и ее независимость в мировой мультицивилизационной системе, тем самым выступает против универсализма западной цивилизации. Новое евразийство выступает против однополярного мира, в котором доминируют США,

и за построение наднациональной идентичности на основе геополитики и новой евразийской системы ценностей.

Следует указать, что возвращение и возрождение евразийства в современной России происходило на фоне так называемого «атлантизма» и фрустрации российской «прозападной» дипломатии, первостепенной задачей которой является изменение дисбаланса, вызванного политикой «тотальной вестернизации», что делает евразийскую идеологию более склонной к «повороту на Восток». Как пишет Лю Цзинань, цитируя М. Титаренко, бывшего директора Института Дальнего Востока РАН: «Западная цивилизация дала человечеству большой прогресс, но она же и поставила человечество на грань катастрофы и самоуничтожения. Чтобы решить эту проблему, мы должны правильно трактовать взаимосвязь восточной и западной мудрости, преодолеть крайний прагматизм западной философии и дополнить ее духовными достижениями восточной философии» [Liu Jiannan 2008, 24]. Евразийцы также считают, что если бы Россия не была мировой державой, то не было бы и России, а Россия не была бы мировой державой, если бы у нее не было азиатской части [Liu Feng 1996, 45]. Эта восточная тенденция, вдохновленная евразийством, фактически обеспечивает духовную опору и культурную почву для нового витка российской стратегии «поворота на Восток». Как видно из контекста развития и основных идей евразийства, теоретическая основа евразийства заключается в том, что евразийский регион, в котором находится Россия, является самостоятельным, закрытым, целостным географическим, экономическим и этническим единством — российским миром. Атлантизм носит направленный вовне характер и выступает за интеграцию в Европу, а евразийство имеет *интroversивные характеристики* и выступает за *возвращение к себе* и достижение баланса между Востоком и Западом.

Следует отметить, что в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации не только впервые используется цивилизационный подход к определению места России на политической карте мира и закрепляется на доктринальном уровне определение России как «самобытного государства-цивилизации», но и явно транслируется идея евразийской традиции. «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁶. Таким образом, можно констатировать, что «поворот на Восток» получил закрепление в доктринальных документах РФ.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 07.11.2022).

Необходимость развития Дальнего Востока и Сибири и сокращения разрыва между Востоком и Западом России

На протяжении веков, благодаря хорошим природным условиям, прочной промышленной базе, относительной концентрации населения и удобным наземным и морским перевозкам европейская часть России, сосредоточенная в Москве и Санкт-Петербурге, всегда выступала демографическим, политическим, экономическим и культурным центром России, а Сибирь и Дальний Восток всегда были регионами с догоняющим экономическим и культурным развитием. После распада Советского Союза, из-за длительной чрезмерной зависимости экономики от ресурсной модели развития, которая привела к серьезным деформациям в структуре экономики России, экономика во всем восточном регионе продолжала сокращаться, инфраструктура все больше отставала и погрузилась в состояние «двойного предела», будучи далеко от политического центра Москвы, а также от экономического центра Азиатско-Тихоокеанского экономического пространства.

Долгосрочное отставание в развитии восточных регионов России вызвало ряд цепных реакций, наиболее заметным из которых является массовый отток населения. С 1990-х гг. продолжается общая убыль населения Дальнего Востока. На 1 января 2023 г. численность населения ДФО составила 7 904 тыс. чел.⁷ Из-за сокращения численности населения возникла нехватка предложения рабочей силы. Нехватка людских ресурсов, в свою очередь, сдерживает развитие восточных регионов, экономика оказывается в порочном круге. Из-за отставания в экономическом развитии в регионе все еще существуют социальные проблемы, такие как высокий уровень безработицы, большой разрыв в распределении доходов, высокий уровень бедности и низкий уровень социального обеспечения. Еще более опасным является то, что эти социальные проблемы также усиливают пессимизм и сепаратистские тенденции среди местного населения, тем самым серьезно угрожая территориальной целостности и национальной безопасности России до такой степени, что «сохранение Востока и возобновление экономического развития на Востоке может быть более важным вопросом, чем стабилизация Юга России» [Qu Wenyi 2014]. Россия осознает, что необходимо преодолеть отсталость Сибири и Дальнего Востока через сотрудничество «с китайцами, но и не только с ними, а и с корейцами, и с японцами, и со странами Юго-Восточной Азии, со всеми, кто хочет участвовать в развитии производительных сил Сибири и Дальнего Востока»⁸. В противном случае она может столкнуться с угрозой потерять контроль над территориями на востоке страны.

Способность использовать «ветер Азиатско-Тихоокеанского региона» для эффективного развития Сибири и Дальнего Востока не только связана с долгосрочным миром и национальной безопасностью в России, но и сильно зависит

⁷ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf> (дата обращения: 07.11.2022).

⁸ Бажанов Е.П. Не бойтесь китайского дракона. URL: https://www.ng.ru/ideas/2013-08-02/9_china.html. (дата обращения: 07.11.2022).

от того, сможет ли Россия стать великой державой в Азиатско-Тихоокеанском регионе и даже мировой державой. На этот счет у российского руководства есть четкое понимание данной ситуации: «В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями»⁹.

Министр иностранных дел С. Лавров указал, что «одним из важнейших результатов распада биполярного мира стало бурное развитие Азии. На азиатском направлении сопрягаются внутренние и внешнеполитические приоритеты России. Во многом связываем подъем Сибири и Дальнего Востока — а без этого не обеспечить надежную безопасность восточных рубежей страны, — с российским участием в интеграционных процессах в АТР»¹⁰. Еще в 2010 г. Президент РФ Д. Медведев отметил, что «интеграция со странами Азиатско-Тихоокеанского региона — серьезный ресурс подъема экономики Дальнего Востока и всей России... шанс на развитие отношений в АТР надо использовать на благо дальневосточных регионов»¹¹. Президент В. Путин неоднократно подчеркивал, что «наша страна исторически, географически — неотъемлемая часть АТР. Полноформатный выход на азиатско-тихоокеанское пространство мы рассматриваем как важнейший залог успешного будущего России, развития сибирских и дальневосточных регионов»¹².

На уровне официального политического дискурса приоритет АТР во внешней политике России сформулирован уже давно. В рамках этой политики в течение многих лет российское правительство предпринимало шаги по развитию Дальнего Востока и Сибири. В 2015 г. В. Путин подписал указ о создании «свободного порта» во Владивостоке и «зоны свободной торговли» на территории порта, а также ввел налоговые льготы и субсидии для ведения бизнеса на Дальнем Востоке в целях укрепления торговых связей с соседними азиатскими странами. Предпринимались и другие меры, но из-за ряда факторов они не принесли ощутимых результатов.

На фоне нынешнего российско-украинского конфликта Россия вновь заявила о своем стремлении «поворота на Восток», что, с одной стороны,

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁰ Лавров Сергей. Мир не стал безопаснее — Основная причина — в издержках глобализации // Независимая газета. 2006. 25 декабря (дата обращения: 07.11.2022).

¹¹ Интеграция со странами Азиатско-Тихоокеанского региона — серьезный ресурс роста экономики Дальнего Востока. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8233> (дата обращения: 07.11.2022).

¹² Владивосток-2012: российская повестка для форума АТЭС. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16390> (дата обращения: 07.11.2022).

позволит ей принять решительные и эффективные меры по энергичному развитию Дальнего Востока и Сибири, а с другой — использовать экономическое сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона для развития Дальнего Востока и Сибири, привлечения средств и технологий из стран АТР, что даст России широкие возможности для экономического развития. Это, в свою очередь, способствует национальной безопасности и скоординированному развитию России и ее реальной экономической интеграции в быстро развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион. Одним словом, в российской стратегии «поворота на Восток» «Россия рассматривает Дальний Восток и Сибирь как восходящую звезду, надеясь на то, что, развивая Дальний Восток и Сибирь, она сделает их источником нового богатства России, и придаст импульс процветанию России в XXI веке» [Zhào Huáshèng 2016: 7].

Контекст нового «поворота на Восток»: провал иллюзий России в отношениях с Западом

На протяжении веков Россия всегда позиционировала себя как европейская страна, соответственно, Западная Европа и США были приоритетными направлениями российской дипломатии. В начале 1990-х гг. Россия провозглашала цель интегрироваться в семью западной цивилизации с помощью радикальной прозападной политики. В итоге этот тренд сошел на нет, столкнувшись с политикой и практикой сдерживания, вытеснения и ослабления России, последовательно проводимыми США. Вступая в XXI в., Соединенные Штаты сначала в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, затем возглавили расширение НАТО на восток, охватив три страны Балтии, а в 2003–2005 гг. последовательно инициировали «цветные революции» в Грузии и Украине. Все эти события постоянно бросали вызов традиционному мышлению российской дипломатии, ориентированному на Запад. С 2006 по 2007 г. США активно способствовали размещению восточноевропейских систем ПРО в Польше, Чехии и других странах, что привело к радикальной трансформации российской внешней политики в отношении Запада. Именно на этом фоне Президент России В. Путин в своей речи на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. подверг Запад самой резкой критике со времен окончания холодной войны, и с тех пор «антизападный» голос во внешней политике России становился все громче и громче.

Если до украинского кризиса 2014 г. отношения между Россией и Западом шли по нисходящей спирали, чередуя напряжение и временную разрядку, то присоединение Крыма к России привело к резкому ухудшению отношений. Западные страны исключили Россию из «Группы восьми» G8 и начали поэтапно вводить санкции против России. Обе стороны постепенно встали на путь конфронтации в сфере экономических санкций и контрсанкций, дипломатической изоляции и антиизоляции, ценностных споров и геополитических игр. В июле 2021 г. Президент В. Путин утвердил новую «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации», в которой стремление западных стран к гегемонии рассматривается как одна из главных угроз

национальной безопасности России. В. Путин обвинил западные страны в двойных стандартах, попытках изолировать Россию в международном сообществе, оказании политического и экономического давления на нее, провоцировании внутрirosсийских противоречий и расколе отношений между Россией и традиционными союзниками. По мнению Путина, это ухудшает геополитическую обстановку в России и повышает риск локальных конфликтов и региональных войн. К началу 2022 г., после неоднократных переговоров и неспособности получить от Запада правовые гарантии того, что НАТО больше не будет расширяться на Восток, Россия начала ответные действия: официально признала независимость восточных регионов Украины Донецкой и Луганской республики, и начала специальную военную операцию против киевского режима. На этом фоне западные страны не только ввели полномасштабные санкции против России, но и начали оказывать военную помощь Украине, одновременно подталкивая международное сообщество к полному подавлению и изоляции России.

На данный момент, конфликт между Россией и Украиной является «прокси-войной», а отношения между Россией и США, и Россией и Европой полностью и бесповоротно разрушились. Иллюзии Москвы относительно Запада окончательно развеялись, тем самым Россия начала проводить политику укрепления отношений с незападными странами. «Конфликт — фактически гибридная война — России с США и Европой может рассматриваться в качестве условия, которое сделает поворот на Восток уже не выбором, а необходимостью, заставив российское государство отнестись к нему по-настоящему серьезно»¹³. Вслед за российскими экспертами мы также готовы рассматривать эту ситуацию как гибридную войну между Россией и Западом, и даже между глобальным Западом и глобальным не-Западом.

Важность азиатско-тихоокеанской дипломатии для России

Основываясь на новой реальности ожесточенной конфронтации между Россией и Западом на фоне российско-украинского конфликта, российской дипломатии пришлось активизировать реализацию стратегии «поворота на Восток». «Кризис в Украине» сыграл роль катализатора поворота России на Восток, и в будущем Россия неизбежно будет больше полагаться на Азию.

С точки зрения России, географическое преимущество на евразийском континенте и богатые ресурсы на востоке вновь создали условия и основу для выхода из режима санкций и изоляций, а новая политика «поворота на Восток» — «необходимый элемент», а не «опцион», стратегическая цель которой — сплотить незападные страны, укрепить взаимные интересы, определить направления сотрудничества и расширить сферы сотрудничества. Используя свои ресурсы

¹³ Бордачев Тимофей. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povorot-rossii-na-vostok-mezhdu-vyborom-i-neobkhdimostyu/> 2 сентября 2022 г. (дата обращения: 07.11.2022).

и геополитические преимущества для достижения геополитического влияния, противодействуя риску долгосрочного геополитического противостояния с Западом, сохраняя свое могущество и влияние, сотрудничество России с западными странами может восстановить многополярный мировой порядок. Как Президент В. Путин заявил во время выступления с видеообращением в рамках Московской конференции по международной безопасности в августе 2022 г.: «Время однополярного мира уходит, гегемония Запада — это мракобесие и неолиберальный тоталитаризм. Сейчас формируются контуры многополярного мироустройства, все больше стран выбирают путь суверенного развития»¹⁴.

С точки зрения изменений в структуре мировых сил, произошедших за последние тридцать лет после окончания холодной войны, наиболее заметным сдвигом стал массовый подъем азиатских развивающихся экономик во главе с Китаем, а также перемещение мирового политического и экономического центра из Атлантического в Тихоокеанский регион. В частности, с начала XXI в., с быстрым экономическим ростом и ростом международного статуса, Азиатско-Тихоокеанский регион становится новым центром мировой экономики и торговли и все чаще становится источником международной политической и экономической власти. В течение последнего десятилетия ежегодный рост ВВП азиатских стран приближался к 5 %, в то время как глобальный рост ВВП составлял около 3 %, США — 2 %, ЕС — 1,2 %, что важно, эта тенденция роста продолжается, и доля азиатских экономик в мировом ВВП вырастет с 37,1 % в 2015 г. до 45 % в 2027 г. Азиатско-Тихоокеанский регион имеет площадь около 13,45 млн кв. км, в нем проживает более 40 % населения мира, ВВП составляет более половины мирового валового продукта, объем региональной торговли также достиг более 50 % от общего объема мировой экспортноимпортной торговли¹⁵. Положение региона в мировой экономике постоянно растет, он сформировал трехстороннюю тенденцию с Северной Америкой и Европой и все больше привлекает внимание западных стран и международного сообщества.

От «перебалансировки Азиатско-Тихоокеанского региона» при Обаме до «стратегии Индо-Тихоокеанского региона» при Трампе до новой «стратегии Индо-Тихоокеанского региона» при администрации Байдена, США и Европа постоянно увеличивают свои военные и экономические инвестиции в Азиатско-Тихоокеанский регион, что не может не вызывать у России, две трети территории которой расположены в Азии, чувство наступающего кризиса. Азиатско-Тихоокеанский регион, как наиболее динамично развивающийся и быстро растущий регион мировой экономики, имеет огромный потребительский рынок и может стать потенциальным источником инвестиций для России. В интересах экономики и безопасности, Россия надеется, что Дальний Восток и Сибирь будут как можно скорее интегрированы

¹⁴ Латухина Кира. О гегемонии коллективного Запада и целях РФ. Путин выступил на конференции по безопасности // Российская газета. 2022. 16 августа (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁵ Выступление Си Цзиньпина на саммите торгово-промышленных лидеров АТЭС. URL: http://www.gwytb.gov.cn/m/headline/202211/t20221118_12488623.htm (дата обращения: 30.10.2023).

в процесс экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и будут способствовать развитию восточных регионов с помощью Азиатско-Тихоокеанского рынка, обеспечат экономическую жизнеспособность Дальнего Востока за счет политики открытия территорий опережающего развития и портов свободной торговли, тем самым стимулируя восстановление и развитие отечественной экономики. Азиатско-Тихоокеанский регион стал ключевым регионом в борьбе между Россией и Западом после СНГ, о чем свидетельствует новая «Стратегия национальной безопасности России», которая ставит Азиатско-Тихоокеанский регион на важное место. В стратегии было отмечено, что Россия выступает за развитие всеобъемлющего партнерства по стратегическому взаимодействию с Китаем и специального и преференциального стратегического партнерства с Индией, а также за создание на неприсоединившейся основе надежного механизма обеспечения региональной безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Заключение

Стремление России укрепить дипломатию в Азиатско-Тихоокеанском регионе с помощью стратегии «поворота на Восток», чтобы преодолеть дипломатическую изоляцию и компенсировать потери, вызванные западными санкциями, является наиболее разумным выбором, сделанным Россией. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в прошлом азиатская политика России была подчинена и служила западной дипломатии, в то время как так называемая стратегия «поворота на Восток», имела не менее большое значение для Запада. Сегодняшний российский «поворот» — это уже не дипломатический акт, который Россия демонстрирует Западу, а продуманная и зрелая политика.

В целом, стратегия России «поворота на Восток» имеет глубокие внутренние и внешние движущие силы, реализация этой стратегии может помочь России достичь желаемых целей и результатов. Это не только напрямую связано с безопасностью и развитием самой России, но и с безопасностью, стабильностью и процветанием Азиатско-Тихоокеанского региона и всего мира, что заслуживает большого внимания со стороны всего мира.

Поступила в редакцию / Received: 11.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список / References

- Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству. Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5. С. 6–18. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18>
- Karaganov, S.A. (2022). From the non-West to the Global Majority. *Russia in Global Affairs*, 20(5), 6–18. (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18>

- Liu, Jiannan. (2008). *New Euroasianism studies*. Heilongjiang Education Publishing House. (In Chinese).
- Liu, Feng. (1996). Euroasianism in Foreign Policy of Russia. *Europe*, 5, 33–45. (In Chinese).
- Qu, Wenyi. (2014). Eastern Strategy of Russia and countermeasures of China. *Japanese Studies*, 3, 23–31. (In Chinese).
- Zhào, Huáshèng. (2016). On Turning East Strategy of Russia. *Russian, East European and Central Asian Studies*, 4, 1–16. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Хуан Дэньсюэ — заместитель директора Центра исследований России и Центральной Азии, Шаньдунский университет, профессор Института политологии и государственного управления Шаньдунский университет, Циндао, КНР (e-mail: dengxue@sdu.edu.cn) (ORCID: 0000-0003-1306-3038)

Ван Ин — докторант Института политологии и государственного управления, Шаньдунский университет, Циндао, КНР (e-mail: 415553772@qq.com) (ORCID: 0009-0001-1240-5414)

About the authors:

Dengxue Huang — Deputy Director of Center of Russian and Central Asian Studies, Shandong University, Professor of Institute of Political Science and Public Administration, Shandong University (e-mail: dengxue@sdu.edu.cn) (ORCID: 0000-0003-1306-3038)

Ying Wang — PhD student of Institute of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China (e-mail: 415553772@qq.com) (ORCID: 0009-0001-1240-5414)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-31-49

EDN: KHWMSR

Научная статья / Research article

Гибридные войны и специальные операции в контексте воздействия на систему обеспечения национальной безопасности: взгляд из Китая

Л.Г. Абдрахимов ¹, А.О. Ликсок²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
Москва, Российская Федерация

 van.leonid@mail.ru

Аннотация. Проблематика гибридных войн, гибридных операций, гибридного воздействия приобрела особую значимость в контексте осложнившейся геополитической обстановки в мире после февраля 2022 г. Авторская гипотеза состоит в том, что вынуждение России к началу может трактоваться как один из инструментов гибридного воздействия США на КНР. В ходе работы были применены методы контент-анализа концептуально-доктринальных и нормативных документов, анализ подходов китайских ученых, политических и военных деятелей на гибридные войны и операции, а также публикации авторитетных СМИ по данной проблематике. В результате сделан вывод о том, что в китайском понимании проведение гибридных войн и операций становится основной формой противостояния между государствами и блоками государств на современном этапе. При этом гибридное воздействие оказывается на систему обеспечения национальной безопасности, которая в свою очередь должна эффективно противостоять «традиционным и нетрадиционным» угрозам и вызовам, которые и являются гибридными. Китайские специалисты отмечают, что существует риск недооценки ответственности за возможный глобальный конфликт, который может быть вызван неадекватным проецированием гибридных угроз на какую-либо страну или группу стран. Автор также приходит к выводу о том, что мы можем наблюдать одну из последних стадий разворачивания гибридной войны США против КНР.

© Абдрахимов Л.Г., Ликсок А.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: гибридная война, гибридная операция, гибридная угроза, доктрина Герасимова, китайский подход, Китай, КНР, национальная безопасность, система обеспечения национальной безопасности, военная стратегия, угроза, вызов, конфликт

Для цитирования: *Абдрахимов Л.Г., Ликсоок А.О.* Гибридные войны и специальные операции в контексте воздействия на систему обеспечения национальной безопасности: взгляд из Китая // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 2024. Т. 26. № 1. С. 31–49. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-31-49>

Hybrid Warfare and Operations in the Context of the National Security System: A Chinese Perspective

Leonid G. Abdrakhimov¹ , Alina O. Liksook²

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 van.leonid@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic of the study lies in the fact that the problems of hybrid warfare, hybrid operations, hybrid influence have become especially important in the context of the complicated geopolitical situation in the world after February 2022. In the author's opinion, Russia's forced conduct of the Special military operation is one of the tools of the US hybrid influence on China. In the study several methods were applied: the content analysis of conceptual-doctrinal and normative documents, analyzed the views of Chinese scientists, political and military figures on hybrid warfare and operations, as well as publications of authoritative media on this issue. As a result, it is concluded that in the Chinese understanding hybrid wars and operations are becoming the main form of confrontation between states and blocs of states. At the same time, the hybrid impact is exerted on the national security assurance system, which should effectively counter "traditional and non-traditional" threats and challenges, that are hybrid. Chinese experts note that there is a risk of underestimating the responsibility for a possible global conflict, which may be caused by inadequate projection of hybrid threats onto a country or group of countries. The author also concludes that we may be witnessing one of the last stages of the unfolding U.S. hybrid war against China.

Keywords: hybrid warfare, hybrid operation, hybrid threat, Gerasimov's doctrine, Chinese approach, China, PRC, national security, national security system, military strategy, threat, challenge, conflict

For citation: Abdrakhimov, L.G., & Liksook, A.O. (2024). Hybrid warfare and operations in the context of the national security system: A Chinese perspective. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 31–49. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-31-49>

Введение

Что такое современная война? К чему должна быть готова армия и государство? Именно эти вопросы поставил начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Валерий Герасимов в 2013 г. в материале, опубликованном на портале

«Военно-промышленный курьер»¹, который лег в основу так называемой «доктрины Герасимова»² или доктрины ведения гибридных войн и операций.

Однако В.В. Герасимов не был первым, кто поставил эти вопросы и сформулировал императив адаптации стратегической военной доктрины к новой эпохе, характеризующейся экономической, технологической взаимосвязанностью и важностью субгосударственных и надгосударственных акторов в обеспечении или ослаблении безопасности национальных государств.

Понятие гибридной войны в последнее десятилетие прочно обосновалось в политической риторике на Западе и в России. Российские эксперты «справедливо указывали на его размытость, пересечение с другими понятиями (например, «иррегулярные войны»)»³ [Коньшев, Парфенов 2019]. Тем не менее широкое распространение термина трудно назвать случайным⁴.

В основном это связывают с конфликтом России со странами Запада, обострившимся на фоне украинского кризиса в 2014 г. и резко набравшим обороты после начала специальной военной операции (СВО) в 2022 г. Этот конфликт имеет все *признаки гибридной войны*, среди которых: латентность, использование информационных технологий (кибератак, фейков и пропаганды), неформальных сил (наемников, террористических групп или прокси-армий), экономического давления (санкции, блокады), чтобы ослабить противника. Термин «гибридность» подразумевает производное от двух разных видов объектов. В случае гибридной войны — это смешение силового и несилового инструментариев воздействия.

Российская сторона акцентирует внимание на масштабной военной помощи Украине со стороны Запада, активной антироссийской пропаганде в западных глобальных СМИ, попытках манипулировать общественным мнением, разжигать и направлять социальные протесты, прямо или косвенно содействовать смене систем в соседних странах, а также в самой России, использовании односторонних санкций, преследовании россиян за рубежом, продвижении нетрадиционных ценностей, атаках на Православную церковь и т.п. Со своей стороны в СМИ стран Запада в последнее десятилетие почти любой негативный инфоповод обсуждается в контексте «русского следа».

¹ Ценность науки в предвидении 27.02.2013 // Военно-промышленный курьер. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения: 11.09.2023).

² «Доктрина Герасимова» — мифологема о внешнеполитической программе и стратегии военных действий РФ, которую за пределами России приписывают начальнику Генерального Штаба РФ В.В. Герасимову. «Доктрина» переосмысливает современное понятие межгосударственного конфликта и военные действия ставит в один ряд с политическими, экономическими, информационными, гуманитарными и другими невоенными мероприятиями. Подробнее см.: Кофман М. Миф о «доктрине Герасимова». 05.02.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mif-o-doktrine-gerasimova/?ysclid=lr77bnoej478469184> (дата обращения: 11.09.2023).

³ Топычканов П. «Гибридная война» — научный термин или пропагандистский штамп? 20.07.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-nauchnyy-termin-ili-propagandistskiy-shtamp/> (дата обращения: 11.09.2023).

⁴ Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир. 04.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-i-gibridnyy-mir/> (дата обращения: 11.09.2023).

Вместе с тем параллельно развивается гибридное соперничество Китая и США. И на региональном уровне ведется множество гибридных войн — в Закавказье, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Африке и Азии. Сегодня гибридные войны приобретают новое качество с учетом беспрецедентной взаимозависимости, развития информационных технологий, инструментов социального контроля и других факторов.

Более того, гибридные войны — или по крайней мере гибридные операции — возможны даже между союзниками. Например, США и Турция являются союзниками по НАТО. Однако Вашингтон использует экономические санкции против Анкары, отдельных лиц и организаций, поддерживает антитурецкие силы. Периодически случаются скандалы с секретным прослушиванием лидеров союзных стран. Демократические выборы омрачаются негласным участием разведок, лоббистских группировок, этнических землячеств, действующих в интересах своих стран. Широкое применение инструментов гибридной войны, которые никак не ограничены международными нормами и правилами, в современных международных отношениях возвращает нас к де-факто гоббсовскому состоянию войны всех против всех, когда отношения между государствами обречены на анархию. Состояние мира временно, и в любой момент ситуация может перейти в состояние войны.

Понятие «гибридная война» в политической мысли Запада и Востока

Понятие гибридной войны насчитывает долгую историю формирования. Так, древний китайский военный стратег Сунь Цзы утверждал, что «высшее военное искусство — покорить врага без боя», а также что «война — это путь обмана»⁵.

В настоящее время гибридные войны становятся одним из самых перспективных направлений научных исследований. Внимание к феномену «гибридной войны» проявляют большей частью ученые-исследователи и эксперты (в основном военные) из США, ЕС [Libiseller 2023;], Китая [Го 2022] и РФ [Suchkov 2021; Гончаренко 2022; Манойло, Гончаренко 2023, Репко 2017 и др.]. Особое место в англоязычной литературе занимают публикации о потенциале и инструментах ведения гибридных войн Россией [Bukkvoll, Østensen 2020; Potočňák, Mareš 2022; Gould-Davies 2023; Larsen 2023; Kormych, Malyarenko 2023; Muradov 2022].

После присоединения Крыма в марте 2014 г. идея «гибридной войны» получила широкое распространение как в научных, так и в политических кругах на Западе и в РФ как концепция, которая объясняет успех российских военных в этом конфликте [Renz 2016]. В этих научных публикациях и политических документах приводится множество различных определений и концепций,

⁵ Сунь Цзы китайский стратег и мыслитель, живший в VI в. до н. э.: трактат *Искусство войны* в переводе академика Н.И. Конрада. URL: <https://asagao.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0218/218623.q6tphimoyt.pdf> (дата обращения: 09.03.2022).

позволяющих понять смысл гибридной войны, гибридных операций и гибридной воздействия [Janičatová, Mlejnková 2021].

По определению А. Билаля, «гибридная война — это взаимодействие или сочетание обычных и нетрадиционных инструментов силы и диверсионных действий, при котором происходит смешение этих инструментов или средств, чтобы воспользоваться уязвимыми сторонами соперника для достижения синергетического эффекта»⁶. При этом он выделяет две характерные черты гибридной войны: во-первых, граница между войной и миром четко не просматривается; во-вторых, страна, которая подвергается атаке, либо не способна выявить гибридное нападение, либо не способна установить, на каком государстве лежит ответственность за нанесение или спонсирование этого удара⁷. Поскольку гибридная война предполагает нечеткое разграничение между политической активностью и военными действиями, то в этом смысле вся политика может быть сведена к потенциальной фазе наращивания полномасштабной конфронтации [Malksoo 2018].

НАТО использует термин «гибридная война» в своих стратегических документах и декларациях саммитов [Caliskan, Liégeois 2021], также этот термин официально принят в основных стратегических документах ЕС и национальных правительств [Caliskan 2019]. В России в официальных документах (Концепции внешней политики РФ⁸, Военной доктрине РФ⁹) понятие гибридной войны практически отсутствует.

В России только с 2014 г. начали широко публиковаться отечественные исследовательские работы, посвященные феномену гибридной войны. Ранее тема интересовала узкий круг специалистов, рассматривавших гибридную войну не как самостоятельное явление, а в контексте смежных тем [Гареев 2003; Гареев, Турко 2017]. В связи с этим И. Тимофеев (РСМД) считает, что «пока это понятие действительно страдает избыточной размытостью. Оно скорее пригодно для публицистики, нежели для науки. Однако явления, которые охватываются определением „гибридная война“, требуют рефлексии и более строгой проработки данного концепта»¹⁰. Важным дополнением к определению гибридных войн, предложенным И. Тимофеевым, является «политическое использование критических узлов» в «плотных сетях взаимозависимости, которые базируются на тех или иных глобальных благах — финансовых услугах, социальных сетях, цифровых сервисах, цепочках добавленной стоимости, производственных

⁶ Билал А. Гибридная война: новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот 30.11.2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugrozy-sloyonosti-i-doverie-kak-antidot/index.html> (дата обращения: 11.09.2023).

⁷ Там же.

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) (понятие «гибридная война» использовано 1 раз в п.13 в описании политики США в отношении РФ)

⁹ Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г.

¹⁰ Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир 04.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-vojna-i-gibridnyy-mir/> (дата обращения: 11.09.2023).

связях и прочем»¹¹. Таким образом, потенциал гибридного воздействия и одновременно защиты от гибридных угроз — развитие собственных, суверенных сетей, услуг и сервисов. Всем этим в последнее десятилетие активно занимается Россия, но пока она заметно уступает в этом Китаю, который способен обеспечить себе и партнерам технологическую альтернативу.

Понятие «гибридная война» в современном научном и политическом дискурсе Китая

В последние несколько лет понятие «гибридная война» (混合战争 *hùnhé zhànzhēng*) получило широкую популярность и в КНР: он активно обсуждается в китайских СМИ, в профессиональных экспертных сообществах и на высоком политическом уровне [Го 2022]. Исследования в этой области в КНР строятся вокруг необходимости создания эффективной системы обеспечения национальной безопасности (СОНБ). Однако, по мнению западных специалистов [EGE 2020], эти исследования могут использоваться и для реализации китайского регионального и глобального доминирования.

В контексте нарастающей гибридизации мировой политики «гибридная война» воспринимается китайскими экспертами как стратагема (т.е. заранее определенная последовательность действий, направленная на решение конкретной задачи или достижение неявной цели с учетом психологических наклонностей объекта и особенностей ситуации) организации борьбы с современными диверсифицированными угрозами национальной безопасности (国家安全 *guójiā ānquán*). Как считают китайские специалисты, концепция «гибридной войны» была впервые предложена США и до совершенства была доведена именно Россией, которая, используя теорию гибридной войны США, применила ее на практике в гибридных операциях в Сирии, Ливии и других регионах [Го 2022].

КНР уже в течение нескольких лет, начиная с президентства Д. Трампа, живет в состоянии, которое может быть описано в терминах гибридной войны с США. Еще совсем недавно она принимала форму острого торгового («санкционного») противостояния. Сегодня же гибридная война США против Китая ведется в основном в сфере информационных операций. Однако в преддверии президентских выборов США 2024 г. и особенно после них форматы этого гибридного противостояния имеют шансы диверсифицироваться. В этих условиях Китаю жизненно необходимо не только перенять лучший опыт ведущих стран мира в сфере ведения наступательной и оборонительной гибридной войны, но и научиться применять методы и технологии гибридных войн на практике [Го 2022]. С этой целью китайские авторы стремятся концептуализировать это понятие применительно к китайской политико-философской традиции.

Долгое время китайские ученые использовали понятие «гибридная война» применительно к политике стран Запада. Как следствие, упоминание гибридных

¹¹ Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир. 04.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-i-gibridnyy-mir/> (дата обращения: 11.09.2023).

войн в китайских источниках вплоть до недавнего времени носило отрывочный и фрагментарный характер, принимая форму интерпретации подходов отдельных экспертов из США и России [Дуань Цзюньцзе 2017; Ван Сяоцзюнь 2016; Ма Цзяньгуанб Ли Юаньбин 2021; Гао Кай, Чжао Линь 2019]. Однако в последние несколько лет тематика получила развитие в КНР [Чжан Хуэй и Лю Цзюньбяо 2017, Хань Айюн¹², Ван Баофу¹³].

В своих работах они подчеркивают, что собственного систематизированного изложения теории гибридной войны китайская политическая наука пока не сформулировала. Авторы используют термин «неограниченные» (超限战) войны [Го 2022], а также «нетрадиционные вызовы безопасности» (非传统安全挑战) и «нетрадиционные угрозы безопасности» (非传统安全威胁). Нетрадиционные угрозы безопасности являются относительными по отношению к традиционным угрозам безопасности и относятся к факторам, помимо военных, политических и дипломатических конфликтов, представляющим угрозу выживанию и развитию суверенных государств и человечества в целом. К нетрадиционным угрозам безопасности относятся угрозы экономической безопасности (经济安全), финансовой безопасности (金融安全), экологической безопасности (生态环境安全), информационной безопасности (信息安全), ресурсной безопасности (资源安全), терроризм (恐怖主义), распространение оружия (武器扩散), распространение болезней (疾病蔓延), транснациональная преступность (跨国犯罪), контрабанда и наркотрафик (走私贩毒), нелегальная иммиграция (非法移民), пиратство (海盗) и отмывание денег (洗钱)¹⁴.

В контексте Концепции комплексной национальной безопасности (总体国家安全观) КНР сформулировано, что «традиционная и нетрадиционная безопасность переплетаются, трансформируются и подменяют друг друга, а способность страны интегрировать традиционную и нетрадиционную безопасность является прямым отражением уровня ее потенциала управления национальной безопасностью»¹⁵. В политическом дискурсе КНР эти понятия появляются в докладе XX съезда Коммунистической партии Китая (КПК) (далее — Доклад), в котором отдельное место посвящено национальной безопасности, сказано, что «партия и государство придают большое значение вопросам национальной безопасности, при этом партия и государство полны решимости содействовать модернизации системы и потенциалам национальной

¹² 韩爱勇《混合战争：国家安全面临的新挑战》，载学习时报2019年01月18日。[Хань Айюн. Гибридная война: новый вызов национальной безопасности // StudyTimes. 2019]. URL: http://152.136.34.60/html/2019-01/18/nw.D110000xxsb_20190118_1-A2.htm (дата обращения: 11.08.2023).

¹³ 王宝付《混合战争：战争演进的新形态》，载《光明日报》2016年04月06日第11版2 [Ван Баофу. Гибридная война: новая форма эволюции войны // GuangmingDaily. 2016]. URL: https://epaper.gmwcn/gmrb/html/2016-04/06/nw.D110000gmr_20160406_1-11.htm (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁴ Нетрадиционные угрозы безопасности. Проблемы, связанные с нетрадиционными угрозами безопасности. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%9D%9E%E4%BC%A0%E7%BB%9F%E5%AE%89%E5%85%A8%E5%A8%81%E8%83%81/2744464> (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁵ Пересечение границ: реальные вызовы безопасности человека и картина будущего URL: <http://www.rmlt.com.cn/2022/0627/650248.shtml> (дата обращения: 11.11.2023).

безопасности, решительно защищать национальную безопасность и социальную стабильность»¹⁶. Среди «нетрадиционных угроз» в Докладе выделены продовольственная и энергетическая безопасность, безопасность обеспечения важных промышленных цепочек, безопасность интересов за рубежом и социальная безопасность, а также научно-техническая, культурная и экологическая безопасность¹⁷. То есть происходит переход от понимания нетрадиционных аспектов безопасности от реактивных к проактивным, и от внутрикитайских к внешнеэкономическим и внешнеполитическим. Таким образом, можно заключить, что «гибридная» тематика в китайском научном и политическом дискурсе выстраивается вокруг понятий традиционных и нетрадиционных угроз и вызовов в русле системного понимания противодействия этим явлениям в рамках обеспечения национальной безопасности.

Понятие «гибридная война» и система обеспечения национальной безопасности (СОНБ) КНР

По словам К. Клаузевица [2018], «война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами». С наступлением эпохи гибридных войн репертуар средств ведения войны стал значительно шире и граница между политикой и войной стремится к исчезновению.

Гибридная война обеспечивает возможность лишить противника безопасности на фронте и в тылу одновременно: политические, военные, экономические, социальные, информационные и инфраструктурные точки уязвимости государства подвергаются атаке таким образом и в таком сочетании, что государство ощутимо и функционально ослабевает¹⁸. Поэтому противодействие гибридным угрозам, по словам Ван Баофу, — это не только вопрос военной стратегии, но комплексный вопрос национальной безопасности¹⁹. Исходя из этого, страны создают системы обеспечения национальной безопасности (СОНБ), которые представляет собой «совокупность органов, сил и средств обеспечения национальной безопасности, мер политического, правового, организационного, экономического, военного и иного характера, направленные на обеспечение безопасности личности, общества и государства»²⁰. В Китае СОНБ включает в себя ряд подсистем: обеспечения правопорядка, выработки стратегий, а также

¹⁶ Доклад Си Цзиньпина на 20-м съезде Коммунистической партии Китая. URL: <https://www.12371.cn/special/20da/bg/> (дата обращения: 23.11.2023).

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Билал А.* Гибридная война: новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот. 30.11.2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugrozy-sloyonosti-i-doverie-kak-antidot/index.html> (дата обращения: 23.11.2023).

¹⁹ 王宝付. “混合战争” 战争演进的新形态载 “光明日报” 2016年04月06日第11版, [Ван Баофу. «Гибридная война»: новая форма эволюции войны // *Guangming Daily*. 2016. № 11]. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-04/06/nw.D110000gmrb_20160406_1-11.htm. (дата обращения: 02.11.2023).

²⁰ Система обеспечения национальной безопасности // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/text/5033714> (дата обращения: 15.11.2022).

политическую систему, систему мониторинга рисков и раннего предупреждения, систему управления чрезвычайными ситуациями, а также систему гарантий безопасности в ключевых областях и систему координации и управления»²¹.

Процесс построения СОНБ и внимание к национальной безопасности как системному явлению вообще в Китае стало особенно динамично развиваться после прихода к власти Си Цзиньпина в 2013 г. Более того, национальная безопасность стала рассматриваться как «основа национального возрождения, а социальная стабильность — предпосылкой национальной силы»²². Получила воплощение Концепция комплексной национальной безопасности с опорой на *принцип народной безопасности*, политической безопасности — как фундамента, экономической безопасности — как основы, военной, научно-технической, культурной и социальной безопасности — как гарантии, а также продвижения международной безопасности и интеграции внешней и внутренней, традиционной и нетрадиционной безопасности»²³. Таким образом, Концепция стала первым открытым концептуально-доктринальным документом, который системно излагает взгляд КПК на СОНБ Китая. Более того, в нем постулируется, что это «первая в истории партии крупная стратегическая идея, ставшая руководящей идеологией в работе по обеспечению национальной безопасности, кристаллизация практического опыта и коллективной мудрости КПК и китайского народа в вековой борьбе за суверенитет, безопасность и интересы развития страны, последнее достижение в китаизации марксистской теории национальной безопасности, важная часть мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи, а также фундаментальный ориентир для работы по обеспечению национальной безопасности и руководство к действию в новую эпоху»²⁴.

Концепция содержит десять принципов: «1) приверженность абсолютному руководству партии в работе по обеспечению национальной безопасности; 2) приверженность курсу национальной безопасности с китайской спецификой; 3) приверженность цели обеспечения безопасности народа; 4) приверженность интеграции развития и безопасности; 5) приоритет политической безопасности; 6) приверженность комплексному обеспечению безопасности во всех областях; 7) приоритет предотвращения и устранения рисков национальной безопасности; 8) продвижение общей международной безопасности; 9) содействие модернизации системы и потенциала национальной

²¹ Чжао Лэй. Твердое продвижение модернизации системы и возможностей национальной безопасности. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/1107/c40531-32560179.html> (дата обращения: 02.12.2022).

²² Си Цзиньпин подчеркнул важность продвижения модернизации системы и возможностей национальной безопасности и решительного поддержания национальной безопасности и социальной стабильности. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/16/content_5718828.htm (дата обращения: 16.10.2022).

²³ Там же.

²⁴ Си Цзиньпин о социализме с китайской спецификой. URL: <https://www.12371.cn/special/hxzhd/hxnr/aqg/> (дата обращения: 16.10.2023).

безопасности; 10) укрепление кадрового потенциала национальной безопасности»²⁵. Таким образом, этот документ затрагивает двадцать сфер СОНБ, которые перечислены в порядке иерархии ценностей КНР: политическая (政治), военная (军事), территориальная (国土), экономическая (经济), финансовая (金融), культурная (文化), социальная (社会), научно-техническая (科技), сетевая (网络), продовольственная безопасность (粮食), экологическая (生态), ресурсная (资源), ядерная (核), безопасность интересов за рубежом (海外利益), космическая (太空), безопасность глубоководных морей (深海), безопасность полюсов Земли (极地), биологическая (生物), ИИ (人工智能), безопасность данных (数据)²⁶.

В результате мер по реализации Концепции в КНР начался постепенный процесс создания полноценной СОНБ с наличием подсистемы концептуально-доктринальных документов, подсистемы сил, средств и сфер: концептуально-доктринальный уровень, институциональный уровень (уровень сил), уровень средств и сфер. [Абрахимов 2023]. Таким образом, к настоящему времени в Китае выстроена система безопасности, которая учитывает все возможные традиционные и нетрадиционные угрозы и вызовы, и готова к масштабному противостоянию с недружественными ей международными акторами. Имея это в виду, можно смоделировать вероятное гибридное воздействие на нее со стороны США.

Модель вероятного поэтапного разворачивания гибридной войны между США и КНР в проекции воздействия на СОНБ КНР

Современные гибридные войны и операции между государствами не разворачиваются в одночасье. Они представляют собой последовательность этапов, которые являются взаимосвязанными и ведут к конфликту. При этом воздействие оказывается на так называемые «сети взаимозависимости», которые являются ключевыми узлами обеспечения безопасности в таких сферах СОНБ, как кибернетическая, экономическая, психологическая, геополитическая, информационно-идеологическая, географическая и др. [Гончаренко 2022].

Применяя методику поэтапного рассмотрения разворачивания гибридной войны, разработанной экспертами Военной академии Генерального штаба ВС РФ применительно к России, можно проследить процесс эскалации гибридной войны и его этапы (информационно-психологическая и внешнеполитическая фаза, экономическая и социальная фаза, прокси-силовая фаза, силовая фаза, постконфликтная фаза) [Прогнозируемые вызовы...2021], которые прослеживаются в настоящее время на примере разворачивающейся гибридной войны между США и КНР. Этапы гибридного воздействия США и их союзников на СОНБ КНР приведены в табл. 1.

²⁵ Си Цзиньпин о социализме с китайской спецификой. URL: <https://www.12371.cn/special/hxzd/hxnr/aqg/> (дата обращения: 16.10.2023).

²⁶ Там же.

Вариант поэтапного гибридного воздействия США на СОНБ КНР

Этапы	Содержание гибридного воздействия	Реализация гибридного воздействия со стороны США
1	2	3
Информационно-психологическая и внешнеполитическая фаза		
1	Оказание психологического давления на внешнеполитическом контуре через информационные и пропагандистские кампании, идеологическую пропаганду и дипломатическое давление	<ul style="list-style-type: none"> • Принятие Стратегии национальной безопасности США и Оборонной стратегии США, где Китай обозначен главным вызовом для США • Постоянное привлечение внимания к проблеме соблюдения прав человека в Синьцзяне и Тибете • Провокационный визит Н. Пелоси на Тайвань • Продвижение в СМИ идеи об экспансионистской и реваншистской природе развития современного Китая
2	Подготовка альтернативной элиты и лидеров вне страны-цели, делегитимация действующей власти	<ul style="list-style-type: none"> • Распространение материалов о так называемых «панамских» офшорных счетах Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао и т.д. • Продолжение поддержки китайских диссидентов — Го Вэньгуй и др. • Распространение в СМИ слухов о якобы принудительном выдворении экс-главы КНР Ху Цзиньтао с XX заседания КПК • Манипулирование информацией в СМИ о якобы неслучайной смерти экс-премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна, отставками экс-главы МИД Цинь Гана и министра обороны генерал-полковника Ли Шанфу • Продолжение политических, военных и экономических контактов с Тайванем
3	Создание союзов, площадок, форматов сотрудничества со странами, которые граничат со страной-целью или находятся в сфере влияния страны-цели	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка Индо-Тихоокеанской концепции • Создание форматов Трехстороннего пакта безопасности AUKUS (Австралия, Великобритания, США), Четырехсторонний диалог по безопасности QUAD (Австралия, Индия, США, Япония) • Создание предпосылок расширения НАТО в Тихоокеанский регион
4	Подталкивание третьих стран к активизации территориальных споров со страной-целью	<ul style="list-style-type: none"> • Поощрение стран Южно-Китайского моря (Филиппин, Малайзии, Вьетнама) к разрешению спора о так называемой «девятипунктирной линии» государственной границы Китая
Экономическая и социальная фаза		
5	Осуществление давления в экономической сфере, наложение финансовых и экономических санкций	<ul style="list-style-type: none"> • Инициирование президентом Д. Трампом «торговой войны» с Китаем • Принятие закона о запрете экспорта и передачи Китаю микрочипов и технологий их производства
6	Подрыв основных интегральных показателей экономики и социальной стабильности и радикализация настроений через диверсионные операции глобального характера	<ul style="list-style-type: none"> • Распространение в СМИ мифа о китайской («желтой») угрозе, разгон антикитайских настроений в мире • Обмен взаимными обвинениями в умышленном распространении вируса COVID–19

1	2	3
7	Создание проблем, имеющих характер «непреодолимой силы» в странах продвижения заграничных проектов страны-цели и принуждение к активизации деятельности на внешнеполитическом контуре и в военной сфере (гонка вооружений, военные учения и т.д.) страной-целью в связи с событиями в странах-союзниках, а также странах, которые являются поставщиками стратегических ресурсов	<ul style="list-style-type: none"> • Провокационная политика, усугублявшая конфликт России и Украины, в результате которого он перешел в открытую фазу (начало СВО) • Разжигание конфликтов и напряженности на Ближнем Востоке через прокси-силы • Вывод войск из Афганистана с целью дестабилизации обстановки в Центральной Азии
Прокси-силовая фаза		
8	Организация вооруженных групп из радикалов, которые направлены на захват власти в стране и переход их к активным действиям по дестабилизации обстановки в стране	Пока нет шагов к реализации
9	Переброска войск и проведение военных учений на границах государства	Пока нет шагов к реализации
Силовая фаза		
10	Установление воздушной, морской или сухопутной блокады страны-цели	Пока нет шагов к реализации
11	Полномасштабное военное вторжение	Пока нет шагов к реализации
Постконфликтная фаза		
12	Завершение и урегулирование конфликта	Пока нет шагов к реализации
13	Последовательная работа с проигравшей стороной на всех сферах СОНБ страны-цели по переформатированию под цели страны-агрессора (реформы концептуально-доктринальной подсистемы, подсистемы сил, средств и сфер, в том числе, например, проведение нормативно-правовых и языковых реформ, переписывание истории и т.д.)	Пока нет шагов к реализации

Источник: составлено авторами

A variant of the phased hybrid impact of the United States on the China’s national security system

Stages	The content of the hybrid impact	Implementation of a hybrid impact from the United States
1	2	3
Informational, psychological and foreign policy phase		
1	Exerting psychological pressure on the foreign policy circuit through information and propaganda campaigns, ideological propaganda and diplomatic pressure	<ul style="list-style-type: none"> • The adoption of the US National Security Strategy and the US Defense Strategy, where China is designated the main challenge for the United States • Constant attention to the problem of human rights in Xinjiang and Tibet • N. Pelosi’s provocative visit to Taiwan • Promotion in the media of the idea of the expansionist and revanchist nature of the development of modern China
2	Training of alternative elites and leaders outside the target country, delegitimization of the current government	<ul style="list-style-type: none"> • Dissemination of materials about the so-called “Panamanian” offshore accounts of Xi Jinping, Hu Jintao, etc. • Continued support for Chinese dissidents — Guo Wengui, etc. • Spreading rumors in the media about the alleged forced expulsion of former Chinese President Hu Jintao from the XX meeting of the CPC • Manipulation of information in the media about the allegedly non-accidental death of former Premier of the State Council of the People’s Republic of China Li Keqiang, the resignations of former Foreign Minister Qin Gang and Defense Minister Colonel General Li Shangfu • Continuation of political, military and economic contacts with Taiwan
3	Creation of alliances, platforms, and formats of cooperation with countries that border the target country or are in the sphere of influence of the target country	<ul style="list-style-type: none"> • Development of the Indo-Pacific Concept • Creation of formats for the Trilateral Security Pact AUKUS (Australia, Great Britain, USA), Quadrilateral Security Dialogue QUAD (Australia, India, USA, Japan) • Creating prerequisites for NATO’s expansion into the Pacific region
4	Pushing third countries to intensify territorial disputes with the target country	<ul style="list-style-type: none"> • Encouraging the countries of the South China Sea (Philippines, Malaysia, Vietnam) to resolve the dispute over the Nine-dash line of the Chinese state border
The economic and social phase		
5	The pressure in the economic sphere, the imposition of financial and economic sanctions	<ul style="list-style-type: none"> • President Donald Trump’s initiation of a “trade war” with China • Adoption of a law banning the export and transfer of microchips and their production technologies to China
6	Undermining the main integral indicators of the economy and social stability and radicalization of sentiments through sabotage operations of a global nature	<ul style="list-style-type: none"> • Spreading the myth of the China threat in the media, dispersing anti-Chinese sentiment in the world • Exchange of mutual accusations of the deliberate spread of the COVID–19 virus

1	2	3
7	Creating force majeure conditions in countries where the target country promotes its foreign projects and / or forcing the target country to intensify activities in the foreign policy and military sphere (arms race, military exercises, etc.), destabilization in allied countries, as well as countries that supply the strategic resources	<ul style="list-style-type: none"> • A provocative policy that aggravated the conflict between Russia and Ukraine, which escalated to hot one (the beginning of Special military operation) • Encouraging conflicts and tensions in the Middle East through proxy forces • Withdrawal of troops from Afghanistan to destabilize the situation in Central Asia
A proxy phase		
8	The organization of armed groups of radicals who are aimed at seizing power in the country and their transition to active actions to destabilize the situation in the country	No implementation yet
9	The transfer of troops and military exercises on the borders of the state	No implementation yet
Hot conflict		
10	Establishment of an air, sea or land blockade of the target country	No implementation yet
11	A full-scale military invasion	No implementation yet
A post-conflict phase		
12	Conclusion and settlement of the conflict	No implementation yet
13	Consistent work with the losing side in all areas of the target country's national security to fit the aggressor country's goals (reforms of the conceptual and doctrinal subsystem, subsystem of forces, means and spheres, i.e., carrying out regulatory and language reforms, revisionism, etc.)	No implementation yet

Таким образом, можно сделать вывод, что конкретные шаги гибридного воздействия США в отношении системы безопасности КНР уже получают реальное воплощение и многие этапы уже пройдены. При этом китайско-американское противостояние в течение последнего десятилетия остается на той стадии, которая позволяет сторонам не подходить напрямую к острой фазе конфликта.

Заключение

Поскольку некоторые аспекты теории гибридной войны прослеживаются еще в трактате Сунь Цзы «Искусство войны», можно утверждать, что сама идея имманентна традиции китайской научной мысли. Сегодня в Китае понятие «гибридная война» стала пониматься как «неограниченная война» или «нетрадиционная угроза», «нетрадиционный вызов». В настоящее время гибридная война и в Китае, и на Западе, и в России воспринимается как явление, предполагающее наличие конфликтной ситуации между государствами или блоками государств, в которой одна сторона пытается навязать другой свою волю, принудить ее к исполнению определенных требований, нанести ей ущерб, добиться смены ее внешней и внутренней политики.

Для победы в гибридной войне могут использоваться механизмы оказания военной помощи отдельным странам, группировкам, экономические санкции, информационные и пропагандистские кампании, подкуп политических сил и движений, организация протестов и т.д. Основной задачей гибридной войны, по мнению китайских специалистов, является комплексное угнетение системы национальной безопасности, при этом гибридное воздействие оказывается на все подсистемы СОНБ.

На основе описанной модели поэтапного разворачивания гибридной войны между США и КНР можно сделать вывод, что конфликт между этими странами уже прошел фазы информационно-психологического, дипломатического противостояния и находится в фазе экономического и социального противодействия с вероятно предстоящей прокси-силовой и силовой фазами. Очевидно, что в Китае понимают происходящие события в этих категориях, и именно этим можно объяснить фокус внимания на национальной безопасности со стороны высшего партийно-политического руководства КНР. Ускорение построения надежной СОНБ «с китайской спецификой» рассматривается как приоритет ближайших лет работы для всех уровней партийного и государственного аппарата КНР.

Китай не только стремится создать надежную СОНБ, но и в свою очередь предпринимает попытки «мягкого» противодействия гибридному воздействию со стороны США: налаживание прямых контактов со странами ЕС, Центральной Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки выстраивает альтернативные поставки энергоносителей и логистических сухопутных маршрутов, использует фактор специальной военной операции (СВО) как инструмент «переключения внимания» США и его союзников с Китая на Россию.

Поступила в редакцию / Received: 14.08.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Абрахимов Л.Г.* Идея «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 189–203. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203>
- Ван Сяоцзюнь.* Анализ восприятия и применения доктрины «гибридной войны» российской армией // Современная война. 2016. № 8. С. 92–99. [王晓军《解析俄军对“混合战争”理论的认知于运用》, 载《现代军事》2016年第8期, 第92至99页].
- Дуань Цзюньцзе.* Практика российской гибридной войны и ее последствия // Современные международные отношения. 2017. № 3. С. 31–36. [段君泽《俄式“混合战争”实践及其影响》, 载《现代国际关系》2017年第3期, 第31至36页].
- Гао Кай, Чжао Линь.* «Гибридная война» — новый инструмент стратегической игры России // Военный сборник. 2019. № 13. С. 10–13. [高凯、赵林《“混合战争”-俄罗斯新战略博弈手段》, 载《军事文摘》2019年第13期, 第10至13页].
- Гареев М.А.* Характер будущих войн // Право и безопасность. 2003. № 1–2 (6–7). С. 23–31.
- Гареев М.А., Турко Н.И.* Война: современное толкование теории и реалии практики // Вестник Академии военных наук. 2017. № 1. С. 4–11.
- Го Ф.* Гибридная война в исследованиях ученых китайской народной Республики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 140–151.
- Гончаренко А.Р.* Стратегии гибридной войны КНР: взгляд с Запада // Международная жизнь. 2022. № 7. С. 84–95.
- Клаузевиц К.* О войне: избранное. М.: АСТ, 2018.
- Коньшиев В., Парфенов Р.* Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 55–66.
- Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции: руководство к действию. М.: Горячая линия — Телеком, 2018.
- Манойло А.В., Гончаренко А.Р.* «Доктрина Герасимова»: российский ответ на западные концепции гибридной войны // Научные труды ученых 1 отделения — Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук: 100-летию со дня рождения первого президента Академии военных наук посвящается. М.: НИЦ «Национальная безопасность», 2023. С. 80–89.
- Ма Цзяньгуан, Ли Юаньбин.* «Гибридная война» и ее характеристики: анализ с точки зрения российских ученых // Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии. 2021. № 5. С. 21–36. [马建光、李元斌《“混合战争”及其特点: 俄罗斯学者视角的解析》, 载《俄罗斯东欧中亚研究》2021年第5期, 第21至36页].
- Модестов С.А.* Основополагающее понятие «война» в творческом наследии М.А. Гареева // Вестник Академии военных наук. 2023. № 2 (83). С. 49–54.
- Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А.С. Коржевского. М.: РГГУ, 2021.
- Репко С.И.* Гибридные войны США (1979–2017) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 156–165.
- Чжан Хуэй, Лю Цзюньбяо.* Изучение опыта «гибридной войны» для устранения угроз безопасности // China Defense News. 2017. № 22. [张晕、刘俊彪.《借鉴“混合战争”应对安全威胁》, 载中国国防报2017年第22版].
- Bukkvoll T., Østensen A.G.* The Emergence of Russian Private Military Companies: A New Tool of Clandestine Warfare // Special Operations Journal. 2020. Vol. 6, no 1. P. 1–17. <http://doi.org/10.1080/23296151.2020.1740528>
- Caliskan M.* Hybrid warfare through the lens of strategic theory // Defense & Security Analysis. 2019. Vol. 35, no 1. P. 40–58. <http://doi.org/10.1080/14751798.2019.1565364>

- Caliskan M., Liégeois M. The concept of 'hybrid warfare' undermines NATO's strategic thinking: insights from interviews with NATO officials // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Vol. 32, no. 2. P. 295–319. <http://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>
- La Chine communiste est-elle devenue une puissance dangereuse du temps de paix? Paris: Ecole Economique de Gueree, 2020.
- Gould-Davies N. The Wagner Revolt: Implications for Russia, Lessons for the West // *Survival*. 2023. Vol. 65, no. 4. P. 25–30. <http://doi.org/10.1080/00396338.2023.2239053>
- Janičatová S., Mlejnková P. The ambiguity of hybrid warfare: A qualitative content analysis of the United Kingdom's political–military discourse on Russia's hostile activities// *Contemporary Security Policy*. 2021. Vol. 42, no. 3. P. 312–344. <http://doi.org/10.1080/13523260.2021.1885921>
- Kormych B., Malyarenko T. From gray zone to conventional warfare: the Russia-Ukraine conflict in the Black Sea // *Small Wars & Insurgencies*. 2023. Vol. 34, no. 7. P. 1235–1270. <http://doi.org/10.1080/09592318.2022.2122278>
- Larsen K.P. From mercenary to legitimate actor? Russian discourses on private military companies // *Post-Soviet Affairs*. 2023. Vol. 39, no. 6. P. 420–439 <http://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2247782>
- Libiseller C. 'Hybrid warfare' as an academic fashion // *Journal of Strategic Studies*. 2023. Vol. 46, no. 4. P. 858–880. <http://doi.org/10.1080/01402390.2023.2177987>
- Mälksoo M. Countering hybrid warfare as ontological security management: the emerging practices of the EU and NATO // *European Security*. 2018. Vol. 27, no. 3. P. 374–392. <http://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497984>
- Muradov I. The Russian hybrid warfare: the cases of Ukraine and Georgia // *Defense Studies*. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 168–191. <http://doi.org/10.1080/14702436.2022.2030714>
- Potočňák A., Mareš M. Russia's Private Military Enterprises as a Multipurpose Tool of Hybrid Warfare // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2022. Vol. 35, no. 2. P. 181–204. <http://doi.org/10.1080/13518046.2022.2132608>
- Renz B. Russia and 'hybrid warfare' // *Contemporary Politics*. 2016. Vol. 22, no. 3. P. 283–300. <http://doi.org/10.1080/13569775.2016.1201316>
- Suchkov M.A. Whose hybrid warfare? How 'the hybrid warfare' concept shapes Russian discourse, military, and political practice // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Vol. 32, no. 3. P. 415–440. <http://doi.org/10.1080/09592318.2021.1887434>

References

- Abdrakhimov, L.G. (2023). Xi Jinping's "The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream" as an Ideological Basis for the National Security of China. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 189–203. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203>
- Bukkvoll, T., & Østensen, Å.G. (2020). The emergence of Russian private military companies: A new tool of clandestine warfare. *Special Operations Journal*, 6(1), 1–17. <http://doi.org/10.1080/23296151.2020.1740528>
- Caliskan, M., & Liégeois, M. (2021). The concept of 'hybrid warfare' undermines NATO's strategic thinking: Insights from interviews with NATO officials. *Small Wars & Insurgencies*, 32(2), 295–319. <http://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>
- Caliskan, M. (2019). Hybrid warfare through the lens of strategic theory. *Defense & Security Analysis*, 35(1), 40–58. <http://doi.org/10.1080/14751798.2019.1565364>
- Clausewitz, K. (2018). *On war*. Moscow: AST. [Clausewitz, K. (1832). *On war*.]
- Duan, Junjie. (2017). The practice of Russian hybrid warfare and its consequences. *Modern international relations*, 3, 31–36. (In Chinese).

- EGE (2020). *La Chine communiste est-elle devenue une puissance dangereuse du temps de paix?* Paris: Ecole Economique de Gueree.
- Gao, Kai, & Zhao, Lin. (2019). “Hybrid War” is a new tool of Russia’s strategic game. *Military collection*, 13, 10–13. (In Chinese).
- Gareev, M.A. (2003). The nature of future wars. *Law and security*, 1–2(6–7), 23–31. (In Russian).
- Gareev, M.A., & Turko, N.I. (2017). War: A modern interpretation of theory and the realities of practice. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, 1, 4–11. (In Russian).
- Go, Fainglee. (2022). Chinese scholars’ research on hybrid warfare. *Citizen. Elections. Power*, 1(23), 140–151. (In Russian).
- Goncharenko, A.R. (2022). Strategies of the hybrid war of the PRC: A view from the West. *The International Affairs*, 7, 84–95. (In Russian).
- Gould-Davies, N. (2023). The Wagner revolt: Implications for Russia, lessons for the West. *Survival*, 65(4), 25–30. <http://doi.org/10.1080/00396338.2023.2239053>.
- Janičatová, S., & Mlejnková, P. (2021). The ambiguity of hybrid warfare: A qualitative content analysis of the United Kingdom’s political–military discourse on Russia’s hostile activities. *Contemporary Security Policy*, 42(3), 312–344. <http://doi.org/10.1080/13523260.2021.1885921>.
- Konyshev, V., & Parfenov, R. (2019). Hybrid wars — between myth and reality. *World Economy and International Relations*, 63(12), 56–66. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66>
- Kormych, B., & Malyarenko, T. (2023). From gray zone to conventional warfare: The Russia-Ukraine conflict in the Black Sea. *Small Wars & Insurgencies*, 34(7), 1235–1270. <http://doi.org/10.1080/09592318.2022.2122278>.
- Korzhevsky, A.S. (Ed.) (2021). *Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization*. Moscow: RSUH. (In Russian).
- Larsen, K.P. (2023). From mercenary to legitimate actor? Russian discourses on private military companies. *Post-Soviet Affairs*, 39(6), 420–439. <http://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2247782>.
- Libiseller, C. (2023). ‘Hybrid warfare’ as an academic fashion. *Journal of Strategic Studies*, 46(4), 858–880. <http://doi.org/10.1080/01402390.2023.2177987>.
- Ma, Jianguang, & Li, Yuanbing. (2021). “Hybrid war” and its characteristics: An analysis from the point of view of Russian scientists. *Studies in Russia, Eastern Europe and Central Asia*, 5, 21–36. (In Chinese).
- Mälksoo, M. (2018). Countering hybrid warfare as ontological security management: The emerging practices of the EU and NATO. *European Security*, 27(3), 374–392. <http://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497984>.
- Manoylo, A.V. (2018). *Information wars and psychological operations. A guide to action*. Moscow: Hotline — Telecom. (In Russian).
- Manoylo, A.V., & Goncharenko, A.R. (2023). “The Gerasimov’s Doctrine”: The Russian response to Western concepts of hybrid warfare. In *Scientific works of scientists of the 1st department — Department of General Problems of War, Peace and the Army of the Academy of Military Sciences: dedicated to the 100th anniversary of the birth of the first President of the Academy of Military Sciences* (pp. 80–89). Moscow: National Security. (In Russian).
- Modestov, S.A. (2023). The fundamental concept of “war” in the creative heritage of M.A. Gareev. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, 2(83), 49–54. (In Russian).
- Muradov, I. (2022). The Russian hybrid warfare: The cases of Ukraine and Georgia. *Defence Studies*, 22(2), 168–191. <http://doi.org/10.1080/14702436.2022.2030714>
- Potočňák, A., & Mareš, M. (2022). Russia’s private military enterprises as a multipurpose tool of hybrid warfare. *The Journal of Slavic Military Studies*, 35(2), 181–204. <http://doi.org/10.1080/13518046.2022.2132608>

- Renz, B. (2016). Russia and ‘hybrid warfare’. *Contemporary Politics*, 22(3), 283–300. <http://doi.org/10.1080/13569775.2016.1201316>
- Репко, S.I. (2017). Hybrid wars of the USA (1979–2017). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 1(778), 156–165. (In Russian).
- Suchkov, M.A. (2021). Whose hybrid warfare? How ‘the hybrid warfare’ concept shapes Russian discourse, military, and political practice. *Small Wars & Insurgencies*, 32(3), 415–440. <http://doi.org/10.1080/09592318.2021.1887434>
- Wang, Xiaojun. (2016). Analysis of the perception and application of the doctrine of “hybrid warfare” by the Russian army. *Modern warfare*, 8, 92–99. (In Chinese).
- Zhang, Hui, & Liu, Junbiao. (2017). Studying the experience of “hybrid warfare” to eliminate security threats. *China Defense News*, 22. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Абдрахимов Леонид Гимадитдинович — соискатель кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: van.leonid@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7703-5218) (SPIN-код: 5183-2520)

Ликсок Алина Омаровна — слушатель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ (e-mail: arinalabibi@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-0740-2543)

About the authors:

Leonid G. Abdrakhimov — postgraduate of the Comparative Political Science Department, RUDN University (e-mail: van.leonid@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7703-5218) (SPIN-code: 5183-2520)

Alina O. Liksok — a trainee of the Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (e-mail: arinalabibi@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-0740-2543)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-50-61
EDN: KNUVQX

Научная статья / Research article

Трактовка ситуации в Афганистане в китайских средствах массовой информации в контексте национальной безопасности Китая

А.Д. Долохова , Е.Д. Соболева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 edsoboleva@hse.ru

Аннотация. Вывод войск США и стремительный приход к власти талибов (движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ) в Афганистане в 2021 г. шокировали мировую общественность. Несмотря на то, что КНР активно выступает против международного терроризма, в поддержку которого обвиняют движение «Талибан» (признано террористической организацией и запрещено в РФ), она стала одной из немногих стран, которые начали сотрудничать с новым афганским режимом. В этой связи интерес представляет китайская трактовка происходящего в Афганистане, в частности того, как о новых партнерах Пекина пишут в китайских СМИ. В исследовании сначала рассматривается эволюция официальной позиции КНР по Афганистану, а потом с помощью фрейм-анализа анализируется освещение событий 2021 г. в трех авторитетных китайских газетах «Жэньминь Жибао», «Хуаньцю шибао» и «Пэнпай». Исследование демонстрирует, как китайская пресса поддерживает внешнеполитический курс КНР в общем и политику в Афганистане в частности. Стабильность в Афганистане и сотрудничество с талибами (движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ) по вопросам уйгурского сепаратизма важны для национальной безопасности КНР. В китайских СМИ талибы (движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ) не выступают в роли пособников терроризма, с которыми Китай борется в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а определяются как представители афганского народа, которые могут обеспечить безопасность и стабильность страны. При обсуждении прихода талибов (движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ) к власти в СМИ КНР часто делается акцент не на преступлениях нового режима — репрессиях, злоупотреблениях властью, ограничении прав, а на критике США. Последнее отражает важную дискурсивную практику в китайских СМИ, в рамках которой США выступают в роли значимого «другого».

© Долохова А.Д., Соболева Е.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Афганистан, СМИ КНР, фрейм-анализ

Для цитирования: Долохова А.Д., Соболева Е.Д. Трактовка ситуации в Афганистане в китайских средствах массовой информации в контексте национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 50–61. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-50-61>

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-013) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

The view on the Situation in Afghanistan in the Chinese Media within China’s National Security

Anastasia D. Dolokhova , Elena D. Soboleva

HSE University, St Petersburg, Russian Federation

 edsoboleva@hse.ru

Abstract. The withdrawal of US troops and the rapid takeover of Kabul by the Taliban (recognized as a terrorist organization and banned in the Russian Federation) in Afghanistan in 2021 shocked the world community. Even though the PRC actively opposes international terrorism, which the Taliban movement (recognized as a terrorist organization and banned in the Russian Federation) is accused of supporting, it has become one of the few countries that have begun to cooperate with the new Afghan regime. In the light of these events, China’s view of the situation in Afghanistan is puzzling, in particular, we are interested in how these events are reported in Chinese press. In this paper, first, we trace the evolution of the PRC’s official position on Afghanistan, and then, using frame analysis, analyze the coverage of the events of 2021 in the PRC by focusing on three authoritative newspapers, Chinese language versions of “People’s Daily”, “Global Times”, and “The Paper”. Our study demonstrates that the Chinese press supports China’s foreign policy in general and its policy in Afghanistan in particular. Stability in Afghanistan and cooperation with the Taliban (recognized as a terrorist organization and banned in the Russian Federation) on issues of Uighur separatism are important for China’s national security. In the Chinese media, the Taliban (recognized as a terrorist organization and banned in the Russian Federation) are not presented as accomplices of terrorism, which China is fighting within the framework of the Shanghai Cooperation Organization but are described as representatives of the Afghan people who aim to restore the security and stability in the country. When discussing the Taliban (recognized as a terrorist organization and banned in the Russian Federation) takeover in the Chinese media, the focus is often not on the crimes of the new regime — repression, abuse of power, restriction of rights, but on shortcoming of the US policy. The latter reflects an important discursive practice in the Chinese media, “othering” the United States.

Keywords: Chinese foreign policy, Afghanistan, Chinese mass media, frame analysis

For citation: Dolokhova, A.D., & Soboleva, E.D. (2024). The view on the situation in Afghanistan in the Chinese media within China’s national security. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 50–61. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-50-61>

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the research project (No. 21-04-013) within the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)” in 2022.

Введение

В 2021 г. внимание всего мира было обращено на события в Исламской Республике Афганистан (ИРА): 1 мая 2021 г. начался вывод войск США и союзников, и в тот же день движение «Талибан»^{*1} начало захват власти в республике. Ашраф Гани, являющийся на тот момент президентом, покинул страну, а столица ИРА, город Кабул, 15 августа была взята практически бескровно, после чего талибы* приступили к формированию нового правительства, восстановлению Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) и к сражению с оставшимися очагами сопротивления. Столь быстрый захват власти стал неожиданностью для общественности и правительств многих стран. Страны Запада отказались устанавливать контакт с новыми руководителями страны и поспешно эвакуировали свои посольства. Однако посольство Китая продолжило работу в штатном режиме, а 14 сентября посол КНР в Кабуле Ван Ю поздравил новое афганское правительство².

В западном мире смена власти в Афганистане в 2021 г. представляется крайне негативно, СМИ рисуют очень мрачную картину Афганистана при режиме талибов* — репрессии, злоупотребления властью, ограничение прав женщин. Как же СМИ КНР рассказывают о событиях в Афганистане на фоне решения КНР сотрудничать с режимом, который, по сути, стал изгоем в мировой политике и обвиняется в поддержке терроризма? В данном исследовании мы сначала рассматриваем эволюцию официальной позиции КНР по Афганистану, а потом с помощью фрейм-анализ анализируем освещение событий 2021 г. в трех авторитетных китайских газетах. Следует отметить, что в КНР СМИ подчинены КПК и играют особую роль. В Китае отсутствуют оппозиционные СМИ, а главной задачей масс-медиа является не контроль действий правительства, а содействие в решении вопросов национального развития [Zhao 2011]. В частности, исследования показали, что в китайских СМИ новости часто используются как во внешнеполитических целях, чтобы наращивать мягкую силу и повышать международный авторитет КНР, так и во внутривнутриполитических, чтобы легитимировать принимаемые внутри КНР решения [Holbig 2011; Долохова, Соболева 2022]. Наше исследование дополняет существующие наработки и на примере освещения ситуации в Афганистане демонстрирует, как СМИ поддерживают внешнеполитический курс КПК, и в частности политику по отношению к событиям в этой стране.

КНР и режим талибов* в Афганистане

Талибы* уже находились у власти в Афганистане в период с 1996 по 2001 г., но были свергнуты международной коалицией во главе с США. КНР не поддерживала тогда военную операцию «Несокрушимая свобода», хотя и не выступила

¹ *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

² Chinese envoy congratulates Taliban* with establishment of interim cabinet — spokesman // Tass. 2021. URL: <https://tass.com/world/1337673?fbclid=IwAR0YtOi5M7OasATHaqTvSuyYW3IIYjZjxE9AWRkPp5kWeW5NfSidiLiDFz8> (accessed: 10.03.2022).

против [Kan 2005; Jureńczyk 2022]. Однако КНР тоже была обеспокоена режимом талибов*³, в частности тем, что исламские фундаменталисты во главе соседнего государства могут дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии и в Синьцзян-уйгурском автономном районе (СУАР) КНР [Chung 2002]. Китай эвакуировал свое посольство еще в 1993 г. после краха просоветских властей и в 2001 г. одним из первых признал новое правительство [Замараева 2019].

После событий 11 сентября появление уйгурского сепаратизма в КНР стали связывать с международным терроризмом, в частности с центральноазиатскими радикальными группировками, такими как Исламское движение Восточного Туркестана, которое базировалось на территории Афганистана под прикрытием «Талибана»* [Clarke 2008]. Китай тоже включился в международную борьбу против терроризма, 28 сентября 2001 г. вместе со всеми остальными членами Совета Безопасности ООН проголосовал за резолюцию 1373, в которой осуждались события 11 сентября и содержались призывы к международному сотрудничеству по предотвращению терактов⁴. В 2002 г. новое руководство во главе с Ху Цзиньтао продолжило этот курс, тогда же США включили Исламское движение Восточного Туркестана в список террористических организаций. Кроме того, Пекин поддержал резолюцию ООН от 17 декабря 2009 г., которая подтверждала «безоговорочное осуждение» «Талибана»* за многочисленные террористические акты⁵.

Однако, когда американское присутствие в Афганистане стало сокращаться, КНР начала налаживать контакты с талибами*, которые хотя и были изгнаны из Кабула, но оставались важной политической силой в стране. Незадолго до захвата афганской столицы в 2021 г. Китай начал еще больше углублять дипломатические отношения с талибами*: в июле 2021 г. делегация движения «Талибан»* встретила с министром иностранных дел Ван И в Тяньцзине. Он высказал непопулярное на Западе мнение, что талибы* — важная военная сила в установлении мира и восстановлении страны, а у афганского народа благодаря поспешному выводу войск США и НАТО появилась уникальная возможность для достижения национальной стабильности и развития. Ван И высказал надежду на то, что талибы* будут содействовать Китаю в борьбе против Исламского движения Восточного Туркестана⁶. Посольство Афганистана в Пекине возобновило свою работу в апреле 2022 г.⁷; с того момента было проведено несколько встреч с высокопоставленными лицами в Китае. В 2022 г. КНР также помогла Афганистану

³ *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

⁴ Резолюция 1373 от 28 сентября 2001 // Совет Безопасности ООН. 28.09.2009. URL: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_russian.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

⁵ Резолюция 1904 от 17 декабря 2009 г. // Совет Безопасности ООН. 17.11.2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/656/64/PDF/N0965664.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.03.2022).

⁶ Chinese FM meets with Afghan Taliban's* political chief // Xinhuanet. 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-07/28/c_1310092289.htm (accessed: 10.03.2022).

⁷ Chinese Embassy in Kabul Reopened // People's Daily, 2022. URL: http://en.people.cn/200202/06/eng20020206_90062.shtml (accessed: 10.03.2022).

в борьбе с последствиями землетрясения, за что талибы*⁸ публично поблагодарили Китай на пресс-конференции⁹. Несмотря на поддержку и помощь стране, Китай так и не признал талибов* новым правительством официально.

КНР имеет общую границу с Афганистаном и потому озабочена влиянием ситуации в этой стране на свою национальную безопасность в общем и стабильность СУАР в частности. Кроме того, еще с 1990-х гг. КНР беспокоит распространение исламского радикализма из Афганистана в Центральную Азию, регион крайне важный для внешней политики КНР и ее инициативы «Пояс и путь». Помимо борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2016 г. Китай инициировал создание «Четырехстороннего механизма по сотрудничеству и координации», в котором также принимают участие Пакистан, Таджикистан и Афганистан, а в 2017 г. начал строительство военной базы в Таджикистане на границе с Афганистаном. В этой связи поддержание диалога с «Талибаном»* представляется крайне важным. Китай заинтересован в стабильном Афганистане и, в отличие от США и других стран Запада, придерживается стратегии невмешательства во внутреннюю политику других государств и не ставит условий относительно прав человека, борьбы с коррупцией или экономических реформ.

Таким образом, стабильность в Афганистане и сотрудничество с талибами* по вопросам уйгурского сепаратизма важны для национальной безопасности КНР. Предполагается, что необходимость наладить контакт с режимом влияет на репрезентацию талибов* в СМИ КНР. Наконец, отношение КНР к США и их действиям на международной арене также поменялось за последние 20 лет. И если в 2000-х гг. Китай поддержал войну против терроризма, то сейчас с возвышением на международной арене и нарастанием американо-китайского противостояния все активнее критикует внешнюю политику США, включая их операцию в Афганистане¹⁰.

Фрейм-анализ публикаций о ситуации в Афганистане в китайских СМИ

Чтобы понять китайскую интерпретацию прихода к власти движения «Талибан»* в Афганистане, мы используем фрейм-анализ для исследования репрезентации этих событий в СМИ КНР. Важным для понимания концепции фреймов является определение Р. Энтмана, согласно которому фрейминг представляет собой отбор некоторых аспектов реальности, привлечение внимания к этим аспектам в тексте для продвижения конкретного

⁸ *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

⁹ Taliban* thanks China for earthquake relief in rare joint press conference // South China Morning Post, 2022. URL: <https://www.scmp.com/video/world/3184344/taliban-thanks-china-earthquake-relief-rare-joint-press-conference> (accessed: 11.08.2022).

¹⁰ China Criticizes US, NATO for 'Hasty Withdrawal' from Afghanistan // Tolo News, 2021. URL: <https://tolonews.com/afghanistan-173824> (accessed: 13.03.2022).

определения проблемы, причинно-следственной интерпретации, моральной оценки и/или рекомендации к дальнейшим действиям [Entman 1993]. Под фреймом мы понимаем рамку восприятия и интерпретации, существующую в текстах и способную влиять на восприятие информации [Бодрунова 2019].

Существуют различные классификации фреймов, одна из которых выделяет так называемые медийные или общие новостные фреймы. Она исходит из того, что медиаконтент «имеет специфику производства» и «некоторые фреймы порождаются необходимостью определенным образом описывать и анализировать вопросы повестки дня» [Бодрунова 2019]. Таким образом, одни и те же фреймы используются долгое время из репортажа в репортаж, закрепляются в сознании и выступают как «ориентиры» для обработки информации [Carter 2013]. В этом исследовании мы определяем список медийных фреймов (табл. 1) дедуктивным способом на основе ранних эмпирических работ, а именно широко цитируемой классификации Х. Семетко и П. Валкенбург [Semetko, Valkenburg 2000] и ее адаптации под китайский кейс в исследовании С.М. Габор [2020]. Единица анализа — связный фрагмент текста, соответствующий описанию одного из фреймов. В одной статье допустимо как наличие двух или более фреймов, так и их полное отсутствие.

Таблица 1

Результаты фрейм-анализа репрезентации событий в Афганистане в 2021 г. в китайских СМИ

Фрейм	Описание фрейма	Количество
Конфликт	Описывает событие с точки зрения разногласий между актерами для привлечения внимания	10
Негатив	Представляет событие, акцентируя внимание на его негативных сторонах	10
Человеческий интерес	Описывает произошедшее от лица очевидцев	2
Экономические последствия	Представляет событие с точки зрения экономических последствий для каких-то акторов	4
Мораль	Сообщает о событии в контексте религиозных и моральных устоев	3
Авторитетное мнение	Представляет новость, обращая внимание на участие и мнения высокопоставленных лиц, элиты или организаций	7
Ответственность	Описывает событие, возлагая ответственность на отдельные лица и/или группы лиц	9
Новшество	Сообщает о событии как о чем-то неожиданном, странном или удивительном	0

Источник: составлено авторами, список и описание фреймов подготовлены на основе классификаций Х. Семетко и П. Валкенбург [Semetko, Valkenburg 2000] и С.М. Габор [Gabore 2020].

Framing of events in Afghanistan in 2021 by Chinese mass media

Frame	Description	Use of the frame
Conflict	Presents news in terms of disagreement among different actors to attract attention	10
Negativity	Reports events by focusing on bad side of events	10
Human interest	Brings emotional and personalized angle to the coverage of the event, including eyewitness report	2
Economic consequences	Reports event in economic consequences to individuals, groups, organizations, and nations	4
Morality	Presents events in the context of religious tenets or moral prescriptions	3
Eminence	Presents news in terms of involvement of high status of individuals, elites, organizations	7
Responsibility	Presents news by assigning responsibility to individuals and groups for causing or solving catastrophic events	9
Novelty	Reports an event or some aspect of it as unexpected, surprising, unusual, rare, strange etc.	0

Source: compiled by the authors, the list of frames and their description draws upon the studies by Semetko and Valkenburg [Semetko, Valkenburg 2000] and Gabore [2020].

Что касается данных, то для анализа были взяты публикации с интернет-порталов трех влиятельных китайских газет: «Жэньминь жибао», «Хуаньцю шибао» и «Пэнпай» «Жэньминь жибао», также известных как «рупор КПК», издается ЦК КПК и излагает точку зрения правительства и элит. «Хуаньцю шибао» — ее структурное подразделение, которое специализируется на международных новостях и отличается менее формальным стилем изложения. «Пэнпай» — это относительно новое интернет-издание, созданное в 2014 г. государственной медиакомпанией для привлечения внимания к новостной повестке интернет-пользователей, особенно молодежи [Repnikova, Fang 2019]. Всего было собрано 30 статей на китайском языке, которые были отобраны по ключевым словам «Афганистан» (кит. «阿富汗») и «Талибан»¹¹ (кит. «塔利班»), то есть подходили по теме, а также, где это возможно, по количеству лайков и комментариев («Пэнпай») или только комментариев («Хуаньцю Шибао»). Из каждой газеты было взято по 10 статей, по 2 публикации за каждый месяц в период с 1 мая по 1 декабря 2021 г. Данный период был выбран, так как он включает в себя не только военные действия в Афганистане, но и гуманитарный кризис, вызванный этими действиями.

Фрейм-анализ публикаций на китайском языке показал, что в публикациях о смене власти в Афганистане чаще всего использовались фреймы «Конфликт», «Ответственность», «Негатив» и «Авторитетное мнение» (см. табл. 1). Фрейм

¹¹ *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ

«Конфликт», который встретился 10 раз, является типичным при представлении военных конфликтов, описывает противоположные мнения или противоречия. В китайских СМИ про конфликт и разногласия между «Талибаном»¹² и жителями Афганистана, которые не поддерживают данное движение, сказано относительно немного. Про преступления «Талибана»^{*} в статьях говорят в основном тогда, когда необходимо критиковать США и последствия вывода войск из региона. Талибы^{*} часто репрезентируются как мирное правительство, способное обеспечить безопасность и решить проблемы страны. Например, «Жэньминь Жибао» приводит следующие цитаты спецпредставителя РФ в Афганистане З.Н. Кабулова: «Обстановка в Кабуле в целом очень спокойная, что удивительно. Основные силы талибов^{*} сегодня вошли в Кабул мирным путем, лидер талибов^{*} отдал приказ «не причинять вреда людям, не входить в дома и соблюдать порядок»; «Сейчас они [талибы^{*}] предоставили людям контактный телефон, и в случае бесчинств патрули талибов^{*} наведут порядок»¹³. Это отличает китайские СМИ от западных, в которых на первый план выходит внутренний конфликт в Афганистане между новым правительством талибов^{*} и местными жителями.

В китайских СМИ сторонами конфликта чаще всего выступают США и талибы^{*} или США и народ Афганистана. Например, «Хуаньцю Шибао» пишет: «Коренная причина неудачи Соединенных Штатов при насильственном насаждении „демократии“ в Афганистане заключается в том, что отправной точкой экспорта „демократии“ Соединенными Штатами являются их собственные интересы, и они не учитывают желания и будущее народа других стран. Соединенные Штаты пытаются преобразовать страну военным путем, и их ценности с трудом получают широкое признание и общественную поддержку в Афганистане. Уход США из Афганистана ознаменовал собой провал американской политики в Афганистане...»¹⁴. То есть основной причиной затянувшегося военного присутствия называют гегемонизм США, а талибы^{*} выступают представителями народа, которые действуют в его интересах.

Фрейм «Негатив», являющийся одним из самых популярных, привлекает внимание к отрицательным сторонам произошедшего. Следует отметить, что проблемы, с которыми столкнулись жители Афганистана и о которых много писали в западных СМИ, такие как убийства, изнасилования, невозможность продолжить обучение, не упоминаются вообще или только как повод для критики администрации Президента США Дж. Байдена. Например, в китайских СМИ пишут о том, что жизнь бывших афганских партнеров США сейчас под угрозой из-за действий Вашингтона: «Теперь, когда войска США и НАТО готовятся

¹² *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ

¹³ 塔利班开始没收喀布尔民众手中武器 (Талибы^{*} начали конфискацию оружия у жителей Кабула) // Жэньминь жибао, 2021. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2021/0817/c1011-32196252.html> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁴ 从塔利班到塔利班, 美国在阿富汗20年一地鸡毛! (От Талибана^{*} до Талибана^{*}, США в Афганистане уже 20 лет!) // Хуаньцю шибао, 2021. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/44my6jDEKeO> (дата обращения: 20.03.2022).

покинуть Афганистан, он [военный переводчик в Афганистане] и тысячи афганцев, помогавших американским войскам, опасаются возмездия со стороны талибов*¹⁵)¹⁶. Разницу в освещении одних и тех же событий в китайских и западных СМИ можно увидеть, например, в новостях о запрете афганским женщинам играть в крикет: в статье британской газеты «Гардиан» («The Guardian») о талибах* говорят негативно и заканчивают цитатой: «Новый „Талибан“* практически такой же, как старый „Талибан“*»¹⁷. В китайской газете «Пэнпай», в свою очередь, материал подан нейтрально, с использованием стилистически неокрашенной лексики, и заканчивается идеей о том, что правительство талибов* будут судить по его действиям¹⁸. Однако, когда речь идет про негативные последствия политики США, акценты расставлены по-другому. Показательным примером является выбор заголовка для переводной заметки из американского онлайн-журнала «Дипломат» («The Diplomat»), которая в оригинале называлась так: «Афганцы, которые помогли Соединенным Штатам, боятся быть брошенными». Тут, наоборот, у китайской версии более эмоциональное и провокационное название: «Военный переводчик США в Афганистане: позвонили талибы* и сказали, что собираются нас всех убить»¹⁹.

Фрейм «Ответственность» также оказался одним из самых часто используемых в СМИ КНР. С помощью этого фрейма на США возлагается ответственность за большое количество погибших в ходе вывода войск и высокую стоимость содержания армии США в Афганистане. Можно встретить, к примеру, вопросы, в том числе и риторические: «Байден сказал, что несет ответственность за вывод войск, так может ли он нести ответственность за более чем 2000 погибших американских солдат и членов их семей? Расходы США в Афганистане такие высокие, как он это объясняет американским налогоплательщикам?»²⁰. Также в тексте статей есть обвинения в адрес США в поддержке террористических группировок: «Аналитики считают, что Соединенные Штаты из личных интересов поддерживают некоторые экстремистские силы или вооруженные группировки в Афганистане для борьбы с другими силами. Именно

¹⁵ *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

¹⁶ 阿富汗的美军翻译: 塔利班打电话说要把我们全部杀光 (Военный переводчик в Афганистане: «Талибан»* позвонил и сказал, что собирается нас всех убить) // Хуаньцю шибао, 2021. URL: <https://world.huanqiu.com/article/43C8TOzoEcU> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁷ Afghan women to be banned from playing sport, Taliban* say // The Guardian. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/sep/08/afghan-women-to-be-banned-from-playing-sport-taliban-say> (accessed: 20.03.2022).

¹⁸ 阿塔官员: 将禁止妇女参加体育运动, 因面部和身体无法被遮盖 (Чиновники Афганистана: женщинам запретят заниматься спортом, потому что их лица и тела нельзя закрывать) // The Paper, 2021. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_14412346 (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁹ 阿富汗的美军翻译: 塔利班打电话说要把我们全部杀光 (Военный переводчик в Афганистане: «Талибан»* позвонил и сказал, что собирается нас всех убить) // Хуаньцю шибао, 2021. URL: <https://world.huanqiu.com/article/43C8TOzoEcU> (дата обращения: 20.03.2022).

²⁰ 从塔利班到塔利班, 美国在阿富汗20年一地鸡毛! (От Талибана* до Талибана*, США в Афганистане уже 20 лет!) // Хуаньцю шибао, 2021. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/44my6jDEKeO> (дата обращения: 20.03.2022).

такая политика, проводимая Соединенными Штатами, привела к тому, что количество экстремистских организаций в Афганистане увеличилось, а не уменьшилось»²¹. Наконец, также можно встретить болезненные для США сравнения с Вьетнамской войной²². Что касается талибов*²³, то они несут ответственность за будущее страны и региона. «Жэньминь жибао» приводит мнение американского аналитика о том, что если «Талибан»* не возьмет под контроль всю территорию страны, то в Афганистане наберут силу экстремистские группировки²⁴.

Последний из наиболее популярных фреймов «Авторитетное мнение» включает в себя фрагменты текста, где цитируется мнение высокопоставленных лиц, пользующихся доверием граждан. Помимо вышеупомянутого специального представителя РФ в Афганистане, например, можно встретить цитаты министра иностранных дел КНР Ван И, который выражает надежду на мирное развитие Афганистана под контролем талибов*²⁵. Часто цитирование встречается несколько раз в одной статье, повтор усиливает эффект «авторитетного мнения». Подкрепление основных тезисов статьи с помощью цитирования лидеров мнений, особенно официальных представителей и политиков, является особенностью подачи СМИ КНР в целом, что объясняет популярность данного фрейма. Любопытно то, что китайские газеты очень часто цитируют СМИ и аналитиков из США. Следует отметить, что фрейм «Человеческий интерес», в свою очередь, встречается в статьях из нашей выборки всего несколько раз. Этот фрейм предполагает рассказ о произошедшем через историю отдельного человека, очевидца событий, что является распространенной практикой в западных СМИ.

Заключение

Стабильность в Афганистане и сотрудничество с талибами* по вопросам борьбы с уйгурским сепаратизмом важны для национальной безопасности КНР, особенно после ухода американских войск в 2021 г. Помимо укрепления собственной границы и усиления сотрудничества по вопросам нетрадиционной безопасности со странами Центральной Азии Пекин также старается наладить контакт с новым правительством талибов*. Необходимость сотрудничества с новым афганским правительством и тот факт, что талибы* теперь являются новыми партнерами Пекина, отражается на репрезентации событий в Афганистане в китайских СМИ. Талибов* не называют пособниками терроризма, с которым

²¹ 20年战争：阿富汗之“伤” 美国之“害” (20 лет войны: «рана» Афганистана и «вред» США) // Жэньминь жибао, 2021. URL: <https://world.huanqiu.com/article/44RcYqRR1Q3> (дата обращения: 20.03.2022).

²² Там же.

²³ *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

²⁴ 阿富汗塔利班与反塔利班武装争夺最后一省 (Афганские талибы* и их противники сражаются за последнюю провинцию) // Жэньминь жибао, 2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/0908/c1002-32221816.html> (дата обращения: 20.03.2022).

²⁵ 王毅：塔利班有必要履行对外作出的承诺 (Ван И. Талибан* должен выполнить свои обязательства) // Жэньминь жибао, 2021. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/0908/c1002-32221816.html> (дата обращения: 20.03.2022).

Китай борется в рамках ШОС, а описывают как представителей афганского народа. В статьях нашей выборки не упоминается то, что «Талибан»^{*26} обвиняют в поддержке Исламского движения Восточного Туркестана и других радикальных группировок. Скорее наоборот, укрепление власти талибов* видится как способ предотвратить распространение экстремистских групп на территории страны. СМИ КНР выборочно пишут о неудобных для себя и своей повестки событиях. Говоря о репрезентации событий в Афганистане в СМИ КНР в целом, можно отметить фокус на действиях США, критике их политики и результатов военной операции в ИРА. Преступлениям талибов* или гуманитарному кризису уделено намного меньше внимания. Китайские СМИ привлекают внимание к безответственному поведению США во внешней политике и критикуют их за гегемонизм. Предположительно, такой взгляд на ситуацию в Афганистане присущ не только Китаю, но и многим другим развивающимся странам Азии и Африки, которые недовольны политикой США на международной арене. В СМИ КНР критика США является широко распространенным нарративом, который используется, чтобы подчеркнуть недостатки США и преимущества КНР.

Поступила в редакцию / Received: 11.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 23.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список / References

- Bodrunova, S.S. (2019). Framing as a term in political communication studies: How a big idea grew and matured in the media effects theory. *Journal of Political Research*, 4, 127–141. (In Russian).
Бодрунова С.С. Термин «фрейминг» в политической коммуникативистике: рождение и созревание большой идеи в теории медиаэффектов // Журнал политических исследований. 2019. № 4. С. 127–141.
- Dolokhova, A.D., & Soboleva, E.D. (2022). Representation of the Black Lives Matter Movement in the CPC's newspaper Global Times. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2, 94–110. (In Russian). <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2022.94110>
Долохова А.Д., Соболева Е.Д. Представление движения Black Lives Matter в издании КПК «Хуаньцю Шибао» // Вестник МГУ: серия Журналистика. 2022. № 2. С. 94–110. <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2022.94110>
- Zamaraeva, N. A. (2019). The PRC and Problems of Peaceful Settlement in Afghanistan. *Far Eastern Studies*, 3, 43–55. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S013128120005264-1>
Замараева Н.А. КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 43–55. <http://doi.org/10.31857/S013128120005264-1>
- Carter, M.J. (2013). The hermeneutics of frames and framing: An examination of the media's construction of reality. *SAGE Open*, 3(2),
- Chung, C. (2002). China's "war on terror": September 11 and Uighur separatism. *Foreign Affairs*, 81(4), 8–12.

²⁶ *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

- Clarke, M. (2008). China's "war on terror" in Xinjiang: Human security and the causes of violent Uighur separatism. *Terrorism and Political Violence*, 20(2), 271–301.
- Entman, R. (1993). Framing toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 10, 155–173.
- Gabore, S.M. (2020). Western and Chinese media representation of Africa in COVID-19 news coverage. *Asian Journal of Communication*, 30(5), 299–316.
- Holbig, H. (2011). International dimensions of legitimacy: Reflections on Western theories and the Chinese experience. *Journal of Chinese Political Science*, 16, 161–181.
- Jureńczyk, Ł. (2022). China's contribution to the stabilization of 'democratic' Afghanistan. *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, 11(21), 77–100.
- Kan, S. (2005). U.S.-China counter-terrorism cooperation: Issues for U.S. policy. *CRS Report for Congress*. Retrieved from <https://irp.fas.org/crs/RS21995.pdf>
- Repnikova, M., & Fang, K. (2019). Digital media experiments in China: "Revolutionizing" persuasion under Xi Jinping. *The China Quarterly*, 239, 679–701.
- Semetko, H.A., & Valkenburg, P.M. (2000). Framing European politics: A content analysis of press and television news. *Journal of Communication*, 50(2), 93–109.
- Zhao, Y. (2011). Understanding China's media system in a world historical context. In D.C. Hallin & P. Mancini (Eds.), *Comparing Media Systems beyond the Western World* (pp. 143–174). Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторах:

Долохова Анастасия Дмитриевна — студент программы «Востоковедение», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: addolokhova@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-1233-6866) (SPIN-код: 1193-9780)

Соболева Елена Дмитриевна — Phd (политическая наука), доцент, кафедра международных отношений и политических процессов стран Азии и Африки, Институт востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». (e-mail: edsoboleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-0525-2728) (SPIN-код: 7451-9283)

About the authors:

Anastasia D. Dolokhova — Student of the Oriental Studies program, HSE University. (e-mail: addolokhova@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-1233-6866) (SPIN-code: 1193-9780)

Elena D. Soboleva — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of International Relations and Political Processes in Asia and Africa, Institute of Oriental and African Studies, HSE University. (e-mail: edsoboleva@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-0525-2728) (SPIN-code: 7451-9283)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77
EDN: KWVSUS

Научная статья / Research article

Концептуальные основания продвижения Китаем идеи «Сообщества единой судьбы человечества»

Цзинюань Лю

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ liujingyuan@mail.ru

Аннотация. В контексте всевозрастающего влияния КНР в мировой политике на фоне трансформации глобального миропорядка концепция «Сообщества единой судьбы человечества», определяющая основной вектор современной китайской внешней политики и дипломатии, получает признание и привлекает все более широкое внимание мирового сообщества. Направленная на поддержание добрососедства между странами и содействие мировому развитию, данная концепция отражает стремления не только современных китайских политиков, но и идеи традиционной китайской философской мысли, а также космополитизма и марксизма, развивая и актуализируя их. Так, в настоящем исследовании автором прослеживаются и анализируются теоретические обоснования продвижения концепции «сообщества единой судьбы человечества», в частности, раскрываются элементы китайской традиционной культуры, тема «человеческого сообщества» в западной философии, концептуальный синкретизм внешнеполитической мысли предшествующих поколений лидеров КНР и «теория отношений» — краеугольный камень китайской школы международных отношений.

Ключевые слова: КНР, глобальное управление, сообщество единой судьбы человечества, традиционная культура Китая, теория отношений

Для цитирования: Лю Цзинюань. Концептуальные основания продвижения Китаем идеи «Сообщества единой судьбы человечества» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 62–77. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77>

© Лю Цзинюань, 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Conceptual Foundations of China's Promotion of the Idea of “a Community of a Shared Future for Mankind”

Jingyuan Liu

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ liujingyuan@mail.ru

Abstract. Due to the increasing influence of the People's Republic of China in world politics against the background of the transformation of the global world order, the concept of the “Community of the Common Destiny for Mankind”, which defines the main vector of modern Chinese foreign policy and diplomacy, is gaining recognition and attracting increasing attention from the global community. Aimed at maintaining good neighborliness between countries and promoting global development, this concept reflects the aspirations of not only modern Chinese politicians, but also the ideas of traditional Chinese philosophical thought, as well as cosmopolitanism and Marxism, developing and updating them. Thus, in this study, the author traces and analyzes the theoretical foundations for promoting the concept of a “Community of the Common Destiny for Mankind”: reveals elements of Chinese traditional culture, the theme of the “human community” in Western philosophy, the conceptual syncretism of foreign policy thought of the previous generations of Chinese leaders and the “theory of relations” — the cornerstone of the Chinese school of international relations.

Keywords: PRC, global governance, Community of the Common Destiny for Mankind, traditional culture of China, theory of relations

For citation: Liu, Jingyuan. (2024). The conceptual foundations of China's promotion of the idea of “a Community of a Shared Future for Mankind”. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 62–77. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-62-77>

Введение

До недавнего времени Китай представлял собой закрытый мир для европейского сознания. Недавно, по историческим меркам, КНР в частности и восточный мир в целом в определенном плане «открыли двери» для западной цивилизации. Этот процесс был очень неоднозначным и долгим. Однако в определенном плане механизм объединения Запада и Востока уже начал свое движение. И политика Китая во многом поспособствовала данному процессу, выступая консолидирующим элементом. В настоящее время концепция «сообщества единой судьбы человечества» является ключевым понятием в системе теоретических обоснований участия Китая в реформировании современной системы глобального управления. КНР предлагает уникальный, отличный от западного путь мирового развития, основанный на китайском культурно-ценностном и историческом наследии. Согласно мнению исследователей А.В. Семенова и А.В. Цвыка, идея «сообщества единой судьбы человечества» представляет собой глобальный внешнеполитический проект, включающий в себя элементы традиционной китайской культуры и идеологии [Семенов 2019]. Рядом ученых было отмечено, что «китайская политика

претерпевает определенные изменения и в то же время остается верна своим принципам» [Барский 2021, Денисов 2015].

Помимо воззрений непосредственно китайских мыслителей проект «сообщества единой судьбы человечества» перекликается с некоторыми концепциями западной философской мысли, в которых, как и в китайской традиционной культуре, развитие получили идеи об общности и всемирной истории.

При этом, хотя стратегия КНР в некоторой степени опирается на постулаты традиционной политико-философской мысли, взгляды Китая на современный миропорядок, процессы глобализации и дальнейшее мировое развитие «правомерны и вполне конструктивны» [Салицкий 2019]. Исследователи отмечают, что китайцам в целом свойственен реализм и они, в первую очередь, смотрят на вещи с точки зрения практического применения [Кривохиж, Соболева 2019, Зуенко 2023; Кривохиж, Соболева 2017]. Фактически сегодня в Китае сложились основные исследовательские направления национальной школы международных отношений, повторяющие мировые тенденции: реализм (Янь Сюетун), неолиберализм (Су Чанхэ), конструктивизм (Цинь Яцин) [Ван 2006]. При этом, как отмечают П.А. Цыганков и Е.Н. Грачиков, среди китайских теоретиков более популярен конструктивизм [Цыганков, Грачиков 2015]. Относящаяся к категории конструктивизма теория отношений (关系理论) [Qin 2006; 2009; 2009; 2012] обеспечивает другую перспективу для понимания управления в целом и глобального управления в частности [Грачиков 2016]. Поэтому исследование генезиса указанной идеи в рамках конструктивистских положений предполагает возможность получения выводов, обладающих научной новизной.

Элементы китайской традиционной культуры в концепции «Сообщества единой судьбы человечества»

Истоки концепции «Сообщества единой судьбы человечества» можно обнаружить в традиционной культуре Древнего Китая, которая, помимо прочего, характеризуется большим разнообразием философских школ и течений, оказывающих значительное влияние на формирование китайской политики в тот или иной период развития страны.

Среди многообразия учений особую историческую роль сыграло конфуцианство. Именно вокруг конфуцианских социально-политических норм сформировалось общественное и государственное устройство Китая. Конфуцианство «является движущей силой для китайского народа»¹, и его изучение необходимо для понимания специфики китайского общества.

Одним из ключевых понятий конфуцианства, имеющим прямое отношение к концепции «сообщества единой судьбы человечества», является понятие гармонии или «Хэ» (和 — мир, гармония и согласие). Трактат «Лунь Юй» (论语) [Переломов 1998] содержит следующие воззрения Конфуция:

¹ Гэн Х. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая: автореф. дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). Уссурийск, 2011.

«Цзюньцзы хэ эр бутун» (君子和而不同) — «Благородные мужи стремятся к гармонии, а не к единообразию; мелкий человек стремится к единообразию, но не к гармонии». Таким образом, можно заключить, что в глобальном управлении традиционные китайские и западные мировоззрения и ценности могут составлять гармоничные противоположности, даже если они существенно отличаются.

Добрососедство, наряду с гармонией, является важнейшим элементом традиционной китайской стратегической и дипломатической культуры. В известном конфуцианском трактате «Шан Шу» (尚书) говорится о «приведении к состоянию гармонии десяти тысяч соседствующих стран» (协和万邦). Это свидетельствует о том, что с древних времен Китай уделял особое внимание урегулированию отношений между народами мирным путем.

Также в классической книге доциньской конфуцианской эстетики «Лицзи» (礼记·乐) [Васильев 1988] есть известное выражение «стремление к единению при сохранении различий» (求同存异), обозначающее признание культурных различий, индивидуальности, уникальных характеристик и ценностей разных наций, регионов и культур на основе взаимопонимания. Характерной чертой сегодняшнего мироустройства также является разнообразие цивилизаций, которые невозможно разделить на хорошие и плохие: идея «сообщества единой судьбой человечества» признает разнообразие и различные цивилизационные и культурные сообщества, способствует их диалогу, обмену и гармоничному сосуществованию.

Кроме понятия «Хэ (和)» в классике конфуцианства «Лунь Юй» большое значение придается постулату: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» (子所不欲, 勿施于人). Эти слова раскрывают важный принцип построения отношений между людьми: ставить себя на место другого и заботиться о других как о себе самом.

Конфуцианская школа имеет проницательный и уникальный взгляд на идею «человеколюбия» (仁爱). Мэн-цзы, представитель конфуцианской традиции после Конфуция, в своих трудах [Lau 2003] подчеркивал, что нужно «гуманно относиться к народу и любить все живое» (亲亲而仁民, 仁民而爱物). Он считал, что «чувствительное сердце — исток человеколюбия» (恻隐之心, 仁之端也). Человеколюбие, проповедуемое конфуцианством, подразумевает под собой любовь ко всему в мире и является разновидностью великой любви, отражающей стремление китайцев «облагодетельствовать мир» (兼济天下). Кроме того, идея человеколюбия, подчеркивает, что конфуцианская традиция, хотя и коренится в древности, остается актуальной и в современном мире, где вопросы гуманизма и уважения к человеческой жизни стоят особенно остро.

Мэн-цзы также выдвинул идею «покорения других добродетелью» (以德服人). Его размышление состоит в том, что опора лишь на силу в попытке покорения других людей приводит к отсутствию искреннего подчинения с их стороны. Он подчеркивает, что чиновники или правители должны управлять благотельно, чтобы иметь авторитет в глазах подчиненных. Также можно отметить, что идеи Мэн-цзы о «покорении добродетелью» коррелируют с моделью «мягкой

силы» (soft power), которая активно обсуждается на Западе. При этом китайская модель подразумевает не столько экспорт культуры или идей, сколько создание такой среды, в которой люди и государства будут импортировать Китаю в силу его моральных качеств и добродетелей.

Примечательно, что в отличие от христианской морали, где авторитет дается высшей небесной силой и простой человек не вправе его оспаривать, в китайской философской мысли важную роль играет степень заслуженности авторитета. Если авторитет не является заслуженным, он не может считаться полноправным авторитетом. Следовательно, если сравнивать с европейской христианской идеей, китайская традиционная мысль была более антропоцентрична, что и является основной особенностью конфуцианства.

Справедливо будет отметить влияние на современную внешнеполитическую стратегию Китая и таких философских концепций, как даосизм и моизм, составляющих наряду с конфуцианством основу древнекитайской политико-философской мысли и подчеркивающих важность естественных процессов, гармонии с природой и отсутствия насилия.

Так, например, основатель даосизма Лао-цзы в своем трактате «Дао дэ цзин» (道德经 «Книга о дао и дэ») говорит о негативных последствиях войн и предлагает человечеству «взгляд на мир из мира». Подобно конфуцианству, даосизм подчеркивает необходимость разнообразия (花独放不是春, 百花齐放春满园 — «Цветок, распустившийся один, — это не весна, но сто цветков, распустившихся вместе, наполняют сад весной») и уважительного отношения между различными цивилизациями, нациями, религиозными верованиями, идеологическими и ценностными системами и культурами.

Также даосизм акцентирует внимание на гармонии с природой. В современном контексте это выражено в экологической стратегии Китая и его стремлении к устойчивому развитию, которое вытекает из уважения к природной среде, наследуемое от даосизма. В то же время концепция «сообщества единой судьбы человечества» подразумевает, что глобальные проблемы, такие как климатические изменения или пандемии, не могут быть решены одной страной. Этот подход коренится в древнекитайском понимании взаимосвязанности всех явлений.

Мо-цзы, в свою очередь, предлагал и развивал идею естественного равенства всех людей, которая также нашла свое отражение и воплощение в современной, как внешней, так и внутренней политике Китая. Причем соблюдение принципа равенства всех стран является неотъемлемым фактором сегодняшней внешнеполитической деятельности КНР. Кроме того, моизм также подчеркивал важность общественной пользы и альтруизма, что отражается в стремлении Китая к сотрудничеству в решении глобальных проблем и укреплению многосторонних отношений.

Таким образом, можно утверждать, что идеи древнекитайской философско-политической мысли сегодня эффективно наследуются концепцией «сообщества единой судьбы человечества» и составляют ее основу, получая новое развитие, современное видение и практическое применение.

Концептуальные основы «человеческого сообщества» в западной философии

Исследуя теоретические основания идеи «сообщества единой судьбы человечества», необходимо отметить, что данная концепция является продолжением более ранних не только китайских, но и зарубежных идей. Так, размышления об общей судьбе человечества присутствуют и в трудах европейских мыслителей разных эпох. Философы всех времен, как китайские, так и зарубежные, имели свои взгляды на идею общности человеческой судьбы и истории. В частности, Ван Фань и Лин Шэнли пишут, что идея сообщества человеческой судьбы происходит от западных идей космополитизма (в частности идей И. Канта) и марксистской идеи сообщества [Wang, Ling 2023], которые будут рассмотрены ниже.

Как известно, современная западная политология развивается на основе политической мысли Древней Греции и Древнего Рима. Воззрения древнегреческих философов о «космополитизме» как о человеческом сообществе описывают любовь ко всему человечеству, которая выходит за пределы национальных границ. В то же время стоики, например, рассматривали космополитизм в человеческом социуме, а не вне его пределов и считали, что все люди равны между собой [Бичехвост 2010]. Эта идея равенства граждан тесно переплетается с коммунистической идеей о великом Китае, что можно рассматривать как точки соприкосновения между китайской цивилизацией и европейской политической мыслью.

Одним из наиболее заметных идеологов западного космополитизма является И. Кант. Он связывал космополитизм с концепцией «общественного разума», сформулировал универсалистский стандарт, выходящий за рамки системы национальных государств, и выступал за то, чтобы страна реализовала «вечный мир» посредством права всемирного гражданства [Kleingeld 1998]. В таком контексте преодоление всех границ, в том числе национальных, и, как следствие, выход за рамки национального государства, приводит к тому, что государство оказывается менее важным, чем человек. Примечательно, что подобные идеи не чужды и современному Китаю. В частности, идеи преодоления национальных границ находят свое отражение в официальном дискурсе, когда говорится о глобальном управлении. Подчеркивается, что по мере усиления процессов глобализации и международной конкуренции все большее число проблем фактически пересекает границы и ограничения «национальных государств». В то же время это позволяет и более эффективно отвечать на трансграничные вызовы и угрозы, поскольку задействованы консолидированные силы и ресурсы государств.

Более того, одной из целей формирования «Сообщества единой судьбы человечества» является преодоление национальных границ государств и идеологий с помощью «антропоцентризма». Цай То пишет: «Космополитизм и идея «сообщества единой судьбы человечества» неразрывно связаны. Они разделяют общие ценности, уделяют внимание общим интересам и развитию человечества и защищают их» [Цай 2018].

При этом в начале XX в., когда идеи космополитизма начали проникать в Китай, предполагалось, что единение с миром для Китая возможно только путем копирования и заимствования западной модели развития и общества.

На сегодняшний день, демонстрируя быстрое экономическое развитие и обладая всеобъемлющей национальной мощью, Китай может использовать свои собственные методы и стратегии участия в равноправном диалоге с Западом, а также эффективно продвигать свои идеологические и культурные взгляды, имеющие универсальное значение для мира [Ван Хун 2012].

Другим философским учением, идеи которого можно обнаружить в концепции «Сообщества единой судьбы человечества», является марксизм: китайские исследователи рассматривают китайскую концепцию миропорядка как наследие и современное развитие теоретической системы философии марксизма. Более того, исследователи связывают философские и культурные идеи марксизма с древнекитайскими воззрениями, в частности с конфуцианством. В свою очередь, концепция «сообщества единой судьбы человечества» воплощает идеи марксизма на практике, объединяя теорию с действительностью современного Китая. Как и в марксизме, в концепции содержатся размышления об основных проблемах и вызовах настоящего, а также идеи о необходимости совместного поиска решений глобальных вопросов, предотвращения конфликтов и противоречий. В то же время цивилизационное развитие предполагает гармонию и процветание всего мирового сообщества. Судьба человечества представляет собой целостное, систематическое и связанное единство, и председатель Си Цзиньпин подчеркивает, что Китаю следует решать не только свои вопросы, но и активно участвовать в процессе глобального управления и брать на себя ответственность как мировая держава [Liu 2019]. Также с китайской концепцией «сообщества единой судьбы человечества», в основе которой лежит представление о мировом сообществе и взаимосвязи людей различных национальностей, конфессий, цивилизаций, согласуются идеи свободного человеческого общества, предлагаемые К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксизм и китайская концепции миропорядка сближаются и в идеях о единстве противоположностей и мирном сосуществовании человека с природой. В своей речи Си Цзиньпинь говорит об общем доме для всего человечества, необходимости нести ответственность за будущие поколения и сохранении окружающей среды [Xi Jinping 2018].

Таким образом, можно заметить, что взгляды древнекитайских философов, как и идеологов современного Китая, тесно перекликаются с европейскими философскими концепциями космополитизма и марксизма, формируя теоретическое основание идеи «сообщества единой судьбы человечества».

Концептуальный синкретизм внешнеполитической мысли предыдущих поколений государственных лидеров Китая

Китай долгое время придерживался независимой внешней политики мира и всегда подчеркивал, что целью его внешней политики является поддержание мира по всему миру и содействие общему развитию. В 1950-е гг. Китай, Индия и Мьянма совместно отстаивали «пять принципов мирного сосуществования»:

- 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности;

- 2) взаимное ненападение;
- 3) невмешательство во внутренние дела друг друга;
- 4) равенство и взаимная выгода;
- 5) мирное сосуществование.

Постепенно эти принципы получили широкое признание как основные нормы международных отношений и международного права. Тем не менее справедливо будет упомянуть, что Китай во времена правления Мао Цзэдуна допускал политику вмешательства в дела других государств, вел вооруженные конфликты, а «теория трех миров» по сути предусматривала разделение мира на три части.

В 1980-е гг. Дэн Сяопин, проведя анализ международной ситуации, выдвинул суждение о том, что «мир и развитие являются темой нынешней эпохи». В основе его политики лежали идеи реформ и открытости, а новый внешнеполитический вектор во многом был обусловлен новым экономическим курсом Китая. Можно сказать, что КПК провела критический анализ и пересмотр некоторых взглядов и политических действий Мао Цзэдуна периода культурной революции. С тех пор Китай всегда придерживался развития отношений с другими странами на основе «пяти принципов мирного сосуществования», активно содействовал установлению нового международного политического и экономического порядка. Мирная международная обстановка создала благоприятные условия для быстрого развития Китая, и страна добилась всемирно известных достижений в различных областях жизнедеятельности, в том числе экономике, внешней политике, безопасности, дипломатии и пр. Экономический успех Китая одновременно поддерживает развитие мировой экономики в целом. Поэтому программные решения Коммунистической партии Китая уже не являются для мира чем-то далеким и абстрактным. Связь между Китаем и миром становится все более тесной [Михеев, Луконин, Игнатъев 2017].

Ван Фань, декан Китайского университета иностранных дел, отмечает, что помимо «пяти принципов мирного сосуществования» основу официальной внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики составляют такие концептуальные идеи, как теория «мира и развития» Дэн Сяопина, «новая концепция безопасности» Цзян Цзэминя, теория «гармоничного мира» Ху Цзиньтао и концепция «китайской мечты» (中国梦) Си Цзиньпина [Wang, Ling 2023].

Формированию китайской национальной идеи поспособствовали некоторые особенности современного этапа развития Китая: значительное экономическое и социальное развитие, усиление влияния на мировой арене, отказ от политики «узкого регионализма» [Грачиков 2019], а также появление ресурсов и амбиций для обретения статуса мировой державы. В настоящее время Коммунистическая партия Китая, во главе с Генеральным секретарем Си Цзиньпином, ведет китайский народ к осуществлению «китайской мечты» (中国梦 Чжунго мэн) о «великом возрождении китайской нации», предложенной в 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде КПК.

Реализация «китайской мечты» является важной стратегической концепцией, выдвинутой Си Цзиньпином, а также важным идеологическим достижением

китайских лидеров на новой исторической отправной точке, и служит для координации внутренней и международной ситуации. Си Цзиньпин определил «китайскую мечту» как «реализацию великого возрождения китайской нации, которая является величайшей мечтой современного китайского народа», и заявил, что эта мечта «обязательно сбудется».

В 2017 г. на XIX Всекитайском съезде КПК Китай объявил миру, что страна вступает в новую эру. Основой внешней политики современного Китая являются выдвинутые действующим Председателем КНР Си Цзиньпином «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», которые по итогам XIX съезда были внесены в Конституцию КНР и Устав партии наравне с теоретическими положениями Дэн Сяопина и Мао Цзэдуна. «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» сводятся к концептуальным положениям, включающим в себя претворение в жизнь строительства «сообщества единой судьбы человечества» и концепцию «китайской мечты» [Ломанов 2019].

Концепция «сообщества единой судьбы человечества» является наследницей «пяти принципов мирного сосуществования», идеи трех поколений прав человека и других важных теорий [Wang, Ling 2023].

Большая роль в концепции «сообщества единой судьбы человечества» и «китайской мечты» отводится мысли об исключительной роли Китайской Народной Республики как страны, продвигающей идею мирного развития, международного сотрудничества и «гармоничного мира», а также следующей китайским традиционным идеалам и ценностям, несущим пользу для всего мирового сообщества [Ломанов 2020]. Желая избежать нового соперничества между разными моделями общественного развития, Си Цзиньпин провозгласил на съезде цель строительства «сообщества единой судьбы человечества»². В основе этой политики лежит стремление к созданию более справедливой и разумной модели глобализации, которая соответствовала бы интересам не только развитого Запада, но и интересам развивающихся стран [Борох 2018].

Теория отношений мировой политики

Исследователь Цинь Яцин считает, что управление на основе правил — не единственное решение, возможны и другие полезные методы, основанные на опыте разных культур, их истории и политических практиках. В китайской культуре одним из важнейших понятий является понятие «отношения» (relationality, 关系) [Qin 2012]. Цинь Яцин попытался соединить западную теорию международных отношений и китайское культурное мышление,

² Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in all Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era — Report Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China (18 November 2017). Beijing, Renmin Chubanshe, 2017.

предложив теорию отношений мировой политики (Relational Theory of World Politics 国际政治的关系理论) [Qin 2018] или «реляционную» теорию³.

В своей теории отношений мировой политики Цинь Яцин выдвинул три основных допущения:

Во-первых, Цинь Яцин рассматривает международную систему как целостный и динамичный «мир отношений» [Qin 2006], состоящий из взаимосвязанных непрерывных событий и продолжающихся взаимодействий. Он указывает на контекстно-ориентированное общество, где вещи, люди, события существуют в сложном контексте (совокупности кругов человеческих отношений), без которого их существование станет невозможным. В таком мире отсутствует абсолютный рациональный ум, который бы выходил за пределы сложных человеческих отношений и мог бы принимать решения за акторов.

Во-вторых, идентичность и роль акторов определяется их отношениями: их действия характеризуются как рациональные или соответствующие нормам в зависимости от природы их отношений друг с другом. Цинь подчеркивает, что, хотя государства и являются акторами в мировой политике, анализ последней должен начинаться с изучения отношений между этими акторами, нежели с исследования самих государств. Доминирующие западные ТМО в основном фокусируются на индивидуальных акторах, а не на отношениях между ними. В этом, по мнению Цинь Яцина, заключается главная проблема ТМО как дисциплины, поскольку отсутствуют хорошо проработанные теории, рассматривающие именно отношения [Qin 2006].

В-третьих, большинство западных теорий (в том числе и конструктивизм) уделяют особое внимание структуре. Цинь сосредоточивается на процессах, которые он определяет как «динамические взаимодействия» [Qin 2012]. Процесс рассматривается как регулярные взаимодействия, закрепленные в социальных практиках и производящие социальные смыслы. Этот процесс имеет особое значение, потому что в ходе него «вырабатываются национальные интересы государства, развиваются нормы, возвращаются коллективные эмоции и строится общая идентичность через взаимодействие» [Huang 2016]. На таком интерактивном взаимодействии государств фокусируется теория «процессуального конструктивизма» [Qin 2006], которую также связывают с именем Цинь Яцина⁴.

Для понимания многообразных отношений, связывающих международных акторов, Цинь вводит два понятия на эпистемологическом уровне:

Во-первых, метаотношения (упрощенная форма рассмотрения всех отношений). В отличие от гегелевской диалектики отношения между двумя противоположными полюсами рассматриваются как неконфликтные.

³ Liao Fan. “Xi Thought” to be added to China’s Constitution. РСМД. URL: <http://www.iolaw.org.cn/global/en/new.aspx?id=63033> (accessed: 15.9.2023).

⁴ Пятачкова А. Единство противоположностей, или Новое прочтение классики? Развитие теории международных отношений в КНР // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-china> (дата обращения: 05.10.2023).

Во-вторых, диалектика «Чжунюнь» (способ понимания и интерпретации этих метаотношений). Подразумевает, что одна половина всегда включает в себя часть другой, хотя они и разные.

Китайская диалектика не отрицает существование конфликта, наоборот, конфликт рассматривается как прогрессивный шаг на пути к гармонии, являющейся высшей формой жизни: здесь отсутствует дихотомия своих и чужих, частного и общего, противоположности дополняют друг друга и вместе создают гармоничное единство [Понька 2017]. Отличные друг от друга нормы и институты, взаимодействуя через процесс гармонизации, интегрируются в новом синтезе. На основании этого теория отношений может дать альтернативное объяснение взаимодействиям между субъектами разных культурно-цивилизационных слоев в глобальном обществе. Она предоставляет другую перспективу глобального управления. Нормы и институты Запада и Востока встречаются, взаимодействуют и развиваются в новые инклюзивные формы, которые более универсальны и надежны в истинном смысле [Qin 2011]. Таким образом, применение данного подхода в международных отношениях позволяет пересмотреть понимание сотрудничества и конфликта между акторами.

В целом управление на основе отношений — это подход, который отличается от управления по правилам. Некоторые западные ученые говорят о нем как о процессе, который позволяет «не полагаться на правила и положения, а достигать консенсуса посредством дискуссий и переговоров» [Davidson 2006]. Такой подход к управлению основывается на принципах взаимного доверия и уважения между участниками международных отношений.

Методы управления на основе отношений и на основе правил взаимозаменяют и дополняют друг друга, и каждый из них имеет свои преимущества в зависимости от объекта и содержания управления. Таким образом, управление на основе отношений, характерное для китайской культуры, и управление на основе норм, более присущее Западу, могут дополнять друг друга и генерировать наиболее эффективный и гуманный подход к глобальному управлению, что также согласуется с идеей «Сообщества единой судьбы человечества».

Заключение

Современный Китай активно исследует и применяет сложные концепции в сфере международных отношений. Особое внимание уделяется идеям, которые обогащают понимание глобальных отношений, преодолевая традиционные западные парадигмы. Центральное место в этих исследованиях занимает идея «сообщества единой судьбы человечества», которая находит свое отражение в различных теоретических учениях и конструкциях. В ходе исследования автором было выделено четыре группы ценностных и концептуальных оснований: во-первых, ценности традиционной китайской культуры, прежде всего конфуцианское понятие «гармонии»; во-вторых,

концептуальные основы «человеческого сообщества» в западной философии, в частности в идеях космополитизма и учениях марксизма; в-третьих, воззрения предыдущих поколений государственных лидеров из Коммунистической Партии Китая и видение текущего лидера КНР Си Цзиньпина в новую эпоху; в-четвертых, китайская теория международных отношений — теория отношений (реляционная теория) Цинь Яцина.

Все эти концептуальные основы служат базисом проекта «сообщества единой судьбы человечества» и демонстрируют преемственность идей древнекитайской философской мысли и культурных традиций, а также некоторых европейских идей о всеобщем мире, их эффективную интеграцию в глобальную внешнеполитическую стратегию сегодняшнего Китая наряду с современными теориями и концепциями международных отношений. Это свидетельствует о глубоком понимании Китаем многогранности и сложности современного мирового порядка и о его стремлении к построению гармоничных и устойчивых международных отношений.

Предложенный Китаем проект «сообщества единой судьбы человечества», основанный на идеях Востока и Запада, включающий элементы традиционного и современного, представляет особую ценность в контексте глобальных трансформаций, являясь альтернативой западному пути мирового развития. Кроме того, отмеченные пересечения западных и восточных философских учений в рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества», а также опора на общекультурные идеалы человечества говорят о том, что идеи китайской внешнеполитической стратегии не чужды и современным западным обществам. Основные идеи китайского проекта, такие как процветание всего человечества, прочный мир и всеобщая безопасность, разнообразие и толерантность, равенство и открытость, учитывают интересы всех стран мира и нацелены на их развитие, что, в свою очередь, находит отклик и поддержку мирового сообщества. Тем не менее для достижения «китайской мечты» как самому Китаю, так и западным государствам необходимо консолидировать свои усилия, пересмотреть свои политические взгляды на ряд вопросов современности и взаимоотношения друг с другом, и в этом контексте идеи проекта «сообщества единой судьбы человечества» могут способствовать установлению нового миропорядка и системы взаимоотношений между странами, стать общечеловеческими ориентирами в процессе мирового развития. Тем не менее, хотя многие страны воспринимают китайскую концепцию миропорядка с интересом и оптимизмом, видя в ней возможность для многополярного мира, существуют и опасения относительно потенциального китайского гегемонизма. Это подчеркивает необходимость дальнейших исследований и диалога по данной теме.

Поступила в редакцию / Received: 18.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 24.09.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Барский К.М., Виноградов А.В., Салицкий А.И.* О диалектическом единстве внутренней и внешней политики Китая. К 100-летию образования Коммунистической партии Китая // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 8. С. 703–712.
- Бичехвост А.Ф.* Политическая мысль Древнего Китая // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 189–196.
- Борох О., Ломанов А.* Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 59–70. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70>
- Ван И.* Исследования международных отношений в Китае (1995–2005). Beijing University Press, 2006. [王逸舟, 中国国际关系研究 1995–2005, 北京大学出版社, 2006. 11p.]
- Ван Нин.* Космополитизм и его значение в современном Китае // Журнал Шаньдунского педагогического университета (издание для гуманитарных и социальных наук). 2012. № 6. С. 49–55. [王宁. 世界主义及其于当代中国的意义. 山东师范大学学报 (人文社会科学版)].
- Васильев Л.С.* Этика и ритуал в трактате «Ли Цзи». М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.
- Грачиков Е.Н.* Китайская теория международных отношений // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3 (46). С. 68–80
- Грачиков Е.Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187–200. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
- Денисов И.Е.* Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 40–54.
- Зуенко И.Ю.* Китай как нормальная страна // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4. С. 192–202. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-192-202>
- Кривохиж С.В., Соболева Е.Д.* Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 76–84. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
- Кривохиж С.В., Соболева Е.Д.* Теория морального реализма Янь Сюэтуна // Незападные теории международных отношений: азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства / под ред. Н.С. Кирабаев, Е.Н. Грачиков, Д.А. Дегтерев. М.: Аспект-пресс, 2019. С. 328–346
- Ломанов А.В.* Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 55–83.
- Ломанов А.В.* Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV: ежегодное издание / отв. ред. Е.И. Сафронова М.: ИДВ РАН, 2020. С. 34–50.
- Михеев В., Луконин С., Игнатьев С.* Китай: фактор съезда и фактор Трампа // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 23–32. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-23-32>
- Переломов Л.С.* Конфуций «Лунь Юй». М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- Понька Т.И., Бельченко А.С., Забелла А.А.* Китайский взгляд на теорию международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 76–86. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-76-86>
- Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Китайские представления о мироустройстве // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 2 (18). С. 50–60.

- Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 8. С. 72. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81>
- Цыганков П.А., Грачилов Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // *Политическая наука*. 2015. № 4. С. 22–39.
- Davidson P.J. The Role of Soft Law in the Governance of International Economic Relations in Asia // *Chinese (Taiwan) Year Book of International Law and Affairs*. 2006. Vol. 24, no. 1. P. 2. http://doi.org/10.1163/9789004424968_002
- Huang C.C., Shih C. *Harmonious Intervention: China's Quest for Relational Security*. New York, Routledge, 2016.
- Kleingeld P. Kant's Cosmopolitan Law: World Citizenship for a Global Order // *Kantian Review*. 1998. Vol. 2. P. 72–90.
- Lau D.C. (trans.). 2003. *Mencius*. Hong Kong: The Chinese University Press.
- Liu S. The Philosophic Interpretation of a Community of Shared Future for Mankind from the Perspective of the Marxist Philosophy // *Open Access Library Journal*. 2019. No 6. P. 1–5. <http://doi.org/10.4236/oalib.110554>
- Qin Y. *A Relational Theory of World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. <http://doi.org/10.1017/9781316869505>
- Qin Y. Culture and Global Thought: Chinese International Theory in the Making // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2012. Vol. 100. P. 67–89.
- Qin Y. Rule, Rules, and Relations: Toward a Synthetic Approach to Global Governance // *The Chinese Journal of International Politics*. 2011. Vol. 4, no. 2. P. 117–145.
- Qin Y. The Possibility and Necessity of a Chinese School of International Relations Theory // *World Economics and Politics*. 2006. № 3. P. 7–13.
- Wang F., Ling S. *A Community with a Shared Future for Humanity*. M.: Royal Collins Publishing Company, 2023.
- Xi Jinping. *About public administration*. II. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 2018.
- Цай Т. Сравнительный анализ космополитизма и сообщества единой судьбы человечества // *Международные политические исследования*. 2018. № 39 (06). С. 9–24. [蔡拓.世界主义与人类命运共同体的比较分析.国际政治研究, 2018.39 (06): 9–24.]
- Цинь Я. *Отношения и процессы: культурные основания китайской теории международных отношений* М.: Шанхайское народное издательство. 2012. [秦亚青.关系与过程—中国国际关系理论的文化建构.上海人民出版社. 2012.]

References

- Barsky, K.M., Vinogradov, A.V., & Salitsky, A.I. (2021). Dialectic unity of the domestic and foreign policy of China on the centenary of the Communist Party of China. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 91(8), 703–712. (In Russian).
- Bichekhvost, A.F. (2010). Political thought of ancient China. *Legal policy and legal life*, (2), 189–196. (In Russian).
- Borokh, O.N., & Lomanov, A.V. (2018). China's new epoch: From seeking wealth to gaining strength. *World Economy and International Relations*, 62(3), 59–70. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70>
- Cai, T. (2018). A comparative analysis of cosmopolitanism and a community with a shared future for mankind. *International Political Studies*, 39(6), 9–24. (In Chinese). [蔡拓.世界主义与人类命运共同体的比较分析.国际政治研究, 2018, 39(06): 9–24].
- Davidson, P.J. (2006). The role of soft law in the governance of international economic relations in Asia. *Chinese (Taiwan) Year Book of International Law and Affairs*, 24(1), 2. http://doi.org/10.1163/9789004424968_002

- Denisov, I.E. (2015). The evolution of China's foreign policy under Xi Jinping. *International Affairs*, (5), 40–54. (In Russian).
- Grachikov, E.N. (2016). Chinese theory of international relations. *International processes*, 3(46), 68–80. (In Russian).
- Grachikov, E.N. (2019). Formation of the Chinese school of international relations: Analytical approaches and research methods. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 187–200. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
- Huang, C.C., & Shih, C. (2016). *Harmonious intervention: China's quest for relational security*. New York, Routledge.
- Kleingeld, P. (1998). Kant's cosmopolitan law: World citizenship for a global order. *Kantian Review*, (2), 72–90.
- Krivokhizh, S.V., & Soboleva, E.D. (2017). The past serving the present: Yan Xuetong's theory of moral realism and the future of the global order. *World Economy and International Relations*, 61(11), 76–84. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
- Krivokhizh, S.V., & Soboleva, E.D. (2019). Yan Xuetong's theory of moral realism. In N.S. Kirabaev, E.N. Grachikov & D.A. Degterev (Eds.), *Non-Western theories of international relations: Asian, African and Latin American concepts of the world order* (pp. 328–346). Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Lau, D.C. (2003). *Mencius*. Hong Kong: The Chinese University Press.
- Liu, S. (2019). The philosophic interpretation of a Community of Shared Future for Mankind from the perspective of the Marxist philosophy. *Open Access Library Journal*, 6, 1–5. <http://doi.org/10.4236/oalib.110554>
- Lomanov, A.V. (2019). Foreign policy ideas of Xi Jinping. In A. Viskresensky (Ed.), *Development model of modern China: Assessments, discussions, forecasts*. (pp. 55–83). Moscow: Strategic Research. (In Russian).
- Lomanov, A.V. (2020). Russia and China in the “new era”: Challenges and prospects. In E. Safronov (Ed.), *China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXV: annual publication* (pp. 34–50). Moscow: IFES RAS (In Russian).
- Mikheev, V.V., Lukonin, S.A., & Ignatev, S.V. (2017). China: Congress factor and Trump factor. *World Economy and International Relations*, 61(6), 23–32. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-23-32>
- Perelomov, L.S. (1988). *Confucius “Lun Yu”*. Moscow: Oriental literature. (In Russian).
- Ponka, T.I., Belchenko, A.S., & Zabella, A.A. (2017). Chinese view of the international relations theory. *World Economy and International Relations*, 61(10), 76–86. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-76-86>
- Qin, Y. (2006). The possibility and necessity of a Chinese school of international relations theory. *World Economics and Politics*, (3), 7–13.
- Qin, Y. (2009). Relationality and processual construction: Bringing Chinese ideas into international relations theory. *Social Sciences in China*, 30(4), 5–20.
- Qin, Y. (2011). Rule, rules, and relations: Toward a synthetic approach to global governance. *The Chinese Journal of International Politics*, 4(2), 117–145.
- Qin, Y. (2012). *Process and Relation — Cultural Construction of China International Relations Theory (Chinese Edition)*. Shanghai: Shanghai Peoples Publishing House. (In Chinese). [秦亚青关系与过程—中国国际关系理论的文化建构. 上海人民出版社. 2012.]
- Qin, Y. (2018). A relational theory of world politics. *Cambridge University Press*. <http://doi.org/10.1017/9781316869505>
- Salitsky, A.I., & Semenova, N.K. (2019). Chinese ideas of world order: Tradition and modernity. *Perspectives. Electronic journal*, (18), 50–60. (In Russian).

- Semenov, A.V., & Tsvyk, A.V. (2019). The “Community of A Shared Future for Humankind” concept in China’s foreign policy strategy. *World Economy and International Relations*, 63(8), 72. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81>
- Tsygankov, P., & Grachikov, E. (2015). A matter of the world order in the Chinese and Russian political science: General and particular. *Political Science (RU)*, (4), 22–39. (In Russian).
- Vasiliev, L.S. (1988). *Ethics and ritual in the treatise “Li Ji”*. Moscow: Publishing house “Science”.
- Wang, F., & Ling, S. (2023). *A Community with a Shared Future for Humanity*. Royal Collins Publishing Company.
- Wang, Ning. (2012). Cosmopolitanism and Its Significanc. In *Contemporary China. Journal Of Shandong Normal University (Humanities And Social Sciences Edition)*, 57(006), 49–55. (In Chinese) [王宁. 世界主义及其于当代中国的意义. 山东师范大学学报 (人文社会科学版) 2012. No. 6. P. 49–55].
- Wang, Y. (2006). *China’s International Relations Research (1995–2005)*. Beijing University Press (In Chinese) [王逸舟. 中国国际关系研究 1995–2005, 北京大学出版社, 2006.].
- Xi, Jinping. (2017). *Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in all Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era — Report Delivered at the 19th National Congress of the Communist Party of China (18 November 2017)*. Beijing: Renmin Chubanshe.
- Zuenko, I.Y. (2023). China as a normal country. *Russi. In Global Politics*, 21(4), 192–202. (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-192-202>

Сведения об авторе:

Лю Цзинюань — аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: liujingyuan@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9810-9981)

About the author:

Jingyuan Liu — Postgraduate student — Department of Comparative Political Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: liujingyuan@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9810-9981)

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЕОПОЛИТИКИ REGIONAL SECURITY AND GEOPOLITICS ISSUES

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89
EDN: OIEODC

Научная статья / Research article

Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств

С.С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ Serg.serg56@mail.ru

Аннотация. Традиционно Центральная Азия ассоциируется с выгодным географическим положением и значительными запасами природных ресурсов. Данные факторы усиливают интерес Запада, России и Китая к центральноазиатским государствам и в целом к региону. В то же время потенциал стран Центральной Азии оставляет много вопросов, поскольку страны сталкиваются с большим количеством региональных проблем. Цель исследования заключается в выявлении роли геополитического и экономического потенциала стран Центральной Азии, а также определении вызовов, с которыми государства сталкиваются в последние годы. Отдельное внимание уделяется водно-энергетической проблематике, которая остается наиболее острым вопросом для региона. Сделаны выводы о сохранении проблем в экономическом развитии стран Центральной Азии, которые в большей степени выступают в качестве конкурентов, а также о возросшем влиянии внерегиональных акторов на страны региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, Запад, Россия, Китай, многосторонние форматы, энергетика, водные ресурсы

Для цитирования: Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 78–89. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89>

© Жильцов С.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Central Asia: Region's Potential and New Challenges

Sergey S. Zhiltsov

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

✉ Serg.serg56@mail.ru

Abstract. Traditionally, Central Asia is associated with a favorable geographical location and significant natural resources. These factors are of interests for the West, Russia, and China in the region. Meanwhile, the potential of Central Asian countries leaves many questions unanswered, as they face many regional challenges. The aim of the study is to identify the geopolitical and economic potential of the Central Asian countries, as well as to identify the challenges that the states have faced in recent years. A special attention is paid to the water and energy issue, which remains the most pressing problem for the whole region. In the conclusion, the author identified two of them: the persistence of economic difficulties in the development of Central Asian countries, which to a certain extent act as economic competitors, as well as the increased influence of extra-regional actors on the countries of the region.

Keywords: Central Asia, West, Russia, China, multilateral formats, energy, water resources

For citation: Zhiltsov, S.S. (2024). Central Asia: Region's potential and new challenges. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 78–89. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89>

Введение

В последние годы геополитическое значение Центральной Азии, к которой относят пять государств — Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, значительно возросло. В условиях кардинальных изменений в мировой политике повысилось геополитическое значение региона. Для Китая Центральная Азия представляет территорию, через которую проходят маршруты поставок китайских товаров. Для Запада значение центральноазиатских государств возросло в контексте проведения санкционной политики в отношении России. Страны региона столкнулись с открытым давлением со стороны США и ЕС, которые добиваются пересмотра внешнеполитического курса и ослабления или разрыва торгово-экономических связей с Россией. Цели у вне-региональных акторов имеют существенные различия, однако их объединяет одно — использовать Центральную Азия в своих интересах. При этом достаточно слабые экономические возможности центральноазиатских стран предопределили характер внешнеполитического курса. Лидеры стран Центральной Азии вынуждены маневрировать между более мощными геополитическими акторами, таким образом, добиваясь решения экономических вопросов и отстаивая свои интересы.

Страны Центральной Азии сталкиваются со значительными вызовами, которые определяются уровнем их экономического развития и нерешенными региональными проблемами. В частности, это касается водно-энергетического

развития. Проблема обострилась после распада СССР, сопровождается трудностями в сфере экономики в каждом из государств, барьерами, которые стоят на пути развития энергетики. Сказывается географическая замкнутость региона.

Потенциал региона

Как правило, потенциал Центральной Азии сводится к констатации: численности населения в регионе и наличия природных ресурсов, которые находятся в недрах центральноазиатских государств, и имеют «глобальное значение»¹. Однако природные ресурсы пока не создали условий для экономического прорыва центральноазиатских государств. Добыча нефти, газа и других полезных ископаемых, которые стали разрабатывать еще в период СССР, позволили лишь частично решить социально-экономические проблемы, но не обеспечили бурный экономический рост. Сказывается отсутствие необходимых технологий, нехватка финансирования, дефицит специалистов. Более того, как показала ситуация с добычей газа и нефти в центральноазиатских государствах, у них наблюдаются трудности с насыщением внутреннего рынка и обеспечением необходимых объемов для поставок на внешний рынок. В 2023 г. Казахстан и Узбекистан вынуждены были начать поставки газа из России, чтобы стабилизировать ситуацию на внутреннем рынке.

В рассуждениях о потенциале региона часто акцент делается на выгодном географическом положении, которое предоставляет или должно в перспективе дать странам Центральной Азии определенные преимущества. В действительности Центральная Азия находится в географической изолированности, не имея прямого выхода к морским коммуникациям. Соседство с крупными государствами делает центральноазиатские страны зависимыми от проводимой ими политики.

Как правило к потенциалу региона относят быстрорастущее население Центральной Азии. С одной стороны, это дает значительное количество трудовых ресурсов, которые могут быть востребованы в промышленности и сельском хозяйстве. В 2023 г. численность центральноазиатских государств достигла 78 млн человек. К 2050 г. прогнозируется преодоление численности в 100 млн человек². С другой стороны, демографический рост привел к усилению нагрузки на водные ресурсы. Помимо этого, рост населения ставит задачу решения продовольственной проблемы и занятости. В результате увеличение числа жителей пока создает больше проблем для стран региона, нежели дает какие-то конкурентные преимущества [Kasymov, Namidov 2017]. В итоге критическая оценка указанных и других параметров показывает, что потенциал Центральной Азии не так очевиден, а зачастую создает больше проблем для региона.

¹ Центральная Азия, геополитика и вода — что ждет в будущем? Ташкент: Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии, 2019. С. 32.

² Кармазин И. Выдавливают по капле: к чему приведет дефицит воды в Центральной Азии. 2023. 3 июля. URL: <https://iz.ru/1537493/igor-karmazin/vydavlivaiut-po-kaple-k-chemu-privedet-deficit-vody-v-tcentralnoi-azii> (дата обращения: 02.01.2024).

Причины сложившейся ситуации отчасти объясняются внутренними проблемами. Это однотипный характер экономики и влияние внерегиональных государств, которые изначально, после распада СССР, определили место стран Центральной Азии в своей политике. В то же время сказывается история развития государств и наличие нерешенных региональных проблем.

Водно-энергетический вызов

Ключевой проблемой для региона остается вопрос водных ресурсов. Это связано с неравномерным распределением водных ресурсов на территории стран Центральной Азии, нарастающим дефицитом воды, а также с расхождением интересов отдельных центральноазиатских стран относительно режима использования водных ресурсов. Значительное влияние оказывает изменение климата. «В двадцатом веке антропогенное воздействие способствовало повсеместному отступлению ледников в Центральной Азии» [Manton, Stevenson 2014].

После распада СССР страны региона подписали значительное количество документов, которые были направлены на решение водной проблемы. Однако, несмотря на подписание разных документов и достижение многосторонних договоренностей, в том числе в рамках Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), ситуация в области использования водных ресурсов региона не менялась. Страны Центральной Азии так и не смогли решить проблему водных ресурсов [Zhiltsov et al. 2018]. Соответственно, столкновение интересов в водной сфере стало носить четко выраженный характер [Жильцов, Зонн 2008].

Вместе с тем в последние годы происходит ряд изменений в политике центральноазиатских государств в водно-энергетической сфере, которые свидетельствуют о заинтересованности стран региона решить проблему водных ресурсов в рамках двусторонних и многосторонних форматов [Berndtsson, Tussupova, 2020]. В 2022 г. Узбекистан и Туркменистан подписали соглашение «Об управлении, охране и рациональном использовании водных ресурсов реки Амударья»³. В соглашении говорится, что «каждая из Сторон в случае необходимости строительства или реконструкции гидротехнических или водохозяйственных объектов на трансграничной реке Амударья на территории своего государства будет согласовывать свои действия с другой Стороной»⁴. Затем, в апреле 2023 г. страны подписали протокол, где подчеркнули необходимость «изучения мер по снижению потерь воды за счет укрепления берегов и выравнивания русла Амударьи...»⁵. В этот же период

³ Соглашение между Правительством Туркменистана и Правительством Республики Узбекистан об управлении, охране и рациональном использовании водных ресурсов реки Амударья. URL: http://cawater-info.net/bk/water_law/pdf/uzb_turkm_2022.pdf (дата обращения: 13.09.2023).

⁴ Там же.

⁵ В Ташкенте состоялось заседание узбекско-туркменской межправительственной комиссии по вопросам водного хозяйства. 26 апреля 2023. URL: <https://yuz.uz/ru/news/v-tashkente-sostoyalos-zasedanie-uzbeksko-turkmenskoy-mejpravitelstvennoy-komissii-po-voprosam-vodnogo-kozyaystva> (дата обращения: 13.09.2023).

страны региона «утвердили лимиты по водозабору на период 2023–2024 гг.»⁶. Это касалось использования водных ресурсов трансграничных водотоков: Сырдарьи и Амударьи. В сентябре 2023 г. вопрос использования водных ресурсов обсуждался в пятистороннем формате, на Консультативной встрече глав государств региона⁷. Страны договорились развивать региональное взаимодействие по проблемам, которые возникают в ходе изменения климата [Yang et al. 2019: 7].

Подобные договоренности позволили снять остроту проблемы, не допустить ее обострения. Данные подвижки в позиции стран Центральной Азии носят вынужденный характер и продиктованы нарастанием дефицита водных ресурсов в регионе. Точно измерить дефицит достаточно сложно, хотя страны уже подошли к порогу водного стресса [Hill et al. 2017]. Тем не менее есть оценки, которые говорят о том, что «водозабор на душу населения в Центральной Азии по сравнению с советским периодом сократился вдвое — с 3500 м³ до 1712 м³ в 2020 г.»⁸.

Дальнейший разбор водных ресурсов грозит спровоцировать в регионе конфликты между государствами, поскольку не удастся достичь компромисса [Дадабаева 2023]. Увеличение забора воды со стороны Афганистана приведет к росту ее дефицита. Туркменистан и Узбекистан, которые расположены ниже по течению Амударьи, в последние годы уже столкнулись с нехваткой водных ресурсов. Средний многолетний сток реки составляет 79 км³. В маловодные годы, которые в последние десятилетия бывают часто, объем водных ресурсов снизился. «В 2000 г. он составлял 41,7 км³, в 2008 г. — 34,9 км³, в 2012 г. — 45,4 км³»⁹. «С июня 2022 г. наполняемость бассейна Амударьи упала до 65–85 % и оставалась ниже нормы до конца сезона»¹⁰. При этом к концу первого десятилетия XXI в. «объем водопотребления оценивался в 131,3–155 км³ в год, т.е. режим использования воды стал крайне напряженным» [Клапцов 2012: 168]. По словам президента Узбекистана Ш. Мирзиёева, «дефицит воды приобрел острый и необратимый характер и в будущем будет

⁶ Заседание МКВК: Важное соглашение по воде в Центральной Азии. 2.11.2023. URL: <https://optimism.kz/2023/11/02/zasedanie-mkvk-vazhnoe-soglashenie-po-vode-v-czentralnoj-azii/> (дата обращения: 13.11.2023).

⁷ Пятая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии в Таджикистане — Итоги. 2023. 15 сентября. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/09/15/5-aya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoj-azii-v-tadzhikistane-itogi/> (дата обращения: 23.12.2023).

⁸ Винокуров Е. Ахунбаев А., Чувев С., Адахаев А., Сарсембеков Т. Эффективная ирригация и водосбережение в Центральной Азии: доклады и рабочие документы 23/4. 2023. Алматы: Евразийский банк развития. С. 9.

⁹ Уровень воды в Амударье может резко уменьшиться. Что представляет собой канал, который строят талибы? 17.02.2023. URL: <https://kun.uz/ru/news/2023/02/17/uroven-vody-v-amudare-mojyet-rezko-umenshitsya-chno-predstavlyayet-soboy-kanal-kotoryy-stroyat-taliby?ysclid=1ku2931nd166377213> (дата обращения: 19.11.2023). *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

¹⁰ Ташкент обеспокоен строительством Кабулом канала в бассейне реки Амударья. 2023. 16 февраля. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/2ccc15cb?ysclid=lkuf6m1nd861442487> (дата обращения: 23.11.2023).

только усугубляться»¹¹. Он добавил, что «сегодня в результате дефицита и неэффективного использования водных ресурсов страны региона ежегодно теряют до 2 млрд долл., а ущерб, вызванный ухудшением экологической обстановки, может достигать до 11 % регионального ВВП»¹². Таким образом, страны Центральной Азии сталкиваются со все большей нагрузкой из-за дефицита водных ресурсов [Zou, Jilili 2019]. В целом проблема водных ресурсов грозит странам Центральной Азии как минимум экономическими потерями [Karthe et al. 2017: 4]. К 2050 г. засухи в Центральной Азии могут нанести ущерб в размере 1,3 % от ВВП в год, что приведет к появлению около 5 млн внутренних «климатических» мигрантов¹³. При этом межгосударственные противоречия между странами Центральной Азии могут привести к нарастанию экономических потерь, особенно в случае дальнейшего сокращения доступных водных ресурсов.

На фоне увеличения дефицита водных ресурсов в Центральной Азии, сокращения площади ледников, питающих трансграничные водотоки, в последнее время на ситуацию по этому вопросу стал оказывать влияние Афганистан. Вместе с тем политика афганской стороны вызывает обеспокоенность в странах Центральной Азии, поскольку ситуация может ухудшиться [Илдиз 2015: 11].

На протяжении длительного времени Афганистан был исключен из обсуждения водной проблематики. Страны Центральной Азии вели переговоры по проблемам водно-энергетических ресурсов в пятистороннем формате. Подобный подход основывался на оценках, согласно которым Афганистан, погруженный во внутренние проблемы, получающий внешнюю финансовую помощь и зависящий от производства наркотиков, не нуждался в дополнительных объемах водных ресурсов.

В последние годы ситуация изменилась. Афганистан больше не хочет мириться с тем, что «большая часть воды течет в соседние страны»¹⁴. В документе, который был подготовлен в Афганистане еще в 2008 г., отмечалось, что «государства, граничащие с Афганистаном, без консультации с Афганистаном как источником водных ресурсов в верхнем течении, увеличивают свое водопотребление из трансграничных вод на протяжении тридцатилетнего периода оккупации, гражданского неповиновения и восстановления после вооруженных конфликтов»¹⁵. В итоге в последние годы Афганистан стал проявлять интерес к водным

¹¹ Гасымов Н., Романов Р. Страны Центральной Азии обсудили дефицит воды. 2023. 16 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/15/995533-tsentralnoi-azii-vodnii?ysclid=lqzfhhd5srs943940520> (дата обращения: 18.12.2023).

¹² Гасымов Н., Романов Р. Страны Центральной Азии обсудили дефицит воды. 2023. 16 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/15/995533-tsentralnoi-azii-vodnii?ysclid=lqzfhhd5srs943940520> (дата обращения: 18.12.2023).

¹³ Там же.

¹⁴ Афганистан в 2020 г.: COVID-19, изменение климата и вопросы развития. Ташкент. Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. 2020.

¹⁵ Водные ресурсы Афганистана / Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии (МКВК). Ташкент, 2008. С. 7.

ресурсам, рассчитывая увеличить их потребление. На решение данной задачи направлен проект строительства канала Куш-Тепа. Его реализация позволит в перспективе увеличить «отбор водных ресурсов из трансграничной реки — Амударьи» [Жильцов и др. 2018: 22].

Строительство инфраструктурного объекта началось в марте 2022 г. Канал будет иметь длину 285 км, ширину 100 м и глубину, равную 8,5 м. Ожидается, что канал будет построен к 2028 г.¹⁶ После его завершения вода должна поступать на сельскохозяйственные земли в провинции Балх, Джаузджан и Фарьяб. В результате после введения канала в строй «площади орошения в Афганистане могут возрасти до 1 млн га»¹⁷.

Направление в канал части водных ресурсов окажет серьезное влияние на Узбекистан и Туркменистан, которые и так испытывают дефицит водных ресурсов [Gulakhmatov et al. 2020]. Строительство канала приведет к тому, что «потребление воды из Амударьи в Афганистане может вырасти с 7 до 17 км³. Это станет особенно проблематичным для Туркменистана и Узбекистана, расположенных ниже по течению, так как они могут потерять до 15 % оросительной воды из основной реки региона, что, в свою очередь, приведет к уменьшению посевных площадей»¹⁸. По оценкам экологов, «строительство канала приведет к изменению климата и в конечном счете к экологической катастрофе»¹⁹. Строительство афганского канала еще больше снизит объем водных ресурсов, которые будут поступать в центральноазиатские государства. Он оценивается примерно в «10 км³, что приведет к дальнейшему ухудшению ситуации»²⁰.

Строительством канала Афганистан не ограничивается. Обсуждаются планы по строительству Дашт-и-Джунского гидроузла. «Объем планируемого водохранилища гидроэлектростанции составит 23,3 км³ воды и Афганистан сможет аккумулировать большую часть летнего стока реки Пяндж»²¹. В результате «два крупных проекта приведут

¹⁶ Бояров Э. Афганцы строят канал от Амударьи возле границ с Туркменистаном. 2023. 28 марта. URL: <https://daryo.uz/ru/2023/03/28/afgancy-stroat-kanal-ot-amudari-vozle-granic-s-turkmenistanom?ysclid=lkut3f0r8v185356972> (дата обращения: 17.11.2023).

¹⁷ Захватов А.В. В Центральной Азии может начаться невиданная борьба за воду. 29.01.2023. URL: https://www.ng.ru/courier/2023-01-29/11_8646_water.html?ysclid=lkusupxoa3289085189 (дата обращения: 13.11.2023).

¹⁸ Война за воду уже на пороге. 2023. 29 мая. URL: <https://uzmetronom.agency/2023/05/29/vojna-za-vodu-uzhe-na-poroge.html> (дата обращения: 29.12.2023).

¹⁹ Панфилова В. Ташкент поделился с Кабулом технологиями. 26.03.2023. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-03-26/5_8689_asia.html?ysclid=lkur8pkze6873014216 (дата обращения: 23.11.2023).

²⁰ Кармазин И. Бешеная сушка: талибы* добивают главную реку Центральной Азии. 2023. 29 марта. URL: <https://iz.ru/1489813/igor-karmazin/beshenaia-sushka-taliby-dobivaiut-glavnuiu-reku-tcentralnoi-azii?ysclid=lku18r5oir768706516> (дата обращения: 14.10.2023). *Движение «Талибан» признано террористической организацией и запрещено в РФ.

²¹ Шулепина Н. Как повлияет строящийся в Афганистане канал Кош-тепа на Амударью? 2022. 10 декабря. URL: <https://sreda.uz/rubriki/voda/kak-povliyaet-stroyashhij-sya-v-afganistane-kanal-kush-tepa-na-amudaryu/?ysclid=lku20cm5v612828344> (дата обращения: 15.12.2023).

к резкому уменьшению летних пропусков на территорию Туркменистана и Узбекистана»²².

Афганские проекты могут быть реализованы к 2030 г. Однако наряду со строительством гидротехнических сооружений, проекты которых существуют во всех центральноазиатских государствах, стремительными темпами происходит изменение климата [Magaun 2023]. Это ведет к уменьшению количества воды, которая поступает из стран верховья в нижележащие страны. В итоге усиливающийся разбор воды, который ожидается в ближайшие годы, происходит одновременно с уменьшением ее объема. Подобные разнонаправленные тенденции создают угрозу для обострения межгосударственных отношений в Центральной Азии. Противоречия будут усиливаться под влиянием изменения климата, которые по-разному влияют на политическое, экономическое и социальное развитие отдельных стран [Granberg, Glover 2023: 26]. Без кардинальных изменений в политике центральноазиатских государств, их многостороннего взаимодействия при участии Афганистана страны Центральной Азии не преодолют обострение ситуации [Zonn et al. 2020: 48].

Влияние внешних сил

После получения независимости в 1991 г. государства Центральной Азии стали проводить самостоятельную внешнюю политику. Были разработаны концептуальные основы внешнеполитического курса, в основе которого находилась так называемая многовекторность. Страны исходили из того, что диверсификация внешнеполитических контактов не только обеспечит защиту суверенитета, но и создаст условия для экономического развития. При этом страны необоснованно рассчитывали выстраивать равноправные отношения с внерегиональными акторами. Подобные ожидания не оправдались. В свою очередь, внерегиональные акторы в сжатые сроки навязали странам Центральной Азии свою политику, включив их в сферу своих геополитических и экономических интересов. Использование широкого спектра инструментов экономического и политического характера позволило расширить свое влияние в регионе, фактически навязав центральноазиатским странам свою повестку.

В последние годы внешний фактор в развитии стран Центральной Азии стал проявляться более отчетливо. Для всех внерегиональных акторов характерно использование многостороннего формата взаимодействия со странами Центральной Азии. Формат «С5+1» рассматривается внешними государствами в качестве универсального механизма, при котором возможно выработать общие подходы. Этот механизм активно применяют США, ЕС, Россия, Китай, Индия и Япония. В 2024 г. подобный формат намерена использовать Великобритания. В опубликованном в конце 2023 г.

²² Шулепина Н. Как повлияет строящийся в Афганистане канал Кош-тепа на Амударью? 2022. 10 декабря. URL: <https://sreda.uz/rubriki/voda/kak-povliyaet-stroyashhijsya-v-afganistane-kanal-kush-tepa-na-amudaryu/?ysclid=lku20cm5v612828344> (дата обращения: 15.12.2023).

докладе, который назван «Страны на перепутье: участие Великобритании в Центральной Азии», по сути выражен общий подход Запад к странам региона. Он заключается в том, что, поскольку Россия и Китай стали действовать в Центральной Азии более активно, необходимо предпринять усилия, чтобы помешать этому²³. Этот тезис четко укладывается в логику антироссийских санкций и политику давления на страны Центральной Азии. В свою очередь, страны Центральной Азии не отказываются от предлагаемых форматов, рассматривая их в качестве дополнительных возможностей отстаивания своих интересов и привлечения финансовых ресурсов. Подобное лавирование между внерегиональными акторами является вынужденным шагом, не позволяя попадать в полную зависимость ни от одного из государств.

Подобная стратегия стран Центральной Азии не позволяет в конечном итоге в полной мере отстаивать свои интересы. Политическое давление со стороны ряда внерегиональных акторов, активное участие в политической жизни зарубежных неправительственных организаций в странах региона, нерешенные региональные проблемы в конечном итоге ослабляют страны Центральной Азии. Ситуация обострилась после февраля 2022 г., когда Россия начала проведение специальной военной операции (СВО). С этого момента интерес к Центральной Азии со стороны США и ЕС многократно возрос. Запад стал оказывать политическое давление на страны региона, требуя присоединиться к антироссийской политике [Крыжко, Пашковский 2021: 69].

Для Китая и России давление Запада на страны Центральной Азии является серьезным геополитическим вызовом. Россия заинтересована в сохранении своего влияния в Центральной Азии и формировании «пояса» дружественных государств, заинтересованных в развитии экономических и политических отношений. Кроме того, в условиях санкций страны региона представляют России возможности по доставке товаров. Для Китая Центральная Азия имеет не меньший интерес, поскольку также занимает важное, с точки зрения китайских интересов, географическое положение. Очевидно, что приход к власти в странах Центральной Азии представителей элиты, которые ориентируются на интересы Запада, рассматривается в России и Китае в качестве негативного сценария.

Центральная Азия: между дезинтеграцией и сотрудничеством

История современного развития Центральной Азии показывает, что в регионе больше противоречий, нежели факторов, которые могли бы способствовать формированию единой геополитической единицы. К тому же регион никогда не представлял собой единой геополитической и культурной единицы [Nishiaki 2023]. Ключевыми факторами, которые затрудняют формирование Центральной Азии в качестве геополитической единицы, выступали этнические

²³ Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia. Tenth Report of Session 2022–23. House of Commons Foreign Affairs Committee. Published on 10 November 2023 by authority of the House of Commons. P. 8.

конфликты, расхождение интересов в сфере водных ресурсов и территориальные споры между странами региона. Соответственно, на фоне этих проблем интеграционные инициативы не имели шансов на реализацию. Так, в 90-х годах прошлого века были попытки создать Центрально-Азиатский союз (1994 г.) и Центрально-Азиатское экономическое сообщество (1998 г.). Однако они оказались неудачными.

Ситуация стала меняться с 2016 г., после прихода к власти нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёева. Изменение Узбекистаном подходов к взаимодействию в рамках Центральной Азии позволило начать новый этап регионального сотрудничества. Прорывом можно считать формирование механизма Консультативных встреч глав региона. Первая встреча состоялась весной 2018 г.²⁴ Одновременно узбекская сторона пошла на нормализацию отношений с другими центральноазиатскими государствами: Туркменистаном²⁵, Казахстаном²⁶ и Киргизией²⁷.

В итоге двусторонние договоренности дополнили многосторонний формат встреч лидеров стран региона. В сентябре 2023 г. прошла Пятая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. Прорывом можно считать утверждение главами государств положения о Совете национальных координаторов по делам Консультативных встреч глав государств Центральной Азии. Создание подобного механизма создает условия для углубления сотрудничества и оценки достигнутых ранее договоренностей.

Многосторонний формат является важной составляющей в решении региональных проблем и налаживания сотрудничества между странами региона. Он дополняет двусторонние договоренности между странами Центральной Азии. В то же время сотрудничество центральноазиатских государств пока не базируется на тесном экономическом взаимодействии. Об этом свидетельствуют показатели внешней торговли двух наиболее крупных и развитых государств региона. Так, доля стран региона в товарообороте Казахстана в 2022 г. составила 10,5 %²⁸, для Узбекистана этот показатель был равен 15 %²⁹. Эти

²⁴ По инициативе Шавката Мирзиёева прошла консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 2018. 15 марта. URL: <https://president.uz/ru/1571> (дата обращения: 26.11.2023).

²⁵ Договор о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и Туркменистаном от 6 марта 2017 г. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4647214> (дата обращения: 26.11.2023).

²⁶ Совместная декларация о дальнейшем углублении стратегического партнерства и укреплении добрососедства между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/346> (дата обращения: 26.11.2023).

²⁷ Узбекистан и Кыргызстан демаркировали 1170 километров границы за год. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20170904/uzbekistan-kyrgyzstan-demarkirovali-granitsy-1023244628.html> (дата обращения: 26.11.2023).

²⁸ Внешнеторговый оборот Казахстана в 2022 г. достиг рекордных показателей. 2023. 16 февраля. URL: https://forbes.kz/actual/stats/vneshnetorgovyy_oborot_kazahstana_v_2022_godu_dostig_rekordnyih_pokazateley?ysclid=lqzkr36ahq653098721 (дата обращения: 26.11.2023).

²⁹ Инфографика: Торговля Узбекистана со странами Центральной Азии за 2022 г. 2023. 25 января. URL: <https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-so-stranami-centralnoy-azii-za-yanvar-dekabr-2022-goda?ysclid=lqzkv8lxp42105957> (дата обращения: 26.12.2023).

данные показывают, что страны Центральной Азии имеют более развитые экономические отношения с внерегиональными акторами, нежели внутри региона. Подобная ситуация не создает прочной основы для взаимодействия, нет экономических стимулов в решении региональных проблем. «Дальнейшее усиление стратегического соперничества, элементы которого уже проявляются сегодня в Центрально-Азиатском регионе, рождает новые противоречия, но уже не на идеологической, а на геополитической и экономической основах»³⁰.

Заключение

Страны Центральной Азии имеют потенциальные возможности для развития. Природные и людские ресурсы, географическое положение дают определенные шансы на успешное экономическое развитие. Однако наличие нерешенных региональных проблем, неспособность договориться по ключевым проблемам, прежде всего, касающимся водно-энергетического потенциала, сдерживают развитие центральноазиатских государств.

Двойную роль играет внешний фактор. Иностранные инвестиции в различные сектора экономики и участие в разработке природных ресурсов в определенной мере заместили собой разрушенные экономические связи, созданные в период СССР. Однако в целом Запад встроил Центральную Азию в свои долгосрочные интересы. Данный фактор наглядно проявился с февраля 2022 г., когда страны региона оказались под мощным политическим давлением Запада.

Таким образом, раскрыться потенциалу региона не позволяют слабость экономик и зависимость от внешнего фактора. В результате страны региона вынуждены концентрировать свои усилия на решении региональных проблем.

Поступила в редакцию / Received: 11.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Дадабаева З.А.* Климатические изменения и водные проблемы Центральной Азии в XXI веке: риски дезинтеграции // *Геоэкономика энергетики*. 2023. № 3. С. 100–119. http://doi.org/10.48137/26870703_2023_23_3_100
- Жильцов С.С., Зонн И.С.* Борьба за воду // *Индекс безопасности*. 2008. Т. 14. № 3. С. 49–62.
- Жильцов С.С., Пархомчик Л.Н., Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Центральная Азия на современном этапе: новая волна водно-энергетического сотрудничества и создания трубопроводной инфраструктуры // *Центральная Азия и Кавказ*. 2018. Т. 21. № 2. С. 19–31.

³⁰ Центральная Азия, геополитика и вода — что ждет в будущем? Ташкент. Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. 2019. С. 41.

- Илдиз Д. Трансграничные реки Афганистана и региональная безопасность // Афганистан и вопросы региональной безопасности. Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. Ташкент, 2015. С. 5–20.
- Клапцов В.М. Водноэнергетические проблемы в Центральной Азии: причины, трудности и подходы к разрешению // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 6. С. 165–182.
- Крыжко Е.В., Пашковский П.И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. № 1. С. 65–81. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>
- Центральная Азия. Геополитика и экономика региона / ред. В.А. Гусейнов. М.: Красная звезда, 2010.
- Berndtsson R., Tussupova K. The Future of Water Management in Central Asia // Water. 2020. Vol. 12. Iss. 2241. <https://doi.org/10.3390/w12082241>
- Hill A.F., Minbaeva Ch.K., Wilson A.M., Satylkanov R. Hydrologic Controls and Water Vulnerabilities in the Naryn River Basin, Kyrgyzstan: A Socio-Hydro Case Study of Water Stressors in Central Asia // Water. 2017. No 9 (5), Iss. 325. <https://doi.org/10.3390/w9050325>.
- Granberg M., Glover L. Climate Change as Societal Risk. Springer, 2023. P. 24–34. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-43961-2>
- Gulakhmadov A., Chen X., Gulahmadov N., Liu T., Davlyatov R., Sharofiddinov S., Gulakhmadov M. Long-Term Hydro-Climatic Trends in the Mountainous Kofarnihon River Basin in Central Asia // Water. 2020. Vol. 12. Iss. 2140. <https://doi.org/10.3390/w12082140>
- Karthe D., Abdullaev I., Boldgiv B., Borchardt D., Chalov S., Jarsjo J., Li L., Nittrouer J.A. Water in Central Asia: an integrated assessment for science-based management // Environ Earth Sci. 2017. Vol. 76. P. 1–15. <https://doi.org/10.1007/s12665-017-6994-x>
- Kasymov U., Hamidov A. Comparative Analysis of Nature-Related Transactions and Governance Structures in Pasture Use and Irrigation Water in Central Asia // Sustainability. 2017. No. 9. <https://doi.org/10.3390/su9091633>
- Manton M.J., Stevenson L.A. Climate in Asia and the Pacific. Security, Society and Sustainability. Springer, 2014. P. 57. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-7338-7>
- Maraun D. The Challenge of Providing Information About Regional Climate Change / ed. by S. Hummel et al. Shaping Tomorrow Today — SDGs from multiple perspectives. Springer, 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-658-38319-0_2
- Nishiaki Y. Central Asia. Middle and Upper Paleolithic Sites in the Eastern Hemisphere, Replacement of Neanderthals by Modern Humans Series. Springer, 2023. P. 61–67. https://doi.org/10.1007/978-981-99-3712-7_7
- Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview // The Handbook of Environmental Chemistry. 2018. No 85. P. 9–24.
- Yang Y., Yuanyue P., Xiang Y., Zhijie T., Lingxiao S., Disse M., Fanjiang Z., Yaoming L., Xi C., Ruide Y. Climate change, water resources and sustainable development in the arid and semi-arid lands of Central Asia in the past 30 years // Journal of Arid Land. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 1–14. <https://doi.org/10.1007/s40333-018-0073-3>
- Zonn I.S., Kostianoy A.G., Semenov A.V. Water Resource Transfer in Central Asia: Projects, Results, and Perspectives // Water Resources Management in Central Asia. 2020. No. 105. P. 47–64.
- Zou Sh., Jilili A., Duan W., De Maeyer P., de Voorde T.V. Human and Natural Impacts on the Water Resources in the Syr Darya River Basin, Central Asia // Sustainability. 2019. Vol. 11. Iss. 3084. <https://doi.org/10.3390/su11113084>

Сведения об авторе:

Жильцов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России (e-mail: Serg.serg56@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4898-2627) (SPIN-код: 4297-7880)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-90-106
EDN: OBPАWO

Научная статья / Research article

«Мы идем путем Пророка»: политический режим Египта в поисках новых оснований легитимности

А.С. Козинцев

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

✉ kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

Аннотация. В центре исследования находится проблема легитимности современного египетского режима, сформировавшегося после устранения представителя сил политического ислама президента М. Мурси (2013 г.). В последние годы правящая элита страны стала активно обращаться к исламским нормам и ценностям. Почему и как это происходит? Предполагается, что в условиях недостатка «легитимации действием» она вынуждена усиливать исламскую составляющую политической коммуникации для преодоления внутренних расколов и конструирования «социального родства» между властью и гражданами. Эта гипотеза тестируется методом качественного контент-анализа обращений президента АРЕ А.Ф. ас-Сиси к нации в период с 2014 по 2023 г. В ходе исследования выделено четыре техники легитимации (мобилизация, консолидация, конструирование общего прошлого, конструирование общего будущего) и определена функциональная роль исламских референтов в каждой из них. Было установлено, что наиболее активно апелляция к исламским нормам и ценностям осуществляется в сегментах текстов, посвященных национальной консолидации и конструированию общего будущего. Для этих двух техник характерен общий способ апеллирования к исламу: частичное отождествление и взаимный перенос качеств внутри лексических пар (религиозный контекст — условно светский контекст): нация — умма; государство — исламский мир; гражданин — мусульманин. Такими приемами действующий президент размечает дискурсивное пространство и помещает проекцию современного египетского государства в религиозно-исторический (коранический) контекст, делая акцент на его исламской легитимности. В то же время присутствие исламских референтов в образах прошлого остается крайне незначительным. Это может быть связано с тем, что руководство страны стремится избежать отсылок к подъему политического ислама в период Арабской весны. Кроме того, смысловые сегменты, посвященные мобилизации граждан, в текстах практически не встречаются, что может быть объяснено прагматичным стремлением к деполитизации электората.

Ключевые слова: Египет, А.Ф. ас-Сиси, политический режим, ислам, легитимность

© Козинцев А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Козинцев А.С. «Мы идем путем Пророка»: политический режим Египта в поисках новых оснований легитимности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 90–106. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-90-106>

‘Following the Straight Path’: Egypt Political Regime’s Quest for Political Legitimacy

Alexander S. Kozintsev

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

✉ kozintsev.a.s@my.mgimo.ru

Abstract. The study aims to investigate the sources of the Egyptian regime’s legitimacy after the removal of Mohammed Morsi from office in 2013. The ruling elite, in particular President al-Sisi, has recently shown a growing inclination towards adopting Islam in the political discourse. As a result, there is a need to examine the factors that have contributed to this trend. The central hypothesis of the research is that the government, lacking institutional legitimacy, is compelled to reinforce the Islamic values in political communication to overcome internal political divisions and establish a sense of social connection between the authorities and citizens. To test this hypothesis, the study employs a qualitative content analysis of speeches made by President al-Sisi to the nation between 2014 and 2023. The analysis identifies four techniques for legitimation (mobilization, national identity consolidation, construction of a common past, and construction of a common future) and examines the functional role of Islam in each of them. The findings of the study suggest that Islamic norms and values are most actively appealed to in segments of texts devoted to national identity consolidation and constructing a common future. Both approaches involve a similar strategy of invoking Islam by associating and transferring attributes within pairs of words (religious context — secular context): nation — the Ummah; state — Islamic world; citizen — a Muslim. By using this rhetorical strategy, the government is shaping a narrative that places the contemporary Egyptian state within a religious and historical framework, as depicted in the Qur’an. This approach is aimed at establishing a set of values that can unite the nation and foster loyalty among citizens towards the government’s vision for Egypt’s future. However, there are almost no semantic sections dedicated to mobilizing citizens in the texts. This can be attributed to a pragmatic effort to steer clear of politicizing the electorate.

Keywords: Egypt, Abdel Fattah al-Sisi, political regime, Islam, legitimacy

For citation: Kozintsev, A.S. (2024). ‘Following the Straight Path’: Egypt political regime’s quest for political legitimacy. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 90–106. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-90-106>

Введение

В 2010-х гг. Египет переживал фазу критической нестабильности. Она включала в себя невиданный рост массовой политической активности, падение режима Хосни Мубарака, всеобщие демократические выборы, беспорядки и военный переворот 2013 г., прервавший недолгое правление первого демократически избранного президента страны Мухаммеда Мурси [Joya 2020; Hanieh 2016; Мако,

Moghadam 2021: 55–67]. Новый глава государства Абдель Фаттах ас-Сиси, кадровый военный без опыта публичной политики, легализовал итоги переворота через год: была принята новая конституция, проведены выборы. Однако те сложные вызовы, с которыми столкнулись власти АРЕ в период Арабской весны, сохранили свою актуальность. Это угроза терроризма и приграничные конфликты, высокий уровень бедности и неравенства, коррупция в государственном и частном секторах национальной экономики, продовольственный кризис, а также хроническая зависимость страны от внешней помощи.

Несмотря на структурные шоки, египетский режим продемонстрировал достаточно высокий уровень адаптивности. Одна из основных причин заключается в успешном воспроизводстве сложившихся конфигураций авторитарных и демократических институциональных форм [Heydemann, Leenders 2011; Joffé 2021; Харитоновна 2022]. Рамку предвыборных выступлений президента в 2014 и 2018 гг. очертили три основные цели: улучшение качества политических, экономических и социальных условий жизни для всех египтян; создание современного государства для следующих поколений; возвращение Египту авторитета в регионе и мире¹. Кроме того, ас-Сиси стремился акцентировать внимание граждан на стабильном и инклюзивном характере своего правления, противопоставляя его «лихим временам» и «хаосу безвременья предыдущей эпохи». При этом он придерживался показательно светского курса и позиционировал себя в качестве непримиримого оппонента «радикального исламистского правления» Мурси.

Одновременно происходили демонтаж управленческой структуры объявленной террористической Ассоциации «Братьев-мусульман»^{*2}, ликвидация ячеек Партии свободы и справедливости — политического крыла организации и маргинализация политических оппонентов. К 2019 г. курс на укрепление государственной власти нашел свое формальное отражение в ряде конституционных поправок, расширивших полномочия президента и национальных советов обороны и безопасности, а также в фактическом вытеснении темы «современного демократического государства с гражданским правительством» из публичного дискурса.

По мере консолидации политического режима риторика выступлений ас-Сиси претерпевала существенное изменение. Если ранее в обращениях к нации египетский лидер намеренно избегал упоминания исламских норм и ценностей, то в период электоральной кампании 2022–2023 гг. он стал все чаще ссылаться на них³. Какие задачи ставит перед собой египетский президент и как именно он использует исламские символы и ценности в своих публичных выступлениях? Настоящая статья посвящена поиску ответов на эти вопросы.

¹ Тексты выступлений размещены на официальном сайте президента АРЕ. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/78278/Statement-by-President-Abdel-Fattah-El-Sisi-at-ceremony-marking-his-inauguration?lang=en-us>; <https://www.sis.gov.eg/Story/124268/President-Sisi%27s-Speech-at-inauguration-of-Story-of-Homeland-conference?lang=en-us>.

² *Организация «Братья-мусульмане» признана террористической и запрещена в РФ.

³ Указанная тенденция прослеживается и в росте количества религиозных мероприятий с участием президента АРЕ.

В первой части работы сформулирована теоретическая рамка исследования, выдвинута гипотеза о причинах встраивания исламских оснований в процесс легитимации режима ас-Сиси, обоснован выбор метода качественного контент-анализа как инструмента тестирования гипотезы, определены критерии формирования корпуса текстов. На следующем этапе представлена пошаговая характеристика процедуры исследования, выделены ключевые категории сегментации текстов, зафиксировано их тематическое и смысловое наполнение. В заключении представлена интерпретация результатов, обозначены уязвимые места проведенного анализа и намечены возможные направления дальнейших исследований.

Исламское измерение политической легитимности

Теоретической предпосылкой исследования является тезис о том, что в условиях необходимости поддерживать устойчивое функционирование квазидемократических институтов⁴ египетские власти сталкиваются с проблемой дефицита политической легитимности. Эта проблема знакома большинству арабских политий, которые испытывают недостаток «легитимации действием» (повышение качества управления, рост уровня жизни населения и т.п.) и переживают кризис внутреннего и/или внешнего происхождения [Sedgwick 2010; Polimeno⁵; Кудряшова 2015]. Особенно отчетливо она проявляется в период подготовки и проведения избирательных кампаний на различных уровнях.

Подобная ситуация заставляет правящие элиты быть в постоянном поиске идейных оснований своих политических курсов, включая использование исторически эффективных идеологических и религиозных проектов [Yefet, Lavie 2021]. Справедливо это и для ас-Сиси, который, помимо опоры на ключевые звенья идеологий своих предшественников — арабский национализм Гамалья Абдель Насера, экономический либерализм Анвара Садата, «стабильность ради развития» Хосни Мубарака, — все активнее обращается к исламским нормам и ценностям.

Объективная причина выбора такой стратегии заключается в том, что ислам выступает целостной системой коллективных представлений и в условиях высокой религиозности общества способен легитимировать социальный порядок [Бергер 2019: 42–66]. Вместе с тем сакральный текст несет в себе множество смыслов и оценок, которые могут приобретать различное социальное звучание в зависимости от трактовки и исторического контекста. Это обстоятельство

⁴ В преамбуле конституции 2014 г. от имени народа Египта говорится: «Мы видим в демократии путь, будущее и образ жизни; политический плюрализм; мирную передачу власти», а также декларируется строительство современного демократического государства с гражданским правительством. В ст. 1 политическая система определена как демократическая республика, основанная на гражданстве и верховенстве закона, в ст. 74 закреплено право граждан создавать политические партии путем уведомления в соответствии с законом.

⁵ Polimeno M.G. Variation in the Regime: The Struggle for Internal Political Legitimacy in Egypt, 2013–2019 : PhD diss., 2021.

позволяет целенаправленно вплетать исламские референты в современный политический дискурс, чтобы гармонизировать национальную и исламскую идентичности и повысить уровень общественной консолидации [Кудряшова, Козинцев 2023: 60–62].

Это не означает, что ислам используется египетскими властями исключительно как инструмент контроля над гражданами [Omelicheva 2016]. Прежде всего он представляет собой функционально обособленную систему коммуникации и в качестве таковой создает единое дискурсивное пространство, обеспечивает устойчивое воспроизведение коммуникативного акта и непрерывность социальных взаимодействий [Luhmann 1986; Rase 2011; Аликберов 2019]. Благодаря этому между правящей элитой и гражданами конструируется *социальное родство* — необходимый компонент легитимности, который дает возможность придать режиму ас-Сиси образ «самого собой разумеющегося» и «лучшего из возможных».

Таким образом, обращение президента ас-Сиси к исламской риторике и даже частичное заимствование им стратегии политической легитимации своего бывшего оппонента Мурси с большой долей вероятности обусловлено потенциалом исламских интенций в сфере упорядочивания социальных взаимодействий и выработке долгосрочных государственных целей. Кроме того, это связано с задачей преодоления глубоких внутренних расколов египетского общества и формирования гражданской общности национально-цивилизационного типа. Нынешний глава АРЕ (так же как и его предшественник) стремится создать одобряемые большинством граждан образы прошлого и будущего путем помещения проекции современного египетского государства в религиозно-исторический (коранический) контекст.

Методология и отбор материала

Следуя выдвинутой гипотезе, определить стратегию использования исламских референтов президентом ас-Сиси представляется возможным на основе анализа его публичных выступлений по знаменательным для египтян поводам. В исследовании стратегия понимается в ее коммуникативном значении, то есть как комплекс последовательных речевых актов, объединенных общей целью и предполагающих выбор в каждый конкретный момент времени [ван Дейк 1989].

Основным инструментом фиксации стратегий обращения к исламской риторике выбран качественный контент-анализ. Указанный метод, являясь частью интерпретативной исследовательской парадигмы, позволяет провести системное изучение содержания текстов выступлений и акцентировать внимание на используемых ас-Сиси смысловых и тематических паттернах коммуникации с гражданами [Krippendorff 2019]. Кроме того, он способствует преодолению количественного ограничения в используемых материалах и открывает возможность сконцентрироваться на глубоком изучении отдельных случаев.

Эмпирической базой исследования выступают тексты обращений президента Египта к нации в период с 2014 по 2023 г.; конкретными временными рамками

стали инаугурационная речь Сиси в 2014 г. и его выступление после объявления результатов президентских выборов в декабре 2023 г.⁶ На следующем этапе отобраны те из них, которые посвящены различным аспектам политической ситуации в стране в преддверии значимых для египтян символических дат и событий. Подобный выбор обусловлен тем, что моменты гражданского единения формируют необходимый контекст для эффективного применения стратегий политической легитимации и консолидации.

Выбранные тексты классифицированы по тематическим и хронологическим критериям. Первый этап предполагал отнесение выступлений к собственно религиозным (мусульманским) и национальным праздникам. Значимыми для президента национальными событиями выступают Революция 30 июня 2013 г., Революция 23 июля 1952 г., День освобождения Синая, День труда, День вооруженных сил Египта и День женщины; религиозными — Ночь предопределения⁷, День рождения Пророка Мухаммада и Разговение в период поста (*Ифтар*). На втором этапе тексты, посвященные одному событию, сгруппированы по хронологическому признаку для отслеживания и фиксации возможных изменений. Таким способом были получены два корпуса текстов религиозной (исламской) и национально-гражданской тематической направленности, что позволило перейти к выделению техник (категорий) политической легитимации с целью их углубленного анализа и определения в них исламских референтов (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика текстов выступлений А.Ф. ас-Сиси, 2014–2023 гг.

Единицы анализа	Количество
Общее количество текстов	243
Посвящены политической ситуации в Египте	
Общее количество текстов	49
Национально-гражданские праздники	30
Религиозные праздники и события	19

Источник: составлено автором на основе данных сайта президента АРЕ. URL: <https://www.presidency.eg/AR> (accessed: 29.12.2023).

Table 1

Descriptive statistics of speeches by A.F. Al-Sisi, 2014–2023

Units of analysis	N
Total number of texts	243
Dedicated to the political situation in Egypt	
Total number of texts	49
National and civil holidays	30
Religious events	19

Source: compiled by the author based on data from the official website of the President of Egypt. Retrieved December 29, 2023, from <https://www.presidency.eg/AR>

⁶ Тексты на арабском языке были взяты с официального сайта президента АРЕ.

⁷ Ночь месяца Рамадан, связанная с ниспосланием первых сур Корана Пророку Мухаммаду.

Процедура исследования

Полученный массив данных структурирован в соответствии с предварительно сформулированными четырьмя техниками легитимации (табл. 2): 1) мобилизация населения в поддержку властей; 2) консолидация населения вокруг формируемых властями общих ценностей; 3) конструирование образа общего прошлого; 4) конструирование образа общего будущего [Van Leeuwen 2007; Reyes 2011].

Основой тематического структурирования текста в соответствии с выделенными техниками легитимации являются поиск и последующая фиксация прототипических конструкций высказывания, т. е. их семантических центров. Они могут быть выражены грамматически или лексически посредством глагольных лексем, слов-маркеров и/или различных типов предикатов [Givon 1986: 77–102].

Таблица 2

Тематическое структурирование корпуса текстов

Техника легитимации (категории)	Индикаторы	Примеры
Мобилизация	Побудительная модальность; глагольные/безглагольные лозунговые (призывные) конструкции. Интенция высказываний — движение	«Найдем верный путь!», «Я подтверждаю... нам надо обогнать время!», «Сохраним память о наших мучениках!», «И я говорю: давайте обеспечим безопасность Родины!»
Консолидация	Выделение общих признаков группы и очерчивание границ (<i>мы, народ, нация, египтяне, все, единое общество, солидарность, ценности и др.</i>); конструирование образа «другого» (<i>они, некоторые, недруги, враги, желающие зла, подрывающие</i>). Интенция высказываний — единство	«Мы едины и стойки перед лицом зла...», «Мы опираемся на стойкость египетского народа», «Волны [проклятого альянса зла и разрушения] столкнулись со скалами непоколебимой воли нашего народа», «Египет для египтян...»
Конструирование прошлого	Выделение значимых исторических событий (<i>прямое указание, передача события положительных характеристик, героизация</i>); актуализация и присвоение прошлого (<i>перенос характеристик настоящего на прошлое, параллелизм</i>). Интенция высказываний — общность судьбы	«Это [революция 30 июля] является бессмертным и светящимся воспоминанием в истории народа...», «В тот период народ сам написал свою судьбу...», «Герои были... на протяжении нашей великой истории...»
Конструирование будущего	Формулировка планов, программ развития, обозначение надежды и устремлений (<i>глагольные формы и лексические конструкции будущего времени, выражающие необходимость реализации потенциала, модальность вероятности и долженствования</i>). Интенция высказываний — целеполагание	«Мы на пути к будущему... где граждане несут ответственность за развитие нашей Родины», «Будущее будет лучше, для наших детей и поколений...», «Наше общее будущее заключено в достойной жизни»

Источник: составлено автором.

Table 2

Thematic structuring of texts

Legitimation techniques (categories)	Indicators	Examples
Mobilization	Deontic modality, verbal or non-verbal constructions, slogans. The intension of the statements is movement	“Let’s find the right way!”, “I affirm you... we need to outrun time!”, “Let’s preserve the memory of our martyrs!”, “And I say: let’s ensure the security of the Motherland!”
Consolidation	Highlighting the common features of the social group and delineating boundaries (<i>we, people, nation, Egyptians, all, unified society, solidarity, values, etc.</i>); constructing an image of the «Other» (<i>they, some, foes, enemies, someone who is wishing harm</i>). The intension of the statements is unity	“We are united and steadfast in the face of evil...”, “We rely on the steadfastness of the Egyptian people”, “The waves [of the accursed alliance of evil and destruction] have collided with the rocks of the unshakable will of our people”, “Egypt is for Egyptians...”
Constructing the past	Highlighting significant historical events (<i>direct reference, transfer of positive characteristics to the event, heroization</i>); actualization and appropriation of the past (<i>transfer of characteristics of the present to the past, parallelism</i>). The intension of the statements is the commonality of fate	“It [the July 30 Revolution] is an immortal and glowing memory in the history of the people...”, “In that period, the people themselves wrote their own destiny...”, “there were heroes... throughout our great history...”
Constructing the future	Formulation of plans, development programs, designation of hopes and aspirations (<i>verb forms and lexical constructions of the future tense expressing the necessity of potential realization, modality of probability and oughtness</i>). The intension of the statements is goal setting	“We are on the way to the future... where citizens are responsible for the development of our Motherland”, “The future will be better, for our children and generations...”, “Our common future lies in a decent life”

Source: compiled by the author.

На завершающем этапе исследования в каждом блоке массива данных, сгруппированного в соответствии с техниками легитимации, выделены риторические приемы обращения к исламской доктрине (табл. 3).

Таблица 3

Способы обращения к исламской доктрине

Способы	Индикаторы	Примеры
Прямое цитирование Корана и Сунны	«...»	«Не произнесет он и единого слова, иначе как у него — готовый надсмотрщик»
Коранические формулы высказывания (гоноративы) и слова-маркеры	Аллах, Мухаммад (Печать пророков), Коран (Святая Книга), Умма, Шариат, Ислам, мусульманин; различные формы Салавата	«Это день, когда ниспосланный [Аллахом] Коран обнаружил себя [Мухаммадом] и осветил нам путь к безопасности, стабильности, миру, милосердию, просвещению и провидению...»
Указание на религиозные места или значимые для коранической истории события	Синай, Ночь предопределения, рай, Сад, место [подвигов] Пророков	«Мы отмечаем освобождение Синая, колыбели Божественных откровений и пути Пророков. Это священная земля нашей Родины, которая испускает святой свет по благословию и милости Аллаха. Этот свет — свидетельство ее значимости, ценности и достоинства»

Источник: составлено автором.

Techniques of referring to Islamic doctrine

Techniques	Indicators	Examples
Direct quotation of the Qur'an and Sunnah	«...»	“Man does not utter any word except that with him is an observer prepared [to record]”
Qur'anic formulae of utterance and marker words	Allah, Muhammad (seal of the prophets), Qur'an (The Holy Book), Ummah, Shariah, Islam, Muslim; various forms of salawat	“This is the day when the Qur'an sent down [by Allah] revealed itself [by Muhammad] and illuminated to us the path to security, stability, peace, mercy, enlightenment and providence...”
Pointing to religious places or significant events in Qur'anic history	Mount Sinai, Night of Al-Gadr, Paradise, the Garden, the place of the Prophets' deeds	“We celebrate the liberation of Sinai, the cradle of Divine revelations and the path of the Prophets. This is the sacred land of our homeland, which emits a holy light by the blessing and favor of Allah. This light is a testimony to its significance, value and dignity”

Source: compiled by the author.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет уточнить и развить выдвинутую гипотезу о том, что современный политический режим АРЕ обращается к исламу для восполнения дефицита легитимности и конструирования соответствующей государственным интересам национально-гражданской общности. Действительно, в выступлениях ас-Сиси стремится сформулировать религиозно-исторический (коранический) контекст, в который помещает проекцию современного государства, при этом каждая из техник легитимации имеет разную смысловую значимость в его политическом дискурсе (табл. 4).

Таблица 4

Тематическое распределение отдельных смысловых блоков речей президента Египта

Техника легитимации (категории)	Количество смысловых блоков	Доля (в процентах)
Мобилизация	23	11
Консолидация	74	37
Конструирование прошлого	56	28
Конструирование будущего	48	23

Источник: составлено автором.

Table 4

Thematic distribution of separate semantic blocks of the Egyptian president's speeches

Legitimation techniques (categories)	Semantic Blocks (N)	Percentage
Mobilization	23	11
Consolidation	74	37
Constructing the Past	56	28
Constructing the Future	48	23

Source: compiled by the author.

Общей характеристикой анализируемых речей является их формальное обрамление религиозным обращением и благодарностью к Всевышнему («*Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...*»). Кроме того, со второй каденции президента ас-Сиси фиксируется последовательное увеличение количества выступлений в исламских религиозных учреждениях, случаев его присутствия на исламских праздниках и упоминаний значимых для мусульман религиозных событий в речах, посвященных важным национальным событиям.

Несмотря на отмеченные выше общие тенденции, детальный анализ свидетельствует о том, что частота обращения президента АРЕ к исламу различается в зависимости от используемой им техники легитимации (табл. 5). В частности, вопреки ожиданиям, в ходе конструирования образа общего прошлого ас-Сиси практически не апеллирует к исламским нормам и ценностям. В посвященных прошлому сегментах отсутствует прямое цитирование Корана и Сунны, а использование религиозной лексики имеет крайне ограниченный характер. Аналогично количественно незначительную долю исламский компонент составляет в моменты призыва президента к мобилизации египтян: чаще всего встречается религиозно маркированная лексика.

Пример 1. Религиозно маркированная лексика в технике мобилизации:

«Сегодня, **во имя Всевышнего**, я говорю: Взгляд истории обращен на вас... *О, сыны великого Египта*, так пишете же вы новую славную историю нашего народа, защитите благородный статус страны и бессмертное имя Египта! ...*Обратите* ваши искренние устремления к **Аллаху**, Родине и согражданам!»⁸.

Наибольшее количество обращений к исламской доктрине отмечается в моменты формирования президентом образа будущего и призывов к консолидации на основе разделяемых гражданами страны ценностей. В отобранных частях выступлений фиксируются разнообразные риторические приемы, которые в той или иной форме отсылают к исламским нормам и ценностям. При этом исламские референты имеют исключительно положительную коннотацию и используются во всех техниках легитимации для повышения значимости и усиления эмоциональной составляющей выступлений.

Пример 2. Религиозно маркированная лексика в технике конструирования общего будущего:

«Этот тот **путь**, которым *мы пойдём* [в будущее], **веруя в Аллаха**, способности и потенциал нашего великого народа... Та **вера**, с которой наш народ обращается к **Всевышнему**, никогда не будет отвергнута **Им** <...>, а тем, кто будет лучший в делах, *воздастся по заслугам*, и этой наградой не будет ничего, кроме блага»⁹.

⁸ Кялима ар-раис Абдель Фаттах ас-Сиси фи ан-надва ат-таскифия би мунасабат аз-зикра ат-тасиа' валь-арба'ын ли-наср харб уктубир аль-маджида (Выступление президента Абдель Фаттаха ас-Сиси на образовательном семинаре по случаю 49-й годовщины победы в Октябрьской войне; President al-Sisi's speech at the cultural symposium, marking October war victory). URL: <https://clck.ru/38QtuH> (дата обращения: 01.12.2023). (на араб. яз.).

⁹ Кялима ар-раис Абдель Фаттах ас-Сиси би мунасабат аль-ихтифаль би лейлат аль-кадр (Выступление президента Абдель Фаттаха ас-Сиси по случаю празднования Ночи предопределения; Speech by President al-Sisi during the celebration of Laylat al-Qadr). URL: <https://clck.ru/38QuXX> (дата обращения: 01.12.2023). (на араб. яз.).

Частота обращений президента Египта к исламу

Техника легитимации (категории)	Обращения к исламу	Доля (в процентах)
Мобилизация	12	11
Консолидация	49	45
Конструирование прошлого	7	6
Конструирование будущего	41	38

Источник: составлено автором.

Table 5

Frequency of the Egyptian president's references to Islam

Legitimation techniques (categories)	References to Islam (N)	Percentage
Mobilization	12	11
Consolidation	49	45
Constructing the past	7	6
Constructing the future	41	38

Source: compiled by the author.

Представляется важным отметить общий способ апеллирования к исламу, который особенно отчетливо прослеживается в используемых ас-Сиси техниках консолидации и конструирования общего будущего (табл. 6). Ключевыми единицами в указанных сегментах текста являются лексические пары из религиозного и условно светского (национально-гражданского) контекстов: нация (народ, общество, египтяне) — умма; государство (Египет, Родина) — исламский мир; гражданин — мусульманин. Указанные пары подвергаются частичному отождествлению путем выделения у этих терминов общих характеристик (атрибутов) и взаимного переноса качеств; также выстраиваются аллюзии, отсылающие к религиозно-историческим событиям. Этот инструментарий нацелен на сближение указанных понятий путем выражения одного через характеристики другого и (пере)определения их значений.

Таблица 6

Общий способ апеллирования к исламу в техниках консолидации и построения будущего

«Светское» понятие	Общие характеристики	Кораническое понятие
Нация (<i>sha'b, qaum, jma</i>)	Благородный (<i>karim</i>), великий (<i>azim</i>), любимый (<i>aziz</i>), благословенный (<i>mubarak</i>), верный (<i>muhlis</i>), усердный (<i>mujtahid</i>), святой (<i>muqaddas</i>), добродетельный (<i>tahir</i>)	Умма, исламский мир (<i>umma, ahl, dunya</i>)
Государство/Египет (<i>masr, daulya, watan</i>)		
Гражданин/Египтянин (<i>muwatin, masriy</i>)		Мусульманин/верующий (<i>muslim, mu'min</i>)

Источник: составлено автором.

Means of appealing to Islam in consolidation and future building techniques

«Secular» Concept	Common Description	Qur'anic Concept
Nation (<i>sha'b, qaum, jmE</i>)		
State/Egypt (<i>masr, daulya, watan</i>)	Noble (<i>karim</i>), great (<i>azim</i>), beloved (<i>aziz</i>), blessed (<i>mubarak</i>), faithful (<i>muhlis</i>), diligent (<i>mujtahid</i>), holy (<i>muqaddas</i>), pure (<i>tahir</i>)	Ummah, Islamic world (<i>umma, ahl, dunya</i>)
Citizen/Egyptian (<i>muwatin, masriy</i>)		Citizen/Egyptian (<i>muslim, mu'min</i>)

Source: compiled by the author.

Процесс отождествления понятий в речах президента имеет различные проявления в зависимости от используемой техники легитимации. В те моменты, когда ас-Сиси стремится консолидировать граждан, он делает акцент на общих качествах, характерных как для уммы и правоверного мусульманина, так и для государства и его граждан. В процессе конструирования общего прошлого «светские» и исламские понятия могут использоваться в качестве контекстуальных синонимов, а сама речь помещается в религиозный контекст путем ее «обрамления» кораническими понятиями.

Обсуждение результатов и заключение

Полученные результаты в целом подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что современный политический режим АРЕ обращается к исламу для восполнения дефицита легитимности. Одновременно они позволяют выделить ряд существенных нюансов, которые требуют дополнительных исследований.

Представляется удивительным, что в речах ас-Сиси практически отсутствует использование исламской риторики в тех сегментах текста, которые посвящены конструированию общего прошлого. Одна из возможных интерпретаций заключается в том, что в коллективной памяти прошлое продолжает определяться сквозь призму противостояния властей и «Братьев-мусульман»¹⁰, одной из кульминаций которого стало смещение демократически избранного президента Мурси. По этой причине прямые обращения нынешнего главы АРЕ к исламским нормам позволили бы провести параллель между ним и Мурси и оживить воспоминания о военном перевороте; то обстоятельство, упоминания которого ас-Сиси хотел бы избежать. Эта ситуация заставляет нынешнего главу государства делать упор на консолидирующий потенциал ислама путем актуализации в политическом дискурсе общих ценностей.

¹⁰ *Организация «Братья-мусульмане» признана террористической и запрещена в РФ.

Напротив, значительное место ислам занимает в ходе конструирования президентом общего будущего. Отчасти это объясняется тем, что в условиях практического отсутствия ожидаемых большинством электората проектов социального развития ему ничего не остается, как использовать элементы большого религиозного нарратива в качестве универсального инструмента целеполагания. В данном контексте исламские ценности, которым придается внеисторический характер, становятся универсальными ориентирами и очерчивают пространство для обсуждения (либо прагматического создания) разнообразных проектов будущего.

Пример 3. Исламские ценности как универсальный ориентир развития:

«...Я призываю вас вместе энергично продолжать *строить будущее этой страны*, учитывая просвещенное понимание целей, величия и милосердия **религии**, а также ее акцента на необходимости *упорного труда, сотрудничества, сострадания и национальной солидарности*. Так давайте же позволим этому **священному месяцу** [Рамадан] вдохновлять общий дух искренности и наблюдательность **Аллаха, Могущевого и Милосердного**, во всех наших действиях и начинаниях...»¹¹.

Отдельного внимания требует выявленная в ходе исследования общая логика, апеллирования к исламу в техниках консолидации и конструирования общего будущего. Процесс частичного отождествления условно светских и коранических понятий может быть рассмотрен с использованием теории концептуальной метафоры и метафорического переноса [Lakoff, Johnson 2011]. В данном случае механика отождествления и взаимного переноса отдельных атрибутов основывается на структурном подобии характеризующих явлений — идеологии национального государства и аутентичной исламской идеи.

Пример 4. Частичный перенос характеристик коранических и условно светских понятий путем помещения их в общий религиозный контекст:

«В эту **благословенную ночь**, когда **Всемогущий Аллах** ниспослал **Коран** — руководство и ясные критерии для нашего народа — я призываю использовать вдохновения этого **священного месяца** для того, чтобы объединить *моральные устои и ценности гуманизма* для того, чтобы жить в соответствии с **волей Аллаха** — быть **нацией** ценностей и моральных устоев»¹².

Кроме того, значимым сопутствующим итогом работы является установление того обстоятельства, что в речах президента АРЕ незначительное место занимают сегменты текста, посвященные мобилизации. Одно из возможных объяснений — акцент ас-Сиси на деполитизацию электората, особенно в преддверии всеобщих выборов.

¹¹ Кялима ар-раис Абдель Фаттах ас-Сиси би мунасабат аль-ихтифаль би лейлат аль-кадр (Выступление президента Абдель Фаттаха ас-Сиси по случаю празднования Ночи предопределения; Speech by President al-Sisi during the celebration of Laylat al-Qadr). URL: <https://clck.ru/38QuXX> (дата обращения: 01.12.2023). (на араб. яз.).

¹² Там же.

Другой подход к объяснению результатов может заключаться в анализе использования языка ислама в контексте социальной структуры общества (городское и сельское население, уровень образования, соблюдение религиозных предписаний, количество студентов религиозных учебных заведений и т.д.). В этом случае можно предположить, что многозначность исламского текста позволяет властям совмещать в политической коммуникации различные ценности — как патриархальные, так и эмансипативные — и тем самым смягчать социальные расколы.

Очевидно, что тема религиозной легитимации современного египетского режима не может быть полностью раскрыта в настоящей статье. Для более убедительного подтверждения результатов требуется расширение корпуса текстов и использование дополнительных методов анализа. Кроме того, для прогнозирования траектории политического развития Египта актуальным представляется изучение взаимодействия властей с силами политического ислама, в том числе оценки возможности корректировки официальной позиции по отношению к «Братьям-мусульманам»^{*13}. Как показывает исследование автором случая Марокко, на этом пути могут быть найдены различные политические комбинации [Козинцев 2020].

Представляется, однако, что проведенное исследование приближает читателя к пониманию особенностей процесса легитимации как египетского, так и подобных ему арабских режимов в сложных условиях современного развития. Правящая элита, несмотря на заявляемый разрыв с политическим исламом и «лихими временами Мурси», широко использует исламские символы и ценности в целях конструирования «новой» национально-гражданской общности. Это достигается путем использования различных техник легитимации (мобилизация, консолидация, конструирование общего прошлого, конструирование общего будущего). Наиболее активно апелляция к исламским нормам и ценностям осуществляется в сегментах текстов, посвященных национальной консолидации и конструированию общего будущего.

Поступила в редакцию / Received: 04.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Аликберов А.К. Роль коммуникации в религиозной метаморфозе инаковости: исторический аспект // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. № 12 (2). С. 364–372. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-364-372>
- Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

¹³ *Организация «Братья-мусульмане» признана террористической и запрещена в РФ.

- Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Козинцев А.С. Институционализация исламской Партии справедливости и развития как этап национально-государственного строительства в Марокко // *Политическая наука*. 2020. № 1. С. 258–280. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.10>
- Кудряшова И.В. Арабское государство до и после «арабской весны» // *Перспективы. Электронный журнал*. 2015. № 3. С. 38–62.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Попутчики поневоле: исламские партии и арабское национальное государство в свете теории размежеваний // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 50–69. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.05>
- Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012.
- Харитоновна О.Г. Типологии политических режимов в борьбе за смыслы арабской режимной динамики // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 3. С. 48–66. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-48-66>
- Givon T. Prototype: Between Plato and Wittgenstein // *Noun classes and categorization* / ed. by C. Craig. Amsterdam, 1986.
- Hanieh A. Beyond Authoritarianism: Rethinking Egypt's 'Long Revolution' // *Development and Change*. 2016. Vol. 47, no. 5. P. 1171–1179.
- Heydemann S., Leenders R. Authoritarian Learning and Authoritarian Resilience: Regime Responses to the 'Arab Awakening' // *Globalizations*. 2011. Vol. 8, no. 5. P. 647–653. <https://doi.org/10.1080/14747731.2011.621274>
- Krippendorff K. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. SAGE Publications, Inc., 2019.
- Joya A. The military and the state in Egypt: class formation in the post-Arab uprisings // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2020. Vol. 47, no. 5. P. 681–701. <https://doi.org/10.1080/13530194.2018.1509692>
- Joffé G. Authoritarian resilience and the absence of democratic transition: the implications of 2011 // *Journal of Islamic Studies*. 2021. Vol. 33, no. 1. P. 72–94. <https://doi.org/10.1093/jis/etab051>
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by: with a new afterword*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
- Luhmann N. The Theory of Social Systems and Its Epistemology: Reply to Danilo Zolo's Critical Comments // *Philosophy of the Social Sciences*. 1986. Vol. 16, no. 1. P. 129–134. <https://doi.org/10.1177/004839318601600110>
- Mako Sh., Moghadam V.M. *After the Arab Uprisings: Progress and Stagnation in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Omelicheva M.Y. Islam and power legitimization: instrumentalisation of religion in Central Asian States // *Contemporary Politics*. 2016. Vol. 22, no. 2. P. 144–163. <https://doi.org/10.1080/13569775.2016.1153287>
- Pace E. *Religion as Communication: God's Talk*. 1st ed. Routledge, 2011.
- Reyes A. Strategies of legitimization in political discourse: From words to actions // *Discourse & Society*. 2011. Vol. 22, no. 6. P. 781–807. <https://doi.org/10.1177/0957926511419927>
- Sedgwick M. Measuring Egyptian Regime Legitimacy // *Middle East Critique*. 2010. Vol. 19, no. 3. P. 251–267. <https://doi.org/10.1080/19436149.2010.514474>
- Van Leeuwen T. Legitimation in discourse and communication // *Discourse & Communication*. 2007. Vol. 1, no. 1. P. 91–112. <https://doi.org/10.1177/17504813070719864>
- Yefet B., Lavie L. Legitimation in post-revolutionary Egypt: Al-Sisi and the renewal of authoritarianism // *Digest of Middle East Studies*. 2021. Vol. 30, no. 3. P. 170–185. <https://doi.org/10.1111/dome.12244>

References

- Alikberov, A.K. (2019). Changing values of the category “Other” in religious spheres. A phenomenon of communication as seen from historical prospective. *Minbar. Islamic Studies*, 12(2), 364–372. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-364-372>
- Berger, P.L. (2011). *The Sacred Canopy: Elements of a sociological theory of religion*. Open Road Media. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=WcC-AYOq6Q4C>
- Dijk, T.A. van. (1989). *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Givon, T. (1986). Prototype: Between Plato and Wittgenstein. In C. Craig (Ed.), *Noun classes and categorization* (pp. 381–400). Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Hanieh, A. (2016). Beyond authoritarianism: Rethinking Egypt’s ‘Long Revolution’. *Development and Change*, 47(5), 1171–1179.
- Heydemann, S., & Leenders, R. (2011). Authoritarian Learning and Authoritarian Resilience: Regime Responses to the ‘Arab Awakening’. *Globalizations*, 8(5), 647–653. <https://doi.org/10.1080/14747731.2011.621274>
- Joya, A. (2020). The military and the state in Egypt: Class formation in the post-Arab uprisings. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 47(5), 681–701. <https://doi.org/10.1080/13530194.2018.1509692>
- Joffé, G. (2021). Authoritarian resilience and the absence of democratic transition: The implications of 2011. *Journal of Islamic Studies*, 33(1), 72–94. <https://doi.org/10.1093/jis/etab051>
- Kharitonova, O.G. (2022). Typologies of political regimes in the struggle for meanings within Arab regime dynamics. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 23(3), 48–66. (In Russian). <https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-48-66>
- Kozintsev, A.S. (2020). Institutionalization of Islamist parties in the process of nation-building: The case of the Moroccan party of justice and development. *Political science (RU)*, 1, 258–280. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.10>.
- Krippendorff, K. (2019). *Content analysis: An introduction to its methodology*. Los Angeles: SAGE Publications, Inc.
- Kudryashova, I.V. (2015). Arab nation-state before and after ‘Arab Spring’. *Perspektivy. Elektronnyj zhurnal*, 3, 38–62. (In Russian).
- Kudryashova, I.V., & Kozintsev, A.S. (2023). Revisiting cleavage structures: Islamic parties and nation-state formation in the Arab world. *Polis. Political Studies*, 3, 50–69. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.05>
- Lakoff, G., & Johnson, M. (2011). *Metaphors we live by: With a new afterword*. University of Chicago Press.
- Luhmann, N. (1986). The theory of social systems and its epistemology: Reply to Danilo Zolo’s critical comments. *Philosophy of the Social Sciences*, 16(1), 129–134. <https://doi.org/10.1177/004839318601600110>
- Mako, S., & Moghadam, V.M. (2021). *After the Arab uprisings: Progress and stagnation in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Semenenko, I. (Ed.). (2012). *Political Identity and Identity Politics*, Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Omeliicheva, M.Y. (2016). Islam and power legitimation: Instrumentalization of religion in Central Asian States. *Contemporary Politics*, 22(2), 144–163. <https://doi.org/10.1080/13569775.2016.1153287>
- Pace, E. (2011). *Religion as communication: God’s Talk* (1st ed.). New York: Routledge.
- Reyes, A. (2011). Strategies of legitimization in political discourse: From words to actions. *Discourse & Society*, 22(6), 781–807. <https://doi.org/10.1177/0957926511419927>
- Sedgwick, M. (2010). Measuring Egyptian regime legitimacy. *Middle East Critique*, 19(3), 251–267. <https://doi.org/10.1080/19436149.2010.514474>

Van Leeuwen, T. (2007). Legitimation in discourse and communication. *Discourse & Communication*, 1(1), 91–112. <https://doi.org/10.1177/17504813070719864>

Yefet, B., & Lavie, L. (2021). Legitimation in post-revolutionary Egypt: Al-Sisi and the renewal of authoritarianism. *Digest of Middle East Studies*, 30(3), 170–185. <https://doi.org/10.1111/dome.12244>

Сведения об авторе:

Козинцев Александр Сергеевич — соискатель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России (e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0001-8037-1466) (SPIN-код: 4133-4085)

About the author:

Alexander S. Kozintsev — PhD Candidate, Comparative Politics Department, MGIMO University (e-mail: kozintsev.a.s@my.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0001-8037-1466) (SPIN-code: 4133-4085)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120
EDN: OVKQAW

Научная статья / Research article

Стратегическое оборонное партнерство России, Китая и Северной Кореи

А.С. Науменко¹ , С.Д. Салтанов ²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

 naumenko-as@rudn.ru

Аннотация. В условиях обострения глобального геополитического противостояния особое значение приобретают отношения в сфере безопасности в рамках треугольника Россия — Китай — Северная Корея. Целью исследования является анализ текущего состояния, а также перспектив стратегического оборонного партнерства России, Китая и Северной Кореи. В исследовании авторами были использованы системный подход, метод ситуационного анализа, сравнительный метод, метод анализа текущей ситуации, а также метод сценарного прогнозирования. Авторы проанализировали отношения России и Китая в военной сфере, российско-северокорейские отношения в сфере безопасности, а также место Китая и Северной Кореи в обеспечении стабильности в регионе. Делается вывод о том, что в современных условиях нарастания напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), прежде всего на Тайваньском острове и Корейском полуострове, данные страны будут сближаться, прежде всего в противовес треугольнику США — Япония — Южная Корея, часто называемому «Азиатское НАТО». На наш взгляд, отношения России, Китая и Северной Кореи не приобретут вид полноценного военного союза, но усилия по военно-техническому сотрудничеству и возможности поддержки друг друга в случае угрозы безопасности одной из стран треугольника будут углубляться.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, треугольник, Россия, Китай, Северная Корея, Азиатское НАТО

Для цитирования: Науменко А.С., Салтанов С.Д. Стратегическое оборонное партнерство России, Китая и Северной Кореи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 107–120. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120>

© Науменко А.С., Салтанов С.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russia, China, and North Korea Strategic Defense Partnership

Alina S. Naumenko¹ , Stanislav D. Saltanov²

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation*

 naumenko-as@rudn.ru

Abstract. Due to the aggravation of the global geopolitical confrontation, the relations in the sphere of security issues within the framework of the Russia — China — North Korea triangle get particular importance. The purpose of the study is to analyze the current state and prospects of the strategic defense partnership between Russia, China, and North Korea. The authors used the following methods: a system approach, a method of situational analysis, a comparative method, a method of analyzing the current situation, as well as a method of scenario forecasting. The authors analyzed the relations between Russia and China in the military sphere, Russian-North Korean relations in the security sphere, as well as the role of China and North Korea in ensuring stability in the region. It is concluded that in the current conditions of rising tensions in the Asia-Pacific region, primarily on the island of Taiwan and the Korean peninsula, these countries will converge, first, against the triangle USA — Japan — South Korea, often called “Asian NATO”. To conclude, the relations between Russia, China and North Korea will not take the form of a full-fledged military alliance. It is expected that the efforts of military-technical cooperation and the possibility of mutual support in the event of a security threat to one of the countries will be deepened.

Keywords: strategic partnership, triangle, Russia, China, North Korea, Asian NATO

For citation: Naumenko, A.S., & Saltanov, S.D. (2024). Russia, China, and North Korea strategic defense partnership. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 107–120. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120>

Введение

На современном этапе международных отношений вопросы безопасности, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), являются значимыми и актуальными. Подтверждением этому является конфликт в Тайване, который в последнее время связывают со специальной военной операцией в Украине. Помимо этого, в регионе есть Корейская проблема. Следует указать, что Китай отреагировал нейтрально на начало СВО, а Северная Корея, напротив, признала новые территории в составе России.

Вопросы, связанные с обеспечением безопасности, являются одними из основных в современных международных отношениях. Специальная военная операция России в Украине (в контексте противостояния России странам коллективного Запада), а также угроза применения силы Китаем в отношении Тайваня (в случае вмешательства внешних сил в процесс мирного объединения двух стран) являются одними из важнейших проблем международной безопасности. Рассматривая данную проблематику, Б. Бузаном и О. Вэвером была создана «теория баланса сил» [Buzan, Waever 2003: 153], продолжением которой

стала «теория баланса угроз» С. Уолта [Walt 1987a; Walt 1987b]. «Теория баланса сил» является фактором формирования альянсов, а также данная концепция создает базовый контекст и характеризует конфигурацию распределения силы между крупными акторами международных отношений. «Теория баланса угроз» делает акцент на проблемы восприятия внешней угрозы потенциальными союзниками. В свою очередь, «внешние угрозы, а не просто структурное распределение мощи являются главной движущей силой стратегических союзов» [Walt 1987b].

В ходе данного исследования мы ставим цель — выяснить, чем же являются отношения России, Китая и Северной Кореи? В русской и зарубежной литературе нет единого определения «межгосударственного союза». Ряд авторов выделяют «формальный альянс» наравне с «неформальным союзом» [Королев 2019; Walt 1987b]; другие считают, что определения «союз», «объединение», «коалиция» являются взаимозаменяемыми [Ward 1982]. По мнению доцента факультета социальных наук Университета Нового Южного Уэльса (г. Сидней, Австралия) А.Н. Королёва, перспективным является «расширительное» понимание стратегического союза, имеющего в виду военно-политическое взаимодействие [Королёв 2021].

На современном этапе международных отношений АТР стал одним из центров геополитической и военно-стратегической напряженности, вызванной несколькими факторами. В АТР существует значительное количество угроз, взаимосвязанных между собой.

Во-первых, регион традиционно является «горячей точкой» мировой политики. Застарелые конфликты, в виде противостояния между Северной и Южной Кореей, проблемы вокруг Тайваня (а также сравнение проблемы с конфликтом в Украине) и территориальные споры в Южно-Китайском море могут приобрести новый характер или перерасти в военный конфликт.

Во-вторых, проводимые военные учения в регионе усиливают напряженность между странами¹.

В-третьих, создание в регионе новых военных блоков или их прообразов является фактором, усиливающим напряженность. Усугубляющиеся противоречия между США, Японией и Южной Кореей, с одной стороны, и Россией, Китаем, Северной Кореей — с другой заставляют страны сближаться и искать новые подходы и способы для обеспечения своей безопасности и продвижения своей политики в регионе. Следует указать, что треугольник США — Япония — Южная Корея начал активизироваться с приходом администрации Дж. Байдена. Он был создан с целью координации общих действий, а также для сплочения региональных союзников перед «общими угрозами»².

¹ США, Япония и Южная Корея договорились ежегодно проводить совместные военные учения // RT на русском. 18.08.2023. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1190319-ssha-koreya-ucheniya> (дата обращения: 04.11.2023).

² Гурьева Е.В. США-Япония-Южная Корея: «азиатское НАТО» или хрупкий треугольник? // РСМД. 19.12.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/snofmo/sshayaponiyayuzhnaya-koreya-aziatskoe-nato-ili-khrupkiy-treugolnik/> (дата обращения: 26.12.2023).

По мнению ряда аналитиков, военные учения, проводимые в АТР США и их союзниками, направлены на сдерживание Китая, России и КНДР. При этом заявления о том, что наращивание военного присутствия осуществляется для безопасности судоходства и стабильности в регионе, носят весьма спорный характер. Как отметил руководитель Центра японских исследований Института Китая и современной Азии РАН В. Кистанов, «если посмотреть, например, документы военно-доктринального характера Японии, то там РФ, КНР и КНДР фактически обозначены как потенциальные противники»³. Поэтому действия США в регионе вызывают отрицательную реакцию у государств, чьи интересы затрагивает проводимая политика Вашингтона. Это вынуждает их применять меры противодействия, что не может не сказаться на дальнейшей эскалации в АТР и начале новой гонки вооружений в регионе.

Отношения России и Китая в военной сфере

С момента подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем прошло уже более 20 лет. За этот период между странами было множество встреч и переговоров, подписаны договоры, сделаны совместные заявления [Науменко 2020: 108; Кашин⁴]. За 2022 г. страны впервые провели шесть совместных учений. По числу проведенных учений, а также заходов в военно-морские порты и визитов на высшем уровне Россия заняла лидирующую позицию среди прочих партнеров Китая⁵. Отметим что, Совместное заявление лидером России и Китая⁶ продемонстрировало растущее совпадение интересов обеих сторон в области безопасности. Обе страны сосредоточили внимание на угрозе, которую представляют США и НАТО для международной безопасности⁷.

Российско-китайские отношения, прежде всего в торгово-экономической сфере, развиваются постепенно (к примеру, за период 2014–2018 гг. Россия получила «крупные китайские инвестиции») [Лагутина, Лапенко 2023: 30]. В апреле 2023 г. президент России В.В. Путин на встрече с министром

³ Латышев А. Рост напряженности и гонка вооружений»: США, Япония и Канада проводят военные учения рядом с Курильскими островами // RT на русском. 23.08.2023. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1192042-ssha-yaponiya-ucheniya> (дата обращения: 04.11.2023).

⁴ Кашин В.Б. Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? // РСМД. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-soyuz-ili-strategicheskaya-neopredelennost/> (дата обращения: 09.09.2023).

⁵ Россия и КНР в прошлом году провели рекордное число военных учений вместе // РБК. 16.07.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2023/64b36e0e9a794765e78e4024> (дата обращения: 09.09.2023).

⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России. 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 09.09.2023).

⁷ News Release // Ministry of National Defense People's Republic of China. 2023. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/NewsRelease/index.html (accessed: 09.09.2023).

обороны Китая Ли Шанфу заявил, что российско-китайские отношения в военной сфере способствуют укреплению доверительных отношений между странами⁸. В июле 2023 г. в Японском море прошли совместные российско-китайские военно-морские учения «Север/Взаимодействие-2023»⁹, основной целью которых явилось укрепление военно-морского сотрудничества между Россией и Китаем с общей целью поддержания мира и стабильности в АТР.

На фоне сохраняющейся геополитической напряженности в мире необходимо сохранять глобальный стратегический баланс. Американские эксперты¹⁰ на фоне этого указывают на то, что российско-китайское партнерство угрожает стране не только потому, что это усложняет военное планирование США, но и потому, что это повышает вероятность того, что два грозных противника объединят свои силы, чтобы противостоять интересам Штатам и потенциально будут работать сообща, чтобы атаковать союзников США.

На фоне углубления двустороннего сотрудничества дискуссия об определении российско-китайского стратегического партнерства как союза была поднята не раз. Отметим, что отношения между двумя странами представляют собой «фактический альянс» — по сути, союз, который не был юридически оформлен как таковой [Караганов 2018]. После визита министра обороны С.К. Шойгу в июле 2023 г. в Северную Корею эксперты все более активно начали выдвигать гипотезы относительно создания полноценного военного союза между Россией, Китаем и Северной Кореей, который мог бы стать противовесом НАТО или любым другим оборонным союзам. Однако в своем интервью В.В. Путин опроверг это утверждение¹¹.

Вопрос о российско-китайском альянсе логичен, поскольку альянсы формируются, в первую очередь, для противодействия угрозам и лишь косвенно функционируют для достижения конкретных целей. Россия и Китай сталкиваются с растущим давлением со стороны США, видя это как препятствие для реализации их интересов и ключевой стратегической цели построения многополярного мирового порядка. По мнению директора Центра Китая, Восточной Азии и ШОС А.В. Лукина, Китай является более надежным партнером, чем страны Запада, поскольку он не пытается продвигать идеологическую повестку дня. И Москва действует аналогичным образом по отношению к Пекину [Lukin 2018: 150].

⁸ Russian-Chinese military cooperation helps strengthen strategic relations — Putin // TASS, Russian news agency. 16.04.2023. URL: <https://tass.com/politics/1605083> (accessed: 09.09.2023).

⁹ Россия и Китай продолжают совместные учения флота в акватории Японского моря // Министерство обороны Российской Федерации. 21.07.2023. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12473452@egNews (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁰ How advanced is Russian-Chinese military cooperation? // War on the rock. 26.07.2023. URL: <https://warontherocks.com/2023/06/29000/> (accessed: 09.09.2023).

¹¹ Путин опроверг утверждения, что сотрудничество РФ и Китая представляет угрозу для Запада // ТАСС. 26.03.2023. URL: <https://tass.ru/politika/17370957> (дата обращения: 10.09.2023).

События, которые могут подтолкнуть Пекин к союзу с Москвой, включают стратегическую конфронтацию с США и их партнерами в АТР. По мнению старшего научного сотрудника Центра перспективных американских исследований и Института международных исследований А.А. Киреевой, Пекин обеспокоен многими непредсказуемыми и рискованными шагами Москвы (например, военная операция в Сирии). Пекин планирует стать доминирующей державой на континенте, в то время как Россия хочет укрепить свои позиции в качестве центра регионального актора. Помимо критики действий США и участия в создании совместной дорожной карты по корейскому вопросу, Китай редко выражает какую-либо заинтересованность в координации с Россией по региональным вопросам [Kireeva 2022: 103].

Теоретические достижения в изучении военно-политических союзов обеспечивают убедительные основания для объяснения того, почему Россия и Китай не оформили коллективные оборонные обязательства. Эксперты отмечают, что перспективы союза между двумя странами сводятся к взвешиванию выгод и издержек юридического обеспечения взаимных гарантий, которые определяются балансом сходящихся и расходящихся оценок, характером военного потенциала, а также степени взаимозависимости между двумя сторонами.

Многие эксперты рассматривают укрепление этого партнерства как признак того, что российско-китайское сотрудничество движется в направлении того, что традиционно рассматривается как союзничество. В то же время обе страны хотят сохранить открытыми свои варианты с точки зрения возможного взаимодействия с третьими странами [Kireeva 2022: 110].

В своем анализе А. А. Киреева выявила четыре группы причин, которые мешают России и Китаю сформировать военно-политический союз в общепринятом понимании этого термина. Во-первых, страны способны обеспечить свою собственную безопасность и противостоять существующим угрозам самостоятельно. Во-вторых, российско-китайский альянс создал бы значительные риски дальнейшего обострения конфронтации с Западом и прорыва в экономическом и технологическом сотрудничестве с наиболее развитыми странами. В-третьих, культура Москвы и Пекина призывает их избегать действия, которые могли бы ограничить их автономию на международной арене. В-четвертых, и Россия, и Китай обеспокоены быть втянутыми в конфликт, которого они предпочли бы избежать.

Для России риски вступления в союз с Китаем еще более серьезны, учитывая растущую асимметрию экономических потенциалов двух стран и растущий дисбаланс экономических отношений с Китаем. Последний фактор, в частности, увеличивает опасность того, что Москва станет экономически и технологически зависимой от Пекина, если его отношения с Западом не улучшатся. Если российской экономике не удастся достичь устойчивого роста и модернизации, альянс, скорее всего, склонится в пользу Пекина. Один из самых больших рисков формирования союза с Китаем заключается в том, что Россия может быть вынуждена поддержать Китай в его конфронтации с США в Восточной Азии и будет втянута в конфликт на Южно-Китайском море.

Российско-северокорейские отношения в сфере безопасности

Северная Корея всегда была для России неоднозначным и сложным партнером. В отличие от российско-китайского сотрудничества отношения между Москвой и Пхеньяном в последние десятилетия развивались больше в торгово-экономической и гуманитарной сферах. С 2003 г., с момента выхода КНДР из Договора о нераспространении ядерного оружия, Россия была участником так называемых «шестисторонних переговоров» по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова [Салтанов 2022: 15]. Москва формально признает, что ядерный статус КНДР — уже свершившийся факт и дальнейшее давление на Северную Корею в экономическом или военном плане не принесет никаких результатов¹². В то же время Россия является ядерной державой и однозначно не заинтересована в росте количества стран, обладающих подобным оружием. Поэтому в определенные периоды Россия (так же как и Китай) была вынуждена присоединиться к санкциям против КНДР¹³.

Пхеньян выказывает полную поддержку России в вопросе проведения СВО¹⁴, о чем в своих выступлениях заявлял как сам лидер КНДР, так и ряд высокопоставленных представителей Северной Кореи¹⁵. Визит министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Пхеньян в октябре 2023 г. подтвердил готовность стран углублять сотрудничество, в том числе и оборонное¹⁶.

Следует отметить, что в последнее время уровень конфронтации между Пхеньяном и Сеулом, а также его союзниками находится в фазе обострения. Межкорейский диалог практически полностью заморожен и переговоры по ядерному статусу КНДР зашли в тупик. В связи с этим Россия обеспокоена возможностью размещения на территории Южной Кореи американской ядерной инфраструктуры. Вызывают у Москвы опасения также и прошедший в августе 2023 г. саммит в Кэмп-Дэвиде, который можно расценивать как начало формирования в АТР некой версии «Азиатского НАТО»¹⁷.

¹² Путин: в КНДР «траву будут есть», но не откажутся от ядерной программы // ТАСС. 05.09.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4532288?ysclid=lomw62vvnw0370445106> (дата обращения: 04.11.2023).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 14.10.2017 № 484 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2321 от 30 ноября 2016 г.» // Официальное опубликование правовых актов. 16.10.2017. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710160039> (дата обращения: 04.11.2023).

¹⁴ Lukin A.L. Russia and North Korea: Moving Toward Alliance 2.0? // North38. 27.09.2022. URL: <https://www.38north.org/2022/09/russia-and-north-korea-moving-toward-alliance-2-0/> (accessed: 04.11.2023).

¹⁵ Сестра Ким Чен Ына пообещала, что КНДР всегда будет «в одном окопе» с Россией // ТАСС. 28.01.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16904555?ysclid=lotox7jff676508037> (дата обращения: 04.11.2023).

¹⁶ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам визита в КНДР, Пхеньян, 19 октября 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.10.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1910193/ (дата обращения: 04.11.2023).

¹⁷ Lee Haye-ah. Full text of ‘Camp David Principles’ agreed by leaders of S. Korea, U.S., Japan // YonhapNewsAgency. 19.08.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230819000400315?section=news> (accessed: 04.11.2023).

Одновременно с этим нарастают противоречия также между Сеулом и Москвой. На фоне проведения СВО Южная Корея неоднократно заявляла о возможности увеличения поставок Украине помощи, не связанной с вооружениями. Однако в Сеуле обсуждалась возможность помощи Киеву в том числе поставками оружия и боеприпасов. Также, по некоторым данным, Южная Корея снабжает артиллерийскими снарядами Украину через третьи страны (например, США)¹⁸.

Обсуждаемая долгое время в СМИ после обмена делегациями между Северной Кореей и Россией информация о поставках из КНДР оружия и боеприпасов в РФ так и не была подтверждена. Пока в пользу этой информации говорят только заявления представителей некоторых западных стран и спутниковые фотографии в некоторых СМИ¹⁹. В то же время, по заявлению российского посла в КНДР А. Мацегоры, «КНДР не поставляет России боеприпасы, потому что сама находится в предвоенной обстановке»²⁰.

Однако необходимо учитывать, что КНДР имеет развитый Военно-промышленный комплекс (ВПК), а общее социалистическое прошлое с Россией не исключает того, что на северокорейских складах имеются боеприпасы, взаимозаменяемые с теми, что использует российская армия. Это объясняет беспокойство высокопоставленных западных чиновников о возможном военном-техническом сотрудничестве Москвы и Пхеньяна. Так, 9 ноября 2023 г. во время своего визита в Республику Корею государственный секретарь США Э. Блинкен заявил, что «США и Южная Корея разделяют глубокое беспокойство по поводу военного сотрудничества РФ и КНДР»²¹. Поэтому с большой долей вероятности и Сеул, и Вашингтон будут пытаться вбить клин между Китаем, с одной стороны, и Россией и Северной Кореей — с другой, для того, чтобы ослабить позиции последних²².

В любом случае факт использования северокорейских боеприпасов или оружия в зоне СВО будет выявлен в случае его реального использования, но на данный момент подтверждения этому нет. По крайней мере, даже гипотетическая возможность подобного развития событий должна показать Западу, что в случае

¹⁸ South Korean Artillery Supply Allows U.S. to Delay Decision on Cluster Munitions for Ukraine // *The Wall Street Journal*. 19.08.2023. URL: <https://www.wsj.com/articles/south-korean-artillery-supply-allows-u-s-to-delay-decision-on-cluster-munitions-for-ukraine-4e41c04b> (accessed: 04.11.2023).

¹⁹ North Korea may be sending arms to Russia for Ukraine war, images suggest // *The Washington Post*. 16.10.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/10/16/north-korea-russia-weapons-ukraine-war/b> (accessed: 04.11.2023).

²⁰ Посол объяснил, почему КНДР не поставляет боеприпасы России // РБК. 25.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/646f0fce9a7947407d59deae> (дата обращения: 04.11.2023).

²¹ Блинкен заявил о беспокойстве из-за военного сотрудничества России и КНДР // РИА. 09.11.2023. URL: <https://ria.ru/20231109/sotrudnichestvo-1908348892.html?ysclid=lotpfhmlbx679824897> (дата обращения: 09.11.2023).

²² Южная Корея и США намерены убедить Китай помешать «торговле оружием» РФ и КНДР // ТАСС. 11.11.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19239397?ysclid=lotqxlj9hc393820326> (дата обращения: 11.11.2023).

необходимости РФ и КНДР могут объединить свои усилия для достижения общих целей.

Таким образом, Россия и Северная Корея имеют ряд точек соприкосновения в оборонной сфере. Объединенные санкционным давлением, обе страны в дальнейшем могут наладить сотрудничество по многим вопросам в обход санкциям, по той причине, что каждая из стран последовательно выступает за неприменение в политике методов санкций и односторонних экономических рестрикций, которые они считают чрезмерными и несправедливыми, что объединяет государства в идеологическом плане, чему также способствует наличие общего «противника» в лице коллективного Запада²³. Вместе с тем Россия находится в сложном положении в вопросе определения ядерного статуса КНДР. Вряд ли Москва сможет официально принять этот статус Северной Кореи. Но при этом руководство России понимает, что Пхеньян уже не откажется от обладания ядерным оружием.

Китай и Северная Корея: обеспечение стабильности в регионе

Как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе отношения между Китаем и Северной Кореей можно охарактеризовать как отношения «вынужденной» дружбы и идеологической близости, но вместе с тем сопровождающиеся непрекращающейся напряженностью, временами обостряющейся. Формально очень близкие отношения между странами являются весьма асимметричными в пользу Китая, от которого Северная Корея находится в полной зависимости, прежде всего экономической.

Руководство КНДР опасается усугубления этого положения и боится попасть в полное подчинение КНР, что усиливает взаимное недоверие между странами. Хотя Пекин имеет значительные рычаги давления на Пхеньян, Корея все равно старается проводить максимально возможную независимую политику, пытаясь найти новых союзников в регионе.

Тем не менее Китай имеет заинтересованность в сохранении Северной Кореи как независимого государства, являющегося буфером на его границах, между самим Китаем и недружественно настроенными по отношению к Пекину США, Южной Кореей и Японией. Также КНДР играет роль полезного посредника на Корейском полуострове для использования стратегических противоречий в этом регионе в пользу Китая, поэтому можно сказать, что Пекин будет продолжать вкладываться в поддержание отношений с Северной Кореей.

Пекин заинтересован в сохранении стабильности в регионе и будет добиваться этого: во-первых, через наращивание гуманитарной и экономической помощи Пхеньяну, а также его политической поддержки; во-вторых, посредством решительной позиции в вопросе отношения с Западом; в-третьих, благодаря

²³ Представитель МИД КНДР опубликовал заявление для печати // ЦТАК. 11.11.2023. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/36f3b588e014417a4dd079252a7148c8.kcmsf> (дата обращения: 11.11.2023).

поддержанию стабильных отношений с Южной Кореей в противовес Северной, в-четвертых, в случае необходимости, используя свое влияние в СБ ООН и лавируя в вопросе введения новых экономических санкций по отношению к Северной Корее.

Сейчас основным приоритетом Китая в сфере безопасности является региональная стабильность, начиная с безопасности на своих северо-восточных границах и заканчивая соблюдением стратегического баланса сил в Северо-Восточной Азии. По этой причине КНР будет поддерживать денуклеаризацию Корейского полуострова, но лишь до тех пор, пока это будет выгодно Пекину для достижения своих геостратегических целей.

Попытки сближения КНДР с США, предпринимаемые ранее руководством Северной Кореи, потерпели полный крах. Перспективы заключения мирного договора между Пхеньяном и Вашингтоном становятся все более призрачными. У Северной Кореи не так много альтернатив в сфере безопасности в регионе. КНДР нуждается в поддержке Китая. При этом Пекин заинтересован в том, чтобы принять самое деятельное участие в формировании будущей системы безопасности на Корейском полуострове. Поэтому Китай не оставит своего «беспокойного соседа» в одиночестве, о чем речь шла еще во время первого визита руководителя КНДР в КНР в 2018 г., когда Си Цзиньпин и Ким Чен Ын заявили о том, что дружба между Пхеньяном и Пекином является «стратегическим выбором» обеих стран и останется неизменной²⁴.

С учетом развития ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи вряд ли ей понадобятся гарантии безопасности от Китая в форме прикрытия КНДР китайским ядерным «зонтиком» или же юридических обязательств по защите КНДР от нападения извне. В любом случае подобный вариант мог бы был рассмотрен в случае, если бы планы США по «полной, проверяемой и необратимой» денуклеаризации КНДР были бы реализованы²⁵. Тем более, что в истории Китай уже оказывал прямую военную поддержку Северной Корее, отправив на помощь КНДР более миллиона своих граждан во время Корейской войны (1950–1953 гг.)²⁶.

При этом вряд ли Китай рад начавшемуся сближению Москвы и Пхеньяна. Обе страны в определенной мере находятся в сфере влияния Китая, который является доминирующей силой в этом треугольнике. Безусловно, Китай настоятельно отнесся к возможности военно-технического сотрудничества России и Северной Кореи, поскольку это происходит вне его возможности влиять

²⁴ Xi Jinping, Kim Jong. Un hold talks in Beijing // Xinhuanet. 28.08.2018. URL: http://xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598.htm (accessed: 26.12.2023).

²⁵ Pompeo was grilled by reporters about North Korea's nukes. This was his testy response // The Washington Post. 13.06.2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2018/06/13/pompeo-was-grilled-by-reporters-about-north-koreas-nukes-this-was-his-testy-response/> (accessed: 26.12.2023).

²⁶ Китайские добровольцы на корейской войне // Военное обозрение. 30.07.2013. URL: <https://topwar.ru/31362-kitayskie-dobrovolcy-na-koreyskoy-voyne.html?ysclid=lqmax3kess185556677> (дата обращения: 26.12.2023).

на ситуацию. При всей своей солидарности с РФ и КНДР в вопросе противостояния Западу Китай занял позицию наблюдателя.

В создающемся треугольнике партнерства Китай — Россия — Северная Корея Пекин стремится занять роль лидера, при этом он, вполне возможно, постарается не допустить начала новой Холодной войны, так как позиционирует себя в качестве основного игрока, способствующего региональной стабильности. Своими действиями КНДР показала Китаю, что не хочет попадать в одностороннюю зависимость от Пекина и у нее есть перспективы сотрудничества с Россией, но при этом интересы всех участников треугольника во многом совпадают, поэтому вполне возможно, что Китай был заблаговременно проинформирован о визите Ким Чен Ына в Россию в сентябре 2023 г.²⁷

С другой стороны, сближение России и Северной Кореи в военно-техническом плане может иметь и положительные последствия для Китая, поскольку Китай заинтересован в том, чтобы не допустить эскалации между Пхеньяном, с одной стороны, и Сеулом, а также союзным с ним Вашингтоном — с другой. Конфликт между странами грозит Пекину гуманитарной катастрофой у его границ, поэтому сближение двух стран может играть на руку Китаю, с расчетом на обеспечение стабильности в регионе. До тех пор Пекин будет занимать выжидательную позицию.

Таким образом, вероятность разрыва отношений Китая с Северной Кореей остается низкой, несмотря на возможное ухудшение их из-за новых ядерных испытаний или слишком своеобразной внешней политики Пхеньяна. Китай продолжает проявлять терпение и будет нести значительные убытки, прежде чем его терпение иссякнет. Вместо того чтобы оказывать более сильное давление на северокорейское руководство, Китай предпочитает поддерживать статус-кво, до тех пор, пока политика Северной Кореи может быть предсказуемой и контролируемой. Это позволяет Пекину сдерживать Запад, но не до такой степени, чтобы спровоцировать эскалацию на Корейском полуострове. Следовательно, позволит Китаю сохранить свободу действий в других регионах, где он видит свои стратегические и геополитические выгоды.

Заключение. Россия — Китай — Северная Корея

После своего визита в Пхеньян в июле 2023 г. министр обороны России С.К. Шойгу заявил, что в дальнейшем не исключает возможности проведения совместных военных учений между РФ, КНР и КНДР. По мнению экспертов, если произойдет включение Северной Кореи в совместные военные учения Китая и России, риски для соседних государств будут минимальными, поскольку трехсторонние военно-морские учения будут не столько подготовкой к войне, сколько просто дипломатическим сигналом о создании контральянса в АТР. Однако специалисты отмечают, что альянс может иметь стабилизирующий эффект,

²⁷ Воронцов А.В. Сближение России и КНДР бьет по интересам Китая // ИВ РАН. 17.09.2023. URL: <https://www.ivran.ru/ivran-v-smi?artid=213155&ysclid=lqmdw7tssw295688744> (дата обращения: 26.12.2023).

ограничивая каждую из его сторон от разжигания конфликта в одностороннем порядке. Россия и Китай, например, частично согласны в вопросе денуклеаризации Корейского полуострова, поэтому они могут не поддержать продолжающиеся угрозы Северной Кореи использовать свой ядерный арсенал. В любом случае учения, проводимые между странами, не смогут иметь решающую роль для обеспечения безопасности, поскольку они не смогут должным образом смоделировать то, что произойдет в реальном бою, из-за географических ограничений.

Но, хотя эксперты сходятся во мнении, что угроза войны великих держав вряд ли увеличится, даже если этот новый трехсторонний союз будет реализован, он все равно может оказать существенное влияние на регион тем, что государства в регионе могут выбрать чью-либо сторону.

Несмотря на несопоставимый размер экономики и территорий Северной Кореи с Россией и Китаем, не стоит упускать из внимания тот факт, что армия Северной Кореи является четвертой по численности в мире, в арсенале КНДР есть ракеты, способные нести ядерный заряд и, возможно, термоядерное оружие, а военно-промышленный комплекс страны достаточно развит и имеет в своем составе большое количество вооружения, в том числе современного, а также средства доставки. Поэтому КНДР, в случае необходимости, имеет все шансы внести свой вклад в обеспечение стабильности в АТР, тем более при поддержке Китая и России.

Авторы считают, что обеспечение безопасности в АТР невозможно без нормализации политических и экономических условий в странах региона. Новое понимание международной безопасности и формирование программ по устранению существующих угроз безопасности в рассматриваемом регионе должно быть направлено на достижение и поддержание необходимого баланса сил, с одной стороны, и обеспечение справедливой конкуренции и социально-экономического благополучия стран региона — с другой.

В начале статьи был поставлен вопрос — чем же являются отношения России, Китая и Северной Кореи? По мнению авторов, стратегический союз — взаимодействие государств в различных сферах, в частности в военной, направленное на улучшение сотрудничества ради учета общих интересов. В ходе работы авторы выяснили, что отношения России, Китая и Северной Кореи в военной сфере являются не стратегическим союзом, а скорее союзом, у которого пока есть общие интересы. Тем не менее данные трехсторонние отношения являются фактором формирования баланса сил.

На современном этапе современных международных отношений взаимодействие в АТР приобретает в определенной степени блоковый характер, где, с одной стороны, политику в регионе определяет треугольник Вашингтон—Сеул—Токио, а с другой Москва — Пекин — Пхеньян. Не стоит предполагать, что отношения КНДР, РФ и КНР сложатся в реальный военный союз. Тем более все страны заявляют и отстаивают право каждой страны на независимость и выбор своего пути развития. Но, с другой стороны, общие ценности и подходы, а также их политика противостояния гегемонии США может свидетельствовать о том, что отношения этих стран могут приобрести характер квазиальянса, с большой

долей вероятности флагманом которого станет Китай. Поскольку, на данный момент США и Южную Корею, в большей степени, беспокоит сближение РФ и КНДР, то Вашингтон и Сеул будут пытаться оказать давление на Пекин для того, чтобы он повлиял на этот процесс в выгодном для Запада русле, в том числе путем угроз возможного введения новых санкций против Китая, а возможно, шантажом Пекина по Тайваньскому вопросу. Нельзя точно предположить, как долго будет продолжаться это сближение, поскольку все страны треугольника традиционно стараются проводить независимую политику, но в период общих угроз консолидация и углубление сотрудничества являются наиболее вероятным сценарием.

Поступила в редакцию / Received: 24.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 14.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Караганов С.А.* Как победить в холодной войне. Заметки о прошлом и будущем // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne-2/> (дата обращения: 10.09.2023).
- Королёв А.Н.* Балансы сил, угроз и интересов: логика стратегического сближения Китая и России в постбиполярный период // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2021. № 3. С. 75–111. <http://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111>
- Королёв А.Н.* Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия и АТР. 2019. № 3. С. 138–160. <http://doi.org/10.24411/1026-8804-2019-10043>
- Лагутина М.Л., Лапенко М.В.* Поворот на Восток в контексте внешней политики России: история и современность // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 1. С. 23–37. <http://doi.org/10.18101/2949-1657-2023-1-23-37>
- Ланцов С.А., Усмонов Ф.И.* Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4. № 2. С. 151–163.
- Науменко А.С.* Особенности развития современных российско-китайских отношений // Русская политология. 2020. № 4 (17). С. 106–110.
- Салтанов С.Д.* Взаимодействие КНДР с регионами российского Дальнего Востока на современном этапе // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 98. С. 12–17. http://doi.org/10.22250/20730268_2022_96_12
- Buzan B., Waever O.* Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003.
- Kireeva A.A.* Theories of International Relations and Prospects of a Military Alliance Between Russia and China // Russian Journal of World Politics and Law of Nations. 2022. Vol. 1. (1–2). P. 98–130. <https://doi.org/10.24833/RJWPLN-2022-1-2-98-130>
- Lukin A.V.* China and Russia. The New Rapprochement. Cambridge: Polity Press, 2018.
- Walt S.* Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security. 1987a. Vol. 9, no. 4. P. 3–43.
- Walt S.* The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987b.
- Ward M.D.* Research gaps in alliance dynamics. Denver: University of Denver, 1982.

References

- Buzan, B., & Waeber, O. (2003). *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge University Press.
- Karaganov, S.A. (2018). How to win the Cold War? Notes on the past and future. *Russia in global politics*, 5. Retrieved October 9, 2023, from <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne-2/> (In Russian).
- Kireeva, A.A. (2022). Theories of international relations and prospects of a military alliance between Russia and China. *Russian Journal of World Politics and Law of Nations*, 1(1–2), 98–130. <https://doi.org/10.24833/RJWPLN-2022-1-2-98-130>
- Korolev, A.N. (2019). How Close Are Russia and China? Assessing Military-Strategic Cooperation in International Relations. *Russia and the Pacific*, 3, 138–160. <http://doi.org/10.24411/1026-8804-2019-10043> (In Russian).
- Korolev, A.N. (2021). Balances of power, threat, and interests: The logic behind China-Russia strategic alignment in the post-Cold War period. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 3, 75–111. (In Russian). <http://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-3-75-111>
- Lagutina, M.L., & Lapenko, M.V. (2023). Turn to the East in the context of Russia's foreign policy: The past and the present. *Oriental Vector: History, Society, State*, 1, 23–37. (In Russian). <http://doi.org/10.18101/2949-1657-2023-1-23-37>
- Lantsov, S.A., & Usmonov, F.I. (2008). *Security problems in the theory of international relations: comparative analysis of the main directions*. Political expertise: POLITEX, 4(2), 151–163. (In Russian).
- Lukin, A.V. (2018). *China and Russia. The New Rapprochement*. Cambridge: Polity Press.
- Naumenko, A.S. (2020). Features of the development of modern Russian-Chinese relations. *Russian political science*, 4(17), 106–110. (In Russian).
- Saltanov, S.D. (2022). Interaction of the DPRK with the regions of the Russian Far East at the present stage. *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*, 98, 12–17. (In Russian). http://doi.org/10.22250/20730268_2022_96_12
- Walt, S. (1987a). Alliance formation and the balance of world power. *International Security*, 9(4), 3–43.
- Walt, S. (1987b). *The Origins of Alliances*. Ithaca: Cornell University Press.
- Ward, M.D. (1982). *Research gaps in alliance dynamics*. Denver: University of Denver.

Сведения об авторах:

Науменко Алина Сергеевна — аспирант, ассистент кафедры сравнительной политологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: naumenko-as@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-4461-4728) (SPIN-код: 3270-2202)

Салтанов Станислав Дмитриевич — аспирант кафедры международных отношений школы региональных и международных исследований (Восточный институт), Дальневосточный федеральный университет (e-mail: saltanov.sd@dvfu.ru) (SPIN-код: 3124-0028)

About the authors:

Alina S. Naumenko — PhD Student, Assistant Professor in the Department of Comparative Politics, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: naumenko-as@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-4461-4728) (SPIN-code: 3270-2202)

Stanislav D. Saltanov — PhD student of the Department of International Relations of the School of Regional and International Studies (Oriental Institute), Far Eastern Federal University (e-mail: saltanov.sd@dvfu.ru) (SPIN-code: 3124-0028)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130

EDN: NZZJNF

Научная статья / Research article

Внешняя политика Казахстана: уточняя приоритеты

А.В. Мамедов *Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация*✉ alex.mamedo@yandex.ru

Аннотация. Внешняя политика Казахстана длительное время отличалась преемственностью. Страна балансировала между Россией, Западом и Китаем. В условиях кардинальной трансформации в мировой политике и экономике, обострения отношений Запада с Россией для Казахстана особую актуальность приобрело уточнение приоритетов внешней политики, ее конкретное наполнение. Большое влияние на внешнюю политику Казахстана оказывает реализация Россией специальной военной операции. Казахстан оказался под сильным политическим давлением Запада, который требует от Казахстана изменить свой внешнеполитический курс и присоединиться к реализации антироссийской политики. Цель исследования заключается в выявлении новых тенденций во внешней политике Казахстана как на российском направлении, так и в отношениях с Западом, а также в рамках Центральной Азии. С этой целью использованы заявления первых лиц государства, которые отражают уточненные приоритеты. Отдельное внимание уделяется политике Казахстана в отношении с Россией, которая остается ключевым партнером. Сделаны выводы о предварительных итогах современной внешней политики Казахстана, которую отличает активизация отношения с Западом, поиск новых подходов к сотрудничеству с центральноазиатскими странами и балансирование между Россией и Западом.

Ключевые слова: Казахстан, внешняя политика, Запад, Россия, Центральная Азия

Для цитирования: Мамедов А.В. Внешняя политика Казахстана: уточняя приоритеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 121–130. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130>

© Мамедов А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Kazakhstan's Foreign Policy: Adjusting the Priorities

Alexey V. Mamedov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russian Federation

✉ alex.mamedov@yandex.ru

Abstract. Kazakhstan's foreign policy has been characterized by continuity for a long time. The country has been balancing between Russia, the West and China. In the context of the transformation of world politics and economy, as well as aggravation of relations between the West and Russia, the adjusting foreign policy priorities and its specific content are getting especially important for Kazakhstan. The realization of a special military operation by Russia has greatly impacted Kazakhstan's foreign policy. Kazakhstan is under strong political pressure from the West. It requires Kazakhstan to change its foreign policy course and join anti-Russian policy. The study is aimed to identify new trends in Kazakhstan's foreign policy, both in the relations with Russia and the West as well as countries of Central Asia. For this purpose, the statements of the first persons of the state, reflecting the priorities, were analyzed. A special attention was also paid to Kazakhstan's policy towards Russia, which remains a key partner. In the conclusion, the author identified the key priorities: an intensification of relations with the West, a search for new approaches to cooperation with Central Asian countries and preservation of balancing between Russia and the West.

Keywords: Kazakhstan, foreign policy, the West, Russia, Central Asia

For citation: Mamedov, A.V. (2024). Kazakhstan's foreign policy: Adjusting the priorities. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 121–130. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-121-130>

Введение

Последняя редакция концепции внешней политики Казахстана была принята в 2020 г. Однако уже к 2022 г. геополитическая ситуация в Центральной Азии и в мире претерпела кардинальные изменения, которые не были отражены в концепции внешней политики. В этой связи в качестве гипотезы можно выдвинуть утверждение, что в условиях отсутствия концептуального документа, в котором бы полно и четко были отражены задачи государства в изменившемся мире, внешняя политика казахстанского государства носит «догоняющий» характер, подстраиваясь под меняющиеся внешние обстоятельства, исходя из интересов внерегиональных акторов.

Для подтверждения данной гипотезы использованы сравнительный метод и метод системного анализа. Их применение позволило вскрыть элементы преемственности внешнеполитического курса и его новые составляющие.

Первые шаги современного Казахстана во внешней политике

После распада СССР Казахстан формировал приоритеты внешнеполитического курса, ориентируясь, прежде всего, на свои национальные интересы. Они определялись задачами, связанными с утверждением государственности

и развитием национальной экономики [Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева 2010].

Диверсификация внешнеполитических контактов стала осуществляться Казахстаном фактически после обретения независимости. В качестве ключевых партнеров рассматривались США [Попов 2016] и ЕС. Во внешней политике Казахстан стремился диверсифицировать контакты и заручиться поддержкой внерегиональных государств, которые, в свою очередь, проявляли интерес к казахскому государству. Соответственно, внешняя политика страны формировалась под влиянием внерегиональных сил [Гарбузарова 2022]. При этом итоги внешней политики Казахстана в 1990-х гг. оказались противоречивыми. С одной стороны, Казахстан расширил взаимодействие с Китаем, который рассматривался в качестве привлекательного экономического и политического партнера. С другой стороны, ожидания, что отношения с США и странами Ближнего Востока выйдут на новый уровень, не оправдались. Вместе с тем Россия сохранила свое влияние. Большую роль играли исторически сложившиеся связи между бывшими республиками. Более того, тесные отношения с Россией стали рассматриваться в качестве противовеса активной политике Китая, который стремился усилить, прежде всего, экономическое влияние в Казахстане [Курганбаева 2009].

Стремительное развитие геополитической ситуации ускорила осмысление и концептуализацию внешней политики страны в первой половине 1990-х гг. Казахстанская сторона стремилась исходить из реалий экономического развития и одновременно ставить амбициозные внешнеполитические задачи. В результате концепция внешней политики Казахстана, принятая в 1995 г., ставила задачу реализации многовекторной внешней политики и проведения многосторонней дипломатии. Подобная внешнеполитическая установка привела в конечном итоге к диверсификации международных связей, которые отличались разным наполнением.

Это привело к поддержке Казахстаном интеграционных инициатив, которые нашли поддержку в России и одновременно расширило отношения с западными странами, не заинтересованными в появлении новых центров силы под патронажем российской стороны. Одновременно шла активизация контактов с Китаем и реализовывался курс на взаимодействие со странами Центральной Азии.

В последнее десятилетие политика Казахстана сохраняла свою преемственность, которая базировалась на концепции внешней политики страны¹. Расширение внешнеполитических контактов с западными странами и Китаем происходило одновременно с активным участием Казахстана в интеграционном проекте по развитию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Жильцов 2012]. Однако в последние два года ситуация в мире кардинально изменилась, что сказалось на внешнеполитическом курсе Казахстана.

¹ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг. 9 марта 2020 г. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 г. № 280. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 23.12.2023).

Новые акценты во внешней политике

Особенностью внешнеполитического развития современного Казахстана является тот факт, что внешняя политика страны опирается на редакцию документа Концепцию внешней политики Республики Казахстан), которая была принята в 2020 г. Данный документ принимался в совершенно иной геополитической ситуации, когда отношения между Россией и Западом не приняли характер прямой конфронтации, а на Казахстан не оказывалось неприкрытое давление со стороны США и ЕС.

В феврале 2022 г., с изменением геополитической ситуации в мире, в ходе резкого обострения отношений между Россией и Западом, Казахстан и его внешняя политика оказались в фокусе внимания ЕС и США. Причиной этого стала масштабная санкционная политика Запада в отношении России. При этом Запад не ограничился оказанием прямого воздействия на Россию. В центре внимания в рамках санкционной политики оказались партнеры России, прежде всего Казахстан, который оказался под давлением Запада. Выполнение требований, которые выдвинули западные страны относительно запрета на поставки товаров в Россию через третьи страны, в Казахстане стали обсуждать еще в середине 2022 г. Хотя в тот период решительных действий со стороны казахстанской стороны тогда предпринято не было, Запад продолжал требовать от Казахстана присоединиться к санкционным требованиям. Уже тогда было понятно, что Казахстан окажется между двух проектов. С одной стороны, действовал интеграционный проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а с другой — продвигался проект «альтернативных конфигураций транспортных коридоров Западный Китай — ЕС, минуя Россию»². Тем не менее, несмотря на давление Запада, Казахстан стремится придерживаться политики многовекторности, зафиксированной в концепции внешней политики страны.

Однако в 2023 г. под влиянием резко возросшего давления со стороны внерегиональных акторов внешняя политика Казахстана претерпела ряд существенных изменений. Прежде всего, Казахстан стал ориентироваться на более тесные политические отношения с внерегиональными государствами. Многовекторность и диверсификация внешнеполитических контактов стали рассматриваться через призму политики Запада. Одним из ключевых партнеров Казахстана выступал ЕС [Серик 2009], который к началу третьего десятилетия XXI в. укрепил свои позиции. Казахская сторона высказывала интерес к многосторонним политическим форматам, предлагаемым Западом. В свою очередь ЕС и США, помимо двусторонних контактов, для давления на Казахстан активно использовали формат С5+ЕС/США. Он рассматривается в качестве стратегического механизма по продвижению интересов в Центральной Азии. В целом отношения с ЕС и США рассматриваются Казахстаном через призму глобальных

² Сапожков О., Галиева Д., Крючкова Е. Между санкциями и ЕАЭС. 2022. 6 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5447449> (дата обращения: 23.12.2023).

процессов. В частности, Казахстан рассчитывает стать связующим звеном в отношениях Китая и ЕС³.

Политика США и ЕС в отношении Казахстана привела к корректировке внешнеполитического курса Астаны, которая стала в большей степени учитывать санкционный курс Запада. Казахстанская сторона не раз подчеркивала, что готова выполнять требования Запада. Так, президент Казахстана отмечал, что «Казахстан будет соблюдать санкционный режим в отношении России»⁴.

В целом Казахстан пытался лавировать между Россией и Западом, которые придерживались диаметрально противоположных интересов. Для России ключевое значение имел механизм «разрешенного параллельного импорта». Это позволяло минимизировать санкционное воздействие западных государств. В свою очередь США и ЕС требовали от Астаны изменить позицию по данному вопросу и прекратить поддержку России.

Таким образом, Казахстан стремился придерживаться политики диверсификации внешнеполитических контактов, зафиксированной в концепции внешней политики страны, принятой в 2020 г. Однако США оказывали значительное влияние на руководство страны, требуя переориентации внешнеполитического курса на западные страны. Примером демонстрации готовности Казахстана следовать в русле политики Запада стали инициативы казахстанской стороны изменить подходы к реализации энергетической политики [Жильцов 2019]. В этом вопросе присутствует не столько энергетическая составляющая, сколько готовность политические интересы Казахстана. Заявления о диверсификации маршрутов поставок углеводородных ресурсов на внешние рынки отразили заинтересованность Астаны сохранить политические контакты с Западом и не допустить введение санкций в отношении Казахстана. С этой целью с середины 2022 г. президент Казахстана поставил задачу по диверсификации маршрутов экспорта нефти на внешний рынок⁵. Однако, несмотря на все усилия, Казахстан не добился каких-либо успехов в вопросах диверсификации. Российское направление по-прежнему остается основным маршрутом для экспорта казахстанской нефти [Жильцов 2023].

Исходя из положений концепции внешней политики 2020 г. преемственность во внешней политике Казахстана сохраняет китайский вектор. Начиная с 1990-х гг. Казахстан расширил политические и экономические отношения с Китаем, который проявлял повышенный интерес к казахстанской стороне

³ ЕБРР исследовал устойчивую транспортную связуемость между Европой и Центральной Азией. 2023. 4 июля. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/07/04/yebrr-issledoval-ustoychivuyu-transportnuyu-svyazuemost-mezhdu-yevropoy-i-tsentralnoy-aziyey/> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Токаев пообещал Шольцу соблюдать антироссийские санкции. 2023. 28 сентября. URL: <https://ria.ru/20230928/kazakhstan-1899262610.html?ysclid=lr3tm2fsnc59192795> (дата обращения: 25.12.2023).

⁵ Глава государства провел совещание по развитию транспортно-транзитного потенциала. 2022. 7 июля. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-razvitiyu-transportno-tranzitnogo-potenciala-76050> (дата обращения: 13.12.2023).

[Барабанов О.Н. 2003: 318]. Итогом политики Казахстана стало расширение политического и торгово-экономического сотрудничества с Китаем [Сыроежкин 2013]. В последние несколько лет Казахстан активизировал сотрудничество с Китаем. Взаимодействие с Пекином рассматривается в качестве условия для стабильного развития экономики, получения дополнительных преференций.

В целом начиная с 2022 г. внешняя политика Казахстана оказалась под сильным прессингом внерегиональных акторов. Помимо столкновения интересов России и Запада казахстанская дипломатия должна учитывать столкновение геополитических интересов Китая и США. Американская сторона пытается ослабить вовлеченность Казахстана в инфраструктурные проекты, инициированные Китаем.

Центральноазиатский вектор казахстанской политики

Значительные изменения произошли в политике Казахстана в Центральной Азии. Центральноазиатские страны являются одним из приоритетов внешней политики Казахстана [Курмангужин, Чеботарёв 2023]. При этом Казахстан ставит задачу по занятию лидирующего положения в Центральной Азии. Это положение закреплено в концепции внешней политики 2020 г. В качестве инструментов, которые могут способствовать достижению данной цели, рассматривается несколько направлений. Среди них: выстраивание стратегического диалога со странами региона и использование многосторонних форматов, которые задействовали внерегиональные страны.

Реализация амбициозной задачи, поставленной Казахстаном, сталкивается с рядом проблем. Во-первых, в последние годы отмечена возросшая активность практически всех стран Центральной Азии. Во-вторых, усилилось взаимодействие центральноазиатских государств с внерегиональными акторами, которые также проявляют к региону повышенный интерес. Наблюдается внешнеполитическая активность ЕС, США, России, Турции и Китая. Соответственно, все страны региона рассчитывают укрепить свои отношения с внерегиональными акторами и усилить свои позиции в Центральной Азии. В-третьих, существенным фактором, который ставит под вопрос возможности Казахстана занять лидирующие позиции в регионе, выступают обострившиеся проблемы в водно-энергетической сфере. Страны Центральной Азии по-прежнему не могут решить данную проблему, зачастую действуя в одностороннем порядке. Данная позиция определяется национальными интересами, которые не подразумевают каких-либо уступок или совместных действий с соседями по региону [Закиева 2007: 49]. На решение водно-энергетических проблем направлена политика Казахстана, который инициировал двусторонние переговоры с соседями по региону и обсуждение инфраструктурных проектов [Жильцов 2023].

Казахстанская сторона стремится выступать лидером в реализации инфраструктурных проектов в регионе, прежде всего в транспортной сфере. За прошедшие годы казахстанская сторона осуществила модернизацию собственной инфраструктуры, которая находится на побережье Каспийского моря. Были

модернизированы старые объекты и построены новые [Жильцов, Тулинов 2023]. Это позволило нарастить объемы перевалки грузов, в том числе и транзитных [Вардомский и др. 2023]. Однако подобная стратегия конкурирует с усилиями других стран Центральной Азии, которые также уделяют повышенное внимание инфраструктурной политике.

В итоге можно сделать вывод, что, декларируя стремление к лидерству в Центральной Азии, Казахстан в концептуальном плане опирается на документ, который разрабатывался в иных геополитических и экономических условиях. В 2023 и начале 2024 г. Концепция внешней политики Казахстана в части, касающейся Центральной Азии, не соответствует сложившимся реалиям.

Заключение

Таким образом, в условиях геополитической напряженности в мире и столкновения интересов России и Запада внешняя политика Казахстана претерпела значительные изменения. Казахстан находится в сложной ситуации. С одной стороны, страна стремится развивать отношения с Россией, которая не только остается ключевым торгово-экономическим партнером, но и обеспечивает поставки казахстанских углеводородных ресурсов на внешний рынок. Казахстан содействует поставкам через свою территорию товаров «параллельного импорта». С другой стороны, казахстанская сторона рассчитывает избежать введения санкций со стороны Запада за сохранение тесных отношений с Россией. Подобная многовекторность создает определенные трудности для Казахстана, который вынужден лавировать между внерегиональными акторами, которые навязывают ему свои интересы.

В этой связи можно говорить о том, что подтверждается выдвинутая гипотеза, что внешняя политика Казахстана реализуется при отсутствии четких концептуальных установок, подстраиваясь под интересы внерегиональных акторов и двигаясь вслед за событиями в мировой политике.

Очевидно, что Казахстан продолжит маневрировать между Западом, Россией и Китаем, которые оказывают на него влияние. Подобную ситуацию может изменить принятие новой концепции внешней политики. В документе должны найти отражение глобальные изменения, дана оценка положения страны в современной системе международных отношений и очерчены внешнеполитические интересы. Об этом еще в 2023 г. говорил президент страны Токаев. По словам главы Казахстана, «правительство должно обновить концепцию внешней политики, которая принималась в совершенно других геополитических условиях»⁶. Кроме того, президент Казахстана отметил важность разработки новой редакции стратегии национальной безопасности⁷.

⁶ Токаев заявил о необходимости обновления концепции внешней политики Казахстана. 2023. 19 апреля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17556937?ysclid=ls5x711dn0355386654> (дата обращения: 23.12.2023).

⁷ Там же

Усложнение мирополитических процессов ставит перед Казахстаном сложную внешнеполитическую задачу. Астана должна проявлять чудеса внешнеполитической гибкости, чтобы сохранить хорошие политические отношения с Россией и Китаем и одновременно не попасть под санкции Запада, который заинтересован сделать Казахстан инструментом давления на Россию.

Поступила в редакцию / Received: 03.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 24.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Ауелбаев Б.А., Ержанов Т.Б., Изимов Р.Ю., Серик Р.С., Тимофеев Л.А., Шайхутдинов Т.М.* Проблемы развития мировой энергетики: опыт для Казахстана. Алматы: КИСИ, 2012.
- Барабанов О.Н.* Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия — Каспий — Кавказ: возможности и вызовы для России. М.: Логос, 2003. С. 301–335.
- Вардомский Л.Б., Дадабаева З.А., Пылин А.Г., Соколова Т.В., Тураева М.О.* Каспийский регион в процессах регионализации Евразии. М.: Институт экономики РАН, 2023.
- Гарбузарова Е.Г.* Центральная Азия во внешней политике Турции и Ирана. М.: Аспект Пресс, 2022.
- Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева / сост. А.Н. Нысанбаев, В.Ю. Дунаев. Алматы, 2010.
- Жильцов С.С.* Энергетическая политика Казахстана: новые подходы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 2. С. 32–53.
- Жильцов С.С.* Центральная Азия на пересечении геополитических интересов: итоги и перспективы // Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии: материалы X Ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 6 июня 2012 г.) / отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: КИСИ, 2012. С. 30–38.
- Жильцов С.С.* Каспийский регион: новые процессы // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 1 (58). С. 57–67.
- Жильцов С.С.* Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 4. С. 324–335. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-33>
- Жильцов С.С., Тулинов Б.М.* Геополитическая трансформация Каспийского региона: итоги и направления развития // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 2. С. 130–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-130-138>
- Закиева Ш.Б.* Интеграция в Центральной Азии и Казахстан. М.: Научная книга, 2007.
- Курганбаева Г.А.* Экономика Казахстана в XXI веке. Алматы: КИСИ, 2009.
- Курмангужин Р.С., Чеботарёв А.Е.* Дипломатия Республики Казахстан: эволюция внешнеполитических концепций // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 74–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-74-84>
- Попов Д.С.* Центральная Азия во внешней политике США. М.: РИСИ, 2016.
- Пылин А.Г.* Особенности торгово-экономического взаимодействия стран Каспийского региона в новой геоэкономической реальности // Геоэкономика энергетики. 2023. № 2. С. 60–71. http://doi.org/10.48137/26870703_2023_22_2_60

- Серик Р.С. Казахстан и стратегия ЕС в Центральной Азии: взаимодействие в энергетической сфере // Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса: материалы VII Ежегодной Алмаатинской конференции (г. Алматы, 9 июня 2009 г.) / отв. ред. Б.К. Султатов. Алматы: КИСИ, 2009. С. 224–233.
- Сыроежкин К.Л. Евразийское пространство и китайский фактор // Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир: материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 14 ноября 2012 г.) / отв. ред. Б.К. Султатов. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2013. С. 156–165.
- Zhiltsov S.S. The infrastructure projects in the Caspian Region // *Post-Soviet Issues*. 2019. Vol. 6, no. 4. P. 324–335. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>

References

- Auelbaev, B.A., Erzhanov, T.B., Izimov, R.Yu., Serik, R.S., Timofeenko, L.A., & Shaikhutdinov T.M. (2012). *Problems of global energy development: Experience for Kazakhstan*. Almaty, KISS.
- Barabanov, O.N. (2003). China's policy in Central Asia. In *Southern flank of the CIS. Central Asia — Caspian — Caucasus: Opportunities and challenges for Russia* (pp. 301–335). Moscow: Logos.
- Garbuzarova, E.G. (2022). *Central Asia in the foreign policy of Turkey and Iran*. Moscow: Aspect Press.
- Kurganbaeva, G.A. (2009). *Economy of Kazakhstan in the 21st century*. Almaty: KISS.
- Kurmanguzhin, R.S., & Chebotarev, A.E. (2023). Diplomacy of the Republic of Kazakhstan: The evolution of foreign policy concepts. *World Economy and International Relations*, 67(7), 74–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-74-84>
- Nysanbaev, A.N., & Dunaev, V.Yu. (Eds.) (2010). *Eurasian doctrine of Nursultan Nazarbayev*. Almaty.
- Popov, D.S. (2016). *Central Asia in US foreign policy*. Moscow: RISI.
- Pylin, A.G. (2023). Features of trade and economic interaction between the countries of the Caspian region in the new geo-economic reality. *Geoeconomics of Energy*, 2, 60–71. http://doi.org/10.48137/26870703_2023_22_2_60
- Serik, R.S. (2009). Kazakhstan and the EU strategy in Central Asia: interaction in the energy sector. In B.K. Sultatov (Ed.), *Central Asia in the context of geopolitical transformation and global economic crisis: Proceedings of the VII Annual Alma-Ata Conference* (pp. 224–233). Almaty: KazISS.
- Syroezhkin, K.L. (2013). Eurasian space and the Chinese factor. In Sultanov, B.K. (Ed.). *Integration processes in the Eurasian space and the modern world: Proceedings of the international scientific and practical conference* (pp. 156–165). Almaty: KazISS.
- Vardomsky, L.B., Dadabaeva, Z.A., Pylin, A.G., Sokolova, T.V., & Turaeva, M.O. (2023). *The Caspian region in the processes of regionalization of Eurasia*. Moscow: Institute of Economics RAS.
- Zakieva, Sh.B. (2007). *Integration in Central Asia and Kazakhstan*. Moscow: Scientific book.
- Zhiltsov, S.S. (2012). Central Asia at the intersection of geopolitical interests: Results and prospects. In B.K. Sultanov (Ed.), *Current security issues in Central Asia. Materials of the X Annual Almaty Conference* (pp. 30–38). Almaty: KISS.
- Zhiltsov, S.S. (2019). Infrastructure projects in the Caspian region. *Post-Soviet Issues*, 4, 324–335. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-33>
- Zhiltsov, S.S. (2019). The infrastructure projects in the Caspian Region. *Post-Soviet Issues*, 6(4), 324–335. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>

- Zhiltsov, S.S. (2023). Caspian region: new processes. *Russia and new States of Eurasia*, 1(58), 57–67.
- Zhiltsov, S.S. (2023). Energy policy of Kazakhstan: new approaches. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world*, 2, 32–53.
- Zhiltsov, S.S., & Tulinov, B.M. (2023). Geopolitical transformation of the Caspian region: results and directions of development. *World Economy and International Relations*, 67(2), 130–138.

Сведения об авторе:

Мамедов Алексей Владимирович — аспирант кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России (e-mail: alex.mamedo@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-7890-8943)

About the author:

Alexey V. Mamedov — postgraduate of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (e-mail: alex.mamedo@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-7890-8943)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142
EDN: NBNFV

Научная статья / Research article

Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора

В.А. Аватков , А.И. Сбитнева

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

 v.avatkov@gmail.com

Аннотация. Исторически Турецкая Республика представляет собой одно из немногих государств Ближнего и Среднего Востока, в цивилизационном смысле находящихся между Востоком и Западом. По прошествии времени с момента ряда неудачных попыток встроиться в западные институты и с началом геополитических изменений на международной арене Турция осуществила «разворот на Восток». Принимая во внимание повышающуюся роль Незапада в рамках формирования полицентричной системы международных отношений, изучение Турции как одного из ключевых центров сил современности, а также выявление ее особенностей, восточных и западных черт представляет особую актуальность. Целью исследования является изучение цивилизационных характеристик современной Турции. Путем применения цивилизационного подхода было выявлено, что Турецкая Республика находится в позиции «срединного государства», имеющего как западные, так и восточные черты, но все больше тяготеющего именно к незападному миру. При этом на фоне реализуемой действующим руководством идеологии «неоосманизма» и повышающейся роли идейно-ценностного фактора западные черты постепенно угасают, сохраняясь лишь в форме официальной светскости и устойчивых связей с западными институтами, в то время как турецкая восточность наряду с неофициальной исламизацией имеют более четкий образ. Турция развивается прогрессивно-регрессивными циклами, в рамках которых западный цикл сменяется восточным, и наоборот. Однако Запад планомерно перестает быть символом прогресса. Авторы приходят к выводу, что незападный путь развития является наиболее перспективным для современной Турции, однако с условием того, что восточное развитие не будет модерировать исламистскими кругами и сторонниками политического ислама.

Ключевые слова: Турция, Запад, Восток, Незапад, М.К. Ататюрк, Р.Т. Эрдоган, идентичность, цикличность, срединное государство, межцивилизация

© Аватков В.А., Сбитнева А.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №1. С. 131–142. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142>*

Between West and Non-West — Turkey at a Crossroad of Geostrategic Choice

Vladimir A. Avatkov , **Alina I. Sbitneva**

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

 v.avatkov@gmail.com

Abstract. Historically, the Republic of Turkey is one of the few states in the Middle East, in a civilizational sense, located between East and West. As time has passed since a number of unsuccessful attempts to integrate into Western institutions and with the beginning of geopolitical changes in the international arena, Turkey has made a “pivot to the East”. Considering the increasing role of the Non-West within the framework of the formation of a polycentric system of international relations, the study of Turkey as one of the key centers of forces of our time, as well as the identification of its characteristics, eastern and western features, is of particular relevance. The purpose of the study is to examine the civilizational characteristics of modern Turkey. By applying civilizational approach, Turkey’s position of a “middle state” was revealed, which has both Western and Eastern features, but is increasingly gravitating towards the non-Western world. At the same time, amid the ideology of “neo-Ottomanism” implemented by the current leadership and the increasing role of the ideological and value factor, Western features are gradually fading away, remaining only in the form of official secularism and stable ties with Western institutions. While the Turkish orientality, along with unofficial islamization, have a clearer image. Turkey develops in progressive-regressive cycles, where the Western cycle is replaced by the Eastern and vice versa. However, the West is systematically ceasing to be a symbol of progress. The authors conclude that the non-Western path of development is the most promising for modern Turkey, however, with the condition that eastern development will not be moderated by Islamist circles and supporters of political Islam.

Keywords: Turkey, West, East, Non-West, M.K. Ataturk, R.T. Erdogan, identity, cyclicity, middle state, intercivilization

For citation: Avatkov, V.A., & Sbitneva, A.I. (2024). Between West and Non-West — Turkey at a crossroad of geostrategic choice. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 131–142. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-131-142>

Введение

Падение Османской империи, разделенной на сферы влияния западными колонизаторами, ознаменовало для государства, именуемого сегодня Турецкой Республикой, этап коренной трансформации в политике. С приходом к власти М.К. Ататюрка в 1923 г. Турция начала стремительный политический разворот, сопровождавшийся отказом от традиционных османских ценностей

и переформатированием общественно-политической жизни на новый, прогрессивный лад. Одной из так называемых «шести стрел» отца-основателя республики, которые впоследствии легли в основу идеологии «кемализма», стал концепт «революционности», нацеленный на проведение в стране реформ, в свою очередь основанных на лучших западных практиках, а также на переход Турции в ранг развитых светских государств.

И если первый президент Турецкой Республики руководствовался парадоксальным принципом заимствования западного в целях совершенствования турецкого, то уже после его смерти положение дел изменилось. Почти весь внутри- и внешнеполитический курс Турецкой Республики второй половины XX в. реализовывался под знаменами «присоединения к Западу», что было продиктовано прагматичными целями сломленного чередой войн международного масштаба и других социальных потрясений государства. Турция стремилась найти со стороны Запада поддержку и признание, однако по итогам плотного взаимодействия получила от гегемонов западного мира лишь зависимость по всем направлениям и роль «срединного» игрока, уже не являющегося в полной мере Востоком, но вместе с тем по ряду параметров не дотягивающего по уровню развития до стран Запада.

Несмотря на обращенные в сторону Запада взоры правящей элиты страны, общественно-политическая философия республиканской Турции всегда отличалась от воззрений ее американских и европейских партнеров во многих ее проявлениях и тяготела к Востоку. Однако эта приверженность восточному укладу жизни на протяжении долгого времени подавлялась государством — попытки завести долгосрочные партнерские отношения с НАТО, ЕС и отдельными западными государствами, в первую очередь США, вылились в формирование общей западоориентированности с турецкой спецификой. В настоящий период времени Турция вступает на новый этап развития, который отчетливо демонстрирует ее «восточность». Турецкая Республика на протяжении многих лет была «междивилизацией» [Мальцев 2022: 136], однако всегда имела ярко выраженные восточные черты, которые существенным образом отличали ее от представителей западной цивилизации и сегодня все больше приводят Анкару к мысли об идентификации себя с незападным миром.

Между Востоком и Западом

Восточные общества, к которым по многим критериям ряд экспертов (не турецких) справедливо относит современную Турцию, преимущественно лидероцентричны, в то время как в западных прослеживается тенденция к доминированию институтов над общественно-политическими процессами. При этом государство восточного типа, которое, как правило, отождествляется с возглавляющим его лидером, — сакрально, что прямо или косвенно выражается в трепетном отношении населения к наследию того или иного управленца.

Отец-основатель Турецкой Республики М.К. Ататюрк, например, по-прежнему считается ее бессменным лидером. По этой причине с особым символизмом, который является еще одной важной чертой Востока, восьмерка — последняя цифра года смерти первого президента страны (1938 г.) — нередко изображается в перевернутом виде, означающем знак «бесконечности» его правления. Портреты М.К. Ататюрка, наряду с памятниками, встречаются повсеместно в Турции и, более того, — на тюркоязычном пространстве за ее пределами, например, на улицах непризнанного мировым сообществом оккупированного турецкими войсками Северного Кипра.

Сегодня в историю стремится вписать себя и Р.Т. Эрдоган — его изображения начинают теснить М.К. Ататюрка на улицах турецких городов, а в 2023 г. после переизбрания на президентский пост в Турции символично учредили Фонд Р.Т. Эрдогана, при котором планируется создать библиотеку и музей его имени¹. Примечательно, что портреты действующего лидера сегодня нередко соседствуют с гербом и другой атрибутикой Османской империи, служат символом консерватизма и противоположностью той реальности, которую на заре республиканского периода в Турции создал первый лидер страны.

Институт политических партий, сам по себе изначально являющийся феноменом западного мира, на территории Турецкой Республики в равной степени претерпел серьезные изменения и был адаптирован под страновые особенности, со временем обретая турецкую специфику. Турция долгое время была однопартийной, однако и переход к партийному плюрализму не сразу приблизил ее к западной модели партийной системе.

Прежде всего следует подчеркнуть, что турецкие партии меняются и развиваются вместе с возглавляющими их лидерами. Нередко исчезают вместе с наступлением их смерти. Такая закономерность характерна в целом и для многих западных партийных систем, которые также осуществляют сменяемость, со временем приспособившись к новым лидерам и их подходам. Ряд политических партий в Турции, однако, имеет определенную «зацикленность» на одном конкретном человеке-личности, что, как правило, не способствует их должному развитию в политике.

Так, например, турецкая Народно-республиканская партия (НРП), созданная еще первым президентом Турции, которая теперь является главной оппозиционной силой, по-прежнему чтит заветы М.К. Ататюрка, считая именно его своим идейным лидером, путь которого, несмотря на уход из жизни, продолжается в деятельности основанной им партии. Так, 10 ноября 2023 г., в день памяти отца-основателя республики, заместитель главы НРП И. Узгель в своей речи по случаю 85-й годовщины со дня его смерти отметил, что «М.К. Ататюрк будет жить вечно, а зажженный им факел просветления — никогда не погаснет»².

¹ Recep Tayyip Erdoğan Vakfı kuruldu // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı. 31.05.2023. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/recep-tayyip-erdogan-vakfi-kuruldu> (accessed: 10.12.2023).

² Atatürk sonsuza dek yaşayacak ve yaktığı meşale asla sönmeyecek // Denizli Ekspres. 10.11.2023. URL: <https://www.denizliekspres.com.tr/baskan-ilhan-aturuk-sonsuzadek-yasayacak-veyaktigi-mesale-asla-sonmeyecek/45357/> (accessed: 10.12.2023).

Однако реальность складывается несколько иначе: такого рода «культ личности» и концентрация на «кемализме» не всегда отвечают потребностям весьма разнородного современного общества Турции, а следовательно, не дают партии возможности для должного развития, адаптации «шести стрел» к современным реалиям и отталкивают от НРП часть потенциальных избирателей. Таким образом, в политическом смысле жизненный цикл подобных «лично-ориентированных» партий синхронизируется с циклом жизни этих личностей и, теряя возможность осознанного смыслового и идейно-ценностного развития, впадает в летаргический режим работы после ухода последних из жизни.

Схожего подхода придерживается и Партия националистического движения (ПНД) Турции, идейным вдохновителем которой по-прежнему считается ее основатель, турецкий националист и один из идеологов пантюркизма А. Тюркеш, которого при этом называют предводителем или «вождем»³ (тур. — *Başbuğ*) турецкой нации и «тюркского мира». Несмотря на то, что ПНД состоит в союзе с правящей Партией справедливости и развития (ПСР), ее электорат, как и в случае с НРП, весьма ограничен идейной привязкой к первому лидеру и невозможностью радикального отхода от нее ввиду необходимости отдать дань памяти А. Тюркешу. В связи с этим успех ПНД обусловлен во многом стечением обстоятельств, при котором властная элита проводит в целом близкий националистам курс, что представляется невозможным без более сильного многовекторного игрока рядом, каким является ПСР.

В остальном политические партии Турции развиваются вместе с возглавляющими их лидерами. Правящая Партия справедливости и развития, например, менялась в соответствии с мировоззрением ее основателя Р.Т. Эрдогана, который возглавлял ее с 2002 до 2014 г. (в связи с избранием на пост президента), и с 2017 г. (в связи с конституционной поправкой, согласно которой президент больше не обязан быть беспартийным) по настоящее время. Так, в начале своего становления официальный курс ПСР, как и Р.Т. Эрдогана, был ориентирован на США, ЕС и интеграцию с западными институтами. В 2017 г. на этапе планомерного охлаждения отношений Турецкой Республики с западным миром изменились в том числе глобальные и региональные приоритеты ПСР.

Антизападный дискурс имел место в риторике экс-главы МВД Турции и члена ПСР С. Сойлу, заявлявшего о том, что весь мир ненавидит США⁴. Кроме того, нелестно о западных коллегах отзывался и заместитель председателя партии, спикер ПСР О. Челик. В день 75-летия Дня прав человека он, к примеру, разместил в социальных сетях пост с заявлением о том, что

³ Başbuğ // Milliyetçi Hareket Partisi. URL: https://www.mhp.org.tr/htmldocs/basbug/3/hayati/aparслан_turkes.html (accessed: 27.12.2023).

⁴ Süleyman Soylu: “Tam bağımsızlık seçimi” // Aydınlık. 18.04.2023. URL: <https://www.aydinlik.com.tr/haber/suleyman-soylu-butun-dunya-amerikadan-nefret-ediyor-tam-bagimsizlik-secimi-382810> (accessed: 27.12.2023).

«большинство западных государств проявляют лицемерие, пожимая руки де-тоубийцам»⁵, имея в виду поддержку Вашингтоном Израиля в ближневосточном конфликте.

Незападный контркемализм

Отдельного внимания заслуживают изменения во внутри- и внешнеполитическом курсе Турции, по своей сути представляющие собой феномен «исторического ревизионизма» [Кирчанов 2023: 28], проявляющегося в наборе контрреформ относительно сделанного М.К. Ататюрком. Там, где у первого лидера страны был секуляризм, у Р.Т. Эрдогана есть исламизация, которая стала преподноситься властями страны в качестве самобытной черты Турции; где у отца-основателя была модернизация и латинский турецкий алфавит взамен османской письменности, у главы современной Турции — возвращение к арабским заимствованиям; там, где у первого лидера преобладала революционность, у действующего президента доминирует консерватизм и откат к имперским временам. Отчасти эта тенденция объясняется именно турецкой «восточностью»: Турции свойственно обращение к прошлому, традициям и предкам.

Время на востоке в целом циклично — регрессы в конечном итоге — спустя время — побуждают к развитию. Так было и во времена военных переворотов 1960, 1970, 1980 и 1990-х гг., которые, с одной стороны, ввергали Турцию в хаос и подрывали социально-экономическую обстановку, с другой — не давали Турецкой Республики отступить от светскости, на время оберегая ее от наступившей исламизации. При этом дальнейшее отстранение представителей военного звена от государственных управленческих процессов, которое преподносилось в качестве «демократизации», в результате все равно оборачивалось парадоксальным укреплением исламистских групп [Аватков 2012].

На современном этапе Р.Т. Эрдоган тоже разворачивает «Новую» Турцию на 180 градусов относительно принципов «кемализма», напоминая гражданам страны об имперском прошлом [Özensel 2013: 11] и величии Турции — наследницы османов. В настоящее время Турецкая Республика больше, чем когда-либо, ассоциирует себя с миром Незапада, ислама и традиционных ценностей. Причина такого «разворота на Восток» — неудавшееся встраивание в западные процессы и институты. На протяжении всего первого десятилетия XXI в. Турция под эгидой ПСР, проведя ряд реформ, стремилась «вестернизировать» свои общественно-политические институты и осуществить переход к «демократизации», которого от нее требовали западные партнеры.

В частности, немалый путь Анкара проделала для вступления в Европейский союз. С целью соответствия европейским критериям в 2004 г. в Турции была отменена смертная казнь, что в 2019 г. Р.Т. Эрдоган назвал ошибкой, предложив

⁵ AK Parti Sözcüsü Çelik'ten Batı'ya Gazze tepkisi: İki yüzlülük // *Hürriyet*. 10.12.2023. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ak-parti-sozcusu-celikten-batiya-gazze-tepkisi-iki-yuzluluk-42373952> (accessed: 27.12.2023).

вернуть высшую меру наказания⁶. В 2009 г. либерализация затронула курдское меньшинство: было разрешено преподавание курдского языка⁷, а также пересмотрено антитеррористическое законодательство. Однако по прошествии более 30 лет с момента подачи заявки на вступление в 1987 г. в ЕЭС (позднее — ЕС) и отсутствия значимых подвижек на этом направлении стремление Турции к европейской интеграции отошло на второй план, а вместе с ним — и ее «европейскость» как таковая.

Таким образом, Турецкая Республика перешла к контрреформам, еще больше отдалившим ее от Запада. Во внешней политике это проявилось в формировании неофициальной идеологии «неоосманизма», подменяющей собой закреплённые в Основном законе страны принципы «кемализма». Во внутренней политике был взят курс на активную исламизацию. Особенно показательным в этом смысле событием стал перевод собора Святой Софии в Стамбуле из статуса музея в мечеть⁸, которая была на его месте до указа М.К. Ататюрка 1934 г., в то время еще раз документально закрепившего курс на светскость. Не менее важными стали дискуссии о праве ношения религиозных одежд, в частности хиджаба. Невзирая на введенный еще М.К. Ататюрком в 1925 г. запрет, в 2010 г. право на публичное появление в хиджабе было закреплено в университетах, спустя 3 года после этого — в госучреждениях. В 2022 г. Р.Т. Эрдоган и вовсе призвал общественность вынести данный вопрос на всенародный референдум⁹.

При этом, согласно данным опроса компании Metropoll, проведенного в октябре 2023 г. и приуроченного к 100-летию Турецкой Республики, из 1 691 опрошенных лишь 19,2 % предпочли бы жить в исламской республике, а 64,4 % считают необходимым сохранить светскость Турции¹⁰. Вместе с тем на вопрос, «Кто является лидером, оставившим след в истории республики?», 64,7 % граждан — подавляющее большинство — назвали М.К. Ататюрка, в то время как Р.Т. Эрдогана упомянули лишь 15,4 % населения¹¹.

Следует отметить, что адаптация западного опыта Турции, помимо незаинтересованности в данном процессе западных сил, не увенчалась успехом во многом и по причине того, что проведение прозападных реформ и изменение формальных вещей не означало изменения общественного сознания, которое,

⁶ Эрдоган готов восстановить смертную казнь в Турции // ТАСС. 19.03.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6233377> (дата обращения: 28.12.2023).

⁷ Впервые в истории Турции в государственных школах разрешено преподавание курдского языка // ТАСС. 16.06.2012. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/615493> (дата обращения: 28.12.2023).

⁸ Святая София — снова мечеть. Чем чревато решение Эрдогану // РИА Новости. 10.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200710/1574192363.html> (дата обращения: 28.12.2023).

⁹ Президент Турции предложил вынести на референдум вопрос о ношении женщинами хиджаба // ТАСС. 22.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16128755> (дата обращения: 28.12.2023).

¹⁰ MetroPOLL anketi: “Türkiye’nin nabzı, Atatürk, cumhuriyet ve laiklik diye atıyor” // Medyascope. 01.11.2023. URL: <https://medyascope.tv/2023/11/01/metropoll-anketi-turkiyenin-nabzi-aturk-cumhuriyet-ve-laiklik-diye-atiyor/> (accessed: 28.12.2023).

¹¹ Ibid.

несмотря на данные приведенного анкетирования, по-прежнему сохранило преимущественно восточную идентичность, проявляющуюся в наборе этнокультурных мелочей из разряда коллективного бессознательного [Юнг 2019].

Так, Турцию от мира Запада отличают такие на первый взгляд неочевидные вещи, как нахождение концепта справедливости выше и приоритетнее концепта свободы. На одном из мероприятий с участием судей и прокуроров Турции в 2019 г. президент Р.Т. Эрдоган заявил, что «Государство без справедливости рано или поздно обречено на крах, подобно зданию без фундамента»¹². Однако турецкая справедливость — особая и не всегда соответствует общепринятым нормам. В ней, в частности, прослеживаются черты эгоизма.

По-турецки справедливость означает в первую очередь справедливость для самой Турции и создание условий, при которых обеспечиваются интересы Анкары. В политическом дискурсе этот подход проявляется, в частности, в популярном лозунге «Мир больше пяти», символизирующем стремление Анкары занять место среди ключевых мировых государств — членов СБ ООН и об ущемленности ее интересов системой международных отношений, что, с точки зрения Турции, представляет собой историческую несправедливость.

Несмотря на такую трепетность к справедливости, многое при этом и среднестатистический турок, и представитель верховной власти определяет и объясняет судьбой и волей Божьей. В 2018 г., комментируя военную операцию «Щит Евфрата» в Сирии, Р.Т. Эрдоган, к примеру, заявил, что она может быть продолжена «по воле Аллаха»¹³. В Турции в целом, даже при наличии аналогичного западному массивного бюрократического аппарата, неформальное остается важнее формализованного. Преобладают неформальные, в том числе родственные связи, особую важность имеет принадлежность к разного рода тарикатам и джамаатам. Такого рода «клановость» выражается в виде организации семейного, родового бизнеса, нередко также приводя к таким негативным последствиям, как кумовство и коррупция.

Кроме того, в отличие от западной концепции индивидуализма человек как отдельная единица в Турции, как и на Востоке в целом, не столько важен, сколько община и государство, что проявляется даже в языке и стиле общения. Турецкие исследователи подчеркивают закономерное исчезновение в речи местоимения «я» как такового. Простую фразу «Я так думаю» большинство турок скажут, используя «скрытое подлежащее», — “Böyle düşünüyorum” [Yerdelen 2016: 262], где местоимение «Ben» (тур. — я) уже заложено в аффиксе и не выделяется

¹² Cumhurbaşkanı Erdoğan: “Adaletin olmadığı bir devlet, tıpkı temelsiz bina gibi eninde sonunda yıkılıp gitmeye mahkumdur” // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı. 22.05.2019. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/cumhurbaskani-erdogan-adaletin-olmadigi-bir-devlet-tipki-temelsiz-bina-gibi-eninde-sonunda-yikilip-gitmeye-mahkumdur> (accessed: 28.12.2023).

¹³ Эрдоган связал продолжение операции в Сирии с «волей Аллаха» // МКРУ. 09.01.2018. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/01/09/erdogan-svyazal-prodolzhenie-operacii-v-sirii-s-voley-allakha.html> (дата обращения: 28.12.2023).

отдельно, как в случае с вариантом «Ben böyle düşünüyorum», который также является грамматически верным и ничем не отличается по смыслу.

При этом личность становится важна, когда речь идет об отдельных представителях турецкой нации, проживающих за пределами исторической родины. Притеснения членов турецкой общины за рубежом, к примеру, являются поводом для реакции на самом высшем уровне. Так, задержание в 2023 г. журналистов прогосударственной газеты Sabah во Франкфурте стало поводом для вызова в МИД Турции посла Германии¹⁴, поскольку были затронуты интересы государственного механизма «мягкой силы», и членов «безграничного» турецкого общества.

Ярким олицетворением важности общества как единой системы в переплетении с концептом справедливости и традиции обращения к предкам являются протесты турецкой общины Германии в 2016 г. против законопроекта Бундестага о признании геноцида армян Османской империей, который ее члены сочли несправедливым. Глава местного отделения «Турецкого исламского союза» И. Онер тогда заявил, что турки не примут «клевету в адрес своих предков»¹⁵.

В политическом смысле в Турции при этом существуют идеи важнее интересов. Так, например, идея укрепления ВПК и милитаризации Турецкой Республики, которая закономерно становится отдельной идеологемой и реализуется в том числе посредством проведения трансграничных военных операций, повышающих престиж турецкой армии, с идейно-ценностной точки зрения полностью соответствует интересам страны, однако с экономической — является невыгодной ввиду больших расходов на ее реализацию в условиях рекордной инфляции.

Политическая сфера в Турции в целом нечетко отделена от общественного. Население Турции нередко связывает общественно-политическое с личным. Для турок несвойствен политический абсентеизм в широком понимании этого слова — они читают газеты, обсуждают новости, а главной формой донесения позиции или несогласия являются демонстрации и протесты, причем как по самым важным, так и менее значимым вопросам. В 2013 г., например, на всю страну прогремели протесты в Стамбуле против вырубки деревьев в парке Гези, только на начальном этапе которых на улицы вышли тысячи человек. 16 июля 2016 г. в ночь попытки осуществления военного переворота люди так же массово выходили на улицы в знак протеста против действий путчистов¹⁶. Популярностью также пользуются митинги в поддержку кандидатов на выборах,

¹⁴ МИД Турции вызвал посла ФРГ из-за ареста журналистов в Германии // Известия. 17.05.2023. URL: <https://iz.ru/1514340/2023-05-17/mid-turtcii-vyzval-posla-frg-iz-za-aresta-zhurnalistov-v-germanii> (дата обращения: 28.12.2023).

¹⁵ Турки Германии недовольны предвзятым законопроектом Бундестага // Анадолю. 01.06.2016. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/заголовки-дня/турки-германии-недовольны-предвзятым-законопроектом-бундестага/582240> (дата обращения: 28.12.2023).

¹⁶ Darbe girişimine tepkiler // NTV. 16.07.2016. URL: <https://www.ntv.com.tr/galeri/turkiye/darbe-girisimine-tepkiler,ITFIZCH4CEq0dXQtvRw8PA/rP7GVX57nEaqFlhO-MvQmQ> (accessed: 28.12.2023).

а также митинги-реакции на общественно значимые события: например, в октябре 2023 г. стамбульский митинг с участием президента в поддержку Палестины на фоне событий в Газе посетили 1,5 млн человек¹⁷.

Еще одним принципиальным отличием восточного турецкого общества от западного является факт доминирования эмоционального над рациональным. Турецким политикам, в частности Р.Т. Эрдогану, свойствен харизматический тип лидерства [Надеин-Раевский 2017: 153], что проявляется в том числе в принятии импульсивных необдуманных решений. Так, нерациональный с политической точки зрения и продиктованный амбициями приказ сбить российский бомбардировщик Су-24 в 2015 г. в небе над Сирией стоил Турции минутной славы, многолетнего сотрудничества с Россией и крупных экономических потерь ввиду последовавших санкций и приостановления двусторонних связей.

Турецкая Республика по-прежнему представляет собой пример государства, в общественно-политическом смысле находящегося между Востоком и Западом. Такое положение дел сложилось исторически, однако, принимая во внимание современные геополитические изменения, в настоящее время вернее будет говорить о ее тяготении к миру Незапада [Воскресенский 2016: 59], который, в свою очередь, становится все ближе к динамично трансформирующимся социокультурным и политическим устоям самой Турции. С географической точки зрения Турция в целом относится к Европе и Западу второстепенно — лишь несколько процентов ее территорий принадлежат этому континенту.

При этом в идейно-ценностном смысле Турция успела впитать целый ряд западных моделей поведения, которые отличают ее от традиционных исключительно восточных обществ. Западная сторона современной Турции сохранилась в ее официальной светскости, в стремлении большей части населения жить в условиях, далеких от теократии, а также в устойчивых связках с миром Запада, в которые Турция институционально — на уровне политико-экономических структур и военных блоков — вписала себя во второй половине XX в.

Восточность Турции при этом проявляется более четко и складывается из параллельной светскости неофициальной исламизации и укрупнения религиозного фактора наряду с ростом числа людей, разделяющих консервативные ценности. В то же время следует отметить, что если институциональное встраивание в западный мир частично ознаменовалось успехом, то быт и некоторые общетурецкие человеческие ценности и национальные черты — даже образованного светского населения — во многом остались в мире Востока.

Подобно Китаю, Турцию в целом можно назвать «срединным» в цивилизационном плане, или «межкультурным» государством, находящимся на стыке

¹⁷ Эрдоган сообщил, что митинг в Стамбуле собрал 1,5 миллиона человек // РИА Новости. 20.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231028/miting-1905858894.html> (дата обращения: 28.12.2023).

культур. Однако важная черта Турецкой Республики состоит в том, что ее природная восточная натура в последние годы существенно перевешивает искусственно навязанную западную. Принимая во внимание тот факт, что Турция развивается циклично по сценарию «регресс — прогресс», не исключено, что ее все более осязаемое обращение к Незападу являет собой лишь очередной цикл, спустя некоторое время ознаменующий возврат к Западу, от которого Анкара к тому же всецело не отказывалась.

В то же время современный Запад постепенно перестает быть синонимом прогресса, и протовосточный путь развития, напротив, может стать для Турции ориентиром. В связи с этим, однако, важно подчеркнуть, что турецкий Восток — неизменно религиозен. В Турции по-прежнему наблюдается дисбаланс между исламистами и умеренно-исламскими группами. Впервые за все годы своего циклического существования, даже учитывая период официального нахождения исламистских лиц у власти, Турция настолько решительно контрреформирует проверенный годами «кемализм». В случае победы политического ислама официальная Анкара таким образом рискует заикнуться исключительно на регрессивном пути, вне зависимости от того, по какому пути — Западному (регрессивному для нее) или Восточному (исламистскому, также рискующему откатить Турцию назад) она будет двигаться дальше.

Поступила в редакцию / Received: 19.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 29.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Аватков В.А. Турецкая демократизация в 1990-е — ключ к сегодняшней исламизации Турции // Ближний Восток и современность. 2012. № 45. С. 1–8.
- Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика и геополитика. 2016. № 1 (22). С. 58–82.
- Кирчанов М.В. Ревизия наследия Ататюрка в современной турецкой исторической политике // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 3 (3). С. 7–34. <http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.03.01>
- Мальцев Я.В. Цивилизация и политика как категории перманентной современности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 58. С. 132–145. <http://doi.org/10.17223/1998863X/68/13>
- Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 6. С. 138–154. <http://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>
- Юнг К. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А. Чечиной. М.: Издательство АСТ, 2019.
- Özensel E. Doğu Toplumlarında ve Türkiye’de Birlikte Yaşama Arayışı: Çokkültürlülük Mü? Yoksa Yeni Bir Model Mi? // Akademik İncelemeler Dergisi. 2013. Vol. 8, no. 3. P. 1–17.
- Yerdelen B.K. Doğu-Batı ekseninde Batı’nın farklıları izdüşümleri // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2016. Vol. 9, no. 45. P. 254–267.

References

- Avatkov, V.A. (2012). Turkish democratization in the 1990s — the key to today's Islamization of Turkey. *Middle East and Modernity*, 45, 1–8. (In Russian).
- Jung, C.G. (2019). *Archetypes and the collective unconscious* / trans. by A. Chechina. Moscow: AST Publishing House. (In Russian). Jung C. (1980). *Archetypes and the collective unconscious* Princeton, N.J.: Princeton University Press].
- Kyrchanov, M.V. (2023). Revision of Ataturk's legacy in modern Turkish historical politics. *Middle & Post-Soviet East*, 3(3), 7–34. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.03.01>.
- Maltsev, Ya.V. (2022). Civilization and politics as categories of permanent modernity. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 58, 132–145. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/1998863X/68/13>
- Nadein-Raevskiy, V.A. (2017). R.T. Erdogan as an example of a charismatic politician. *Outlines of global transformations: Politics, economics, law*, 10(6), 138–154. <http://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154> (In Russian).
- Özensel, E. (2013). Search for living together in Turkey and eastern societies: Multiculturalism or a new model? *Journal of Academic Inquiries*, 8(3), 1–17. (In Turkish).
- Voskresensky, A.D. (2016). The role of the West in the formation of the international system and the politics of Russia. *Comparative politics and geopolitics*, 1(22), 58–82.
- Yerdelen, B.K. (2016). The projections of West's differentiation through East-West axis. *The Journal of International Social Research*, 9(45), 254–267. (In Turkish).

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782) (SPIN-код: 7909-2304)

Сбитнева Алина Игоревна — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (e-mail: a_sbitneva@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9196-9348) (SPIN-код: 4944-0408)

About authors:

Vladimir A. Avatkov — Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782) (SPIN-code: 7909-2304)

Alina I. Sbitneva — Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: a_sbitneva@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9196-9348) (SPIN-code: 4944-0408)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154
EDN: MUBXBQ

Научная статья / Research article

Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств

Ю.М. Почта¹ , Р.И. Гузаеров²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва,
Российская Федерация

 guzaerov99@bk.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению вопроса создания общего тюркского алфавита сквозь призму интересов Турции в ее попытках сформировать новую идентичность для тюркских государств. Отмечается, что развал Советского Союза и образование пяти новых тюркских государств были позитивно встречены в Турции и дали импульс для активизации пантюркистских идей. Так, одним из аспектов гуманитарного взаимодействия Анкары с новообразованными странами стало сотрудничество в рамках лингвистических реформ, где Турция активно выступала за латинизацию алфавитов тюркских государств. Авторы анализируют феномен языка в деле конструирования идентичности этих государств. Турция, имеющая опыт коренных лингвистических реформ, осознает потенциал таких преобразований на тюркском пространстве. Анкара стремится возглавить данный процесс, чтобы продвигать собственные логики и нарративы, которые в итоге должны прийти к принятию турецкого языка как единого для тюрков. Отмечается, что с переформатированием Организации тюркских государств (ОТГ) наметилась тенденция на возвращение в повестку дня обсуждений единого алфавита для тюркских народов. Анкара продвигает данную тему на экспертных семинарах и заседаниях ОТГ. Делается вывод о том, что стратегия Турции направлена на долгосрочную перспективу и отсутствие быстрых итогов в данной сфере не свидетельствует о ее провале. Анкара планомерно использует весь спектр взаимодействия с тюркскими партнерами, создавая фундамент для будущей интеграции.

Ключевые слова: Турция, тюркский мир, латинизация, тюркские языки, идентичность, организация тюркских государств

© Почта Ю.М., Гузаеров Р.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Почта Ю.М., Гузаеров Р.И. Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 143–154. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154>

Latinization of the Language Under the Leadership of Turkey as a Tool for the Formation of a New Identity for the Turkic Post-Soviet States

Yuriy M. Pochta¹ , Razil I. Guzaerov¹

¹*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation*

²*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation*

 guzaerov99@bk.ru

Abstract. The study examines the issue of creating a common Turkic alphabet through the prism of Turkey's interests in its attempts to form a new identity for the Turkic states. It is noted that the collapse of the Soviet Union and the formation of five new Turkic states were positively received in Turkey and gave impetus to the activation of pan-Turkic ideas. Thus, one of the aspects of Ankara's humanitarian interaction with the newly formed countries was cooperation within the framework of linguistic reforms, where Turkey actively advocated for the Latinization of the alphabet of the Turkic states. The authors analyze the phenomenon of language in constructing the identity of states. Turkey, which has experience in radical linguistic reforms, recognizes the potential of such transformations in the Turkic space. Ankara seeks to lead this process in order to promote its own logics and narratives, which should ultimately lead to the adoption of the Turkish language as a single language for the Turks. It is noted that with the reformatting of the Organization of Turkic States (OTS), there has been a tendency to return to the agenda of discussions of a single alphabet for the Turkic peoples. Ankara promotes this topic at expert seminars, CTG meetings, etc. It is concluded that Turkey's strategy is aimed at the long term and the lack of quick results in this area does not indicate its failure. Ankara systematically takes up the entire spectrum of interaction with Turkic partners, creating the foundation for future integration.

Keywords: Turkey, Turkic world, latinization, Turkic languages, identity, organization of Turkic states

For citation: Pochta, Yu.M., & Guzaerov, R.I. (2024). Latinization of the language under the leadership of Turkey as a tool for the formation of a new identity for the Turkic post-Soviet states. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 143–154. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154>

Введение

Развал Советского Союза был воспринят турецкой элитой в позитивном ключе. Образование новых независимых государств, пять из которых были с тюркским большинством в населении, открыло для Турции новое пространство для деятельности, которое в определенном смысле ранее было для нее недоступно [Yarici 2015: 431–434].

В данном случае Турция представлялась для новых тюркских государств в качестве примера государства, которое успешно реализует свое культурное наследие в глобализирующемся мире, является частью западного общества, осуществляет программу вступления в Европейский Союз. Анкара предлагала собственную модель развития, которая опиралась на социально-экономическое развитие в сочетании с умеренной вестернизацией и опорой на собственное историческое наследие. В таком ключе Турция могла стать для тюркских государств Постсоветского Востока проводником к либерально-демократической глобализации в составе тюрко-исламского мира [Почта 2020: 161–162].

Элиты новообразованных государств хотели разорвать свои отношения с условной метрополией и начать новый этап независимого существования, создавая новую историю страны, как это в свое время сделала Турция. В данном контексте латинизация письменности стала важным вопросом в повестке тюркских государств. Латинизация алфавита в глазах националистических кругов необходима была для борьбы с монополией русскоязычной культуры в науке и образовании и разрыва с советским прошлым [Почта 2020: 161–162]. Отмечается, что латинизация, помимо того что станет проводником глобализации, развития нации, также будет способствовать сохранению культуры народа и станет шагом к объединению тюркского мира [Амирбекова 2019: 16–17].

По сути, латинизация стала частью антиколониального дискурса, где дерусификация виделась важной частью деколонизации новых тюркских государств. Наряду с политическим и экономическим суверенитетом вопрос развития языка и алфавита стал частью самоопределения и независимости тюркских государств постсоветского пространства. Турция, уже прошедшая через подобные трансформации, перешла к активной поддержке данных процессов.

Латинизация тюркских языков и вопрос создания общего тюркского алфавита

Со времен Османской Империи Турция стала центром притяжения для видных деятелей пантюркизма Ю. Акчура, М. Эмин, А. Ферит, Ф. Сабит и др. [Некімоğlu 2017: 41]. Подобная концентрация авторов и активное развитие идей пантюркизма влияло и на общественные настроения. С момента образования Турецкой Республики пантюркизм стал основой развития идей кемализма, а сторонники данной идеологии активно добивались государственной поддержки и политического влияния, в том числе через Партию националистического действия. А глобальные перемены на международной арене в 1991 г. стали дополнительным импульсом для активизации пантюркистской деятельности на постсоветском пространстве¹, что обусловило активное включение Турции в процессы языковых реформ в новых тюркских государствах.

¹ Васильева С.А. Роль идеологии пантюркизма в политических процессах республиканской Турции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2012. С. 19–21.

Анкара начала активно развивать гуманитарную политику в области языковых реформ в тюркских государствах. В частности, началось создание обменных программ для привлечения студентов в Турцию, оказывалась помощь в виде поставок литературы как на турецком, так и на языках тюркских государств, создавались курсы для преподавателей. Турция даже представила трансляции турецких телевизионных программ с субтитрами на латинице в Азербайджане и странах Средней Азии [Landau, Kellner-Heinkele 2001: 127].

Начала формироваться институциональная настройка сотрудничества с тюркскими государствами. Так, было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию, активно выделявшее стипендии для обучения тюркоязычным студентам, открыты совместные учебные заведения (например, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Международный туркмено-турецкий государственный университет в Туркменистане и т.д.), организованы курсы по переподготовке чиновников, преподавателей [Надеин-Раевский 2022: 99–100]. Подобные институты действовали и в языковой сфере. Так, на странице Фонда турецких исследований «Туран», созданного еще в 1980 г., указывается, что цель организации — «максимально популяризировать турецкий язык и сделать его общим языком, который заменит русский»².

В начале 1990-х представители турецкой научной среды начали встречаться с коллегами из новых тюркских государств. Постколониальный дискурс, завернутый в решение языкового вопроса, находил отклик в интеллектуальной среде — прежде всего среди исследователей, включенных в международный символический рынок благодаря грантовой поддержке [Малахов, Летняков 2023: 117]. В 1991 г. прошел первый международный симпозиум современных тюркских алфавитов, где представители тюркских государств собрались, чтобы обсудить политические и экономические последствия изменения системы письменности и «эстетические детали» предлагаемого общего тюркского алфавита³. В итоговом документе симпозиума было указано, что принятие латинского алфавита тюркскими народами представляет собой важнейший элемент укрепления культурного единства и взаимопонимания между тюркскими элементами, что требует принятия латинской графики всеми независимыми тюркскими государствами⁴.

Так, был принят проект общего тюркского алфавита, в основу которого легла турецкая графика, с добавлением еще 5 букв. В рекомендациях к принятию данного варианта алфавита указывалось, что количество букв в алфавите не должно превышать 34 предложенных, каждый звук должен быть представлен одной буквой, идентичные звуки в разных языках должны быть представлены идентичными буквами [Ercilasun 1999: 65].

² Amaç ve Hedeflerimiz // Türk dünyası araştırmaları vakfı. URL: <https://turan.org/amac-ve-hedefler/> (accessed: 30.01.2024).

³ Altuğ B.D. The 1991 International Contemporary Turkic Alphabets Symposium and its Contributions to the Turkic Alphabet Reform. Thesis for the degree: University of Washington, 2014. P. 4–5.

⁴ Ibid. P. 8.

Слабым местом данного симпозиума стало то, что встретившиеся ученые не могли влиять на политические процессы, что делало подписанные рекомендации пустым звуком. Однако в мае 1992 г. и сентябре 1993 г. в Анкаре прошла конференция по турецкому языкознанию (International Conference on Turkish Linguistics), в которой участвовали официальные представители тюркских стран и народов. Впоследствии делегаты пришли к единому мнению о том, что латиница является самой подходящей системой для языков и диалектов тюркских народов. Также было отмечено, что Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан приняли решение о переходе на латинский алфавит. Углубление сотрудничества стало заметно в части издания двуязычных и многоязычных книг по грамматике и словарей на тюркских языках [Landau, Kellner-Heinkele 2001: 127].

Ряд тюркских стран приняли решение о переходе на латинскую графику: Азербайджан в 1991 г., Узбекистан в 1993 г. с редактированием алфавита в 1995 г. и Туркменистан в 1993 г. Примечательно, что Азербайджан в ходе осуществления данного процесса использовал опыт Турции, которая, в частности, изучала опыт латинизации в Азербайджане в 1920-е гг. [Landau, Kellner-Heinkele 2001: 315] Однако страны отошли от варианта общего алфавита, принятого в 1991 г., приведя собственные буквы, более точно отражающие звуки в языке.

В целом процесс создания и принятия общего алфавита зашел в тупик. Страны столкнулись с рядом проблем в виде отсутствия источников финансирования реформ, сложностями переобучения местного населения, затягивания процесса реализации реформ и т.д.⁵ Тюркские государства занимались налаживанием жизни в рамках обретенной независимости. Давление Турции могло спугнуть эти страны, которые не желали бы отдавать свой суверенитет. Решение подобных задач требовало от государств больших сил и средств. Подобная комплексность проблем уже не оставляла места для размышлений о едином языке.

Язык как инструмент национальной политики

Особый интерес Турции к языковому процессу обусловлен важностью этой сферы в процессе нациестроительства. Язык представляет собой категорически дифференцированную культурную практику. Язык служит фактором разделения людей на отдельные, ограниченные сообщества, в чем он переплетается с этническими группами и нациями. Язык — необходимое средство общественной и частной жизни, что обусловлено тем, что данная категория является универсальным и всепроникающим средством социальной жизни. Подобное обстоятельство и объясняет «глубокую и хроническую политизированность» языка [Brubaker 2013: 3–4]. Именно поэтому государства осуществляют языковую политику, сохраняя контроль за этой областью.

⁵ Операция «латиница» // ИАЦ. URL: <https://ia-centr.ru/publications/operatsiya-latinita/> (дата обращения: 04.12.2022).

Языковая политика активно применяется в деле консолидации нации [Осколков 2021: 91]. Характеризуя подобные процессы, М.Н. Губогло ввел понятие «мобилизационный лингвицизм», это форма политического сознания и политической деятельности, где язык и политика в этой сфере становятся основным инструментом этнической политики [Губогло 1998].

Важнейшей задачей в процессе консолидации нации является унификация языка, в том числе с помощью выбора основной одного из диалектов. Подобная политика проецируется Турцией на тюркское пространство. Отсутствие в турецком языке различий между словами «*турецкий*» и «*тюркский*» создает для обывателя из Турции причудливую картину, где существует ряд независимых «турецких» государств, говорящих на разных диалектах турецкого языка. Привычная нам Организация тюркских государств для турок является «Организацией турецких государств». Именно поэтому перед Турцией стоит задача не объединения разных тюркских наций, а укрепления турецкой нации. Не зря в турецком политическом дискурсе существует выражение «одна нация — шесть государств»⁶, которая более активно применяется в форме «одна нация — два государства» во взаимоотношениях с Азербайджаном. Первым делом Анкара озаботилась языковым аспектом данной политики, предлагая создать единый тюркский алфавит турецкого языка, а затем активно поддерживая латинизацию тюркских республик, что должно было облегчить дальнейший переход на турецкий язык.

По сути, Турция пытается повернуть создание единого языка. Как писал Э. Хобсбаум, построение подобного языка происходит из объединения множества реально существующих языков, которые вскоре переходят в статус диалектов [Хобсбаум 1998: 86]. Однако здесь встает вопрос выбора диалекта, который станет основой, а также создание стандартов и унификация грамматики и орфографии. Вопросов с выбором основы у Турции, считающей себя лидером тюркского мира, не было [Güler 2019: 15]. Уже сейчас можно наблюдать, как остальные тюркские языки представляются диалектами турецкого⁷.

В рамках модернистского лингвистического конструктивизма социальная реальность представляет собой социальные факты, конструируемые языком и правилами. «Речевые акты» делают процесс конструирования людьми и общества друг друга непрерывным и взаимным [Adler 2013: 116]. Конструирование реальности языком означает, что он в том числе конструирует этническую идентичность. Как утверждает П.В. Осколков, «язык становится одним из важнейших маркеров отличия «нас» от «них», «своих» от «чужих» [Осколков 2021: 93].

⁶ Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan Bakü'de Tarihi Mesaj: "6 Devlet Tek Milletiz!" // Türkiye Azerbaycan Dergisi. 2019. URL: <https://www.turkiyeeazerbaycan.com/haber/cumhurbaskani-erdogan-dan-baku-de-tarihi-mesaj-6-devlet-tek-milletiz> (accessed: 25.01.2024).

⁷ См.: например: Türkçenin Lehçeleri, Türk Lehçeleri Sözlüğü, Türkçenin Şiveleri // Türkçenin dirilişi. URL: <https://turkceindirilisi.com/turk-lehceleri/turkce-nin-lehceleri-turk-lehceleri-sozlugu-turkce-nin-siveleri-h74923.html> (accessed: 25.01.2024); Berkmen H. Türkçe'nin lehçeleri // Astroset. URL: http://www.astroset.com/bireysel_gelisim/kadim/k48.htm; Türkçenin Lehçeleri // Türkçe Bilgi. URL: https://www.turkcebilgi.com/turkce-nin_lehceleri (accessed: 25.01.2024)

Одним из инструментов формирования новой идентичности для Азербайджана и среднеазиатских государств стала смена системы письменности. Данный процесс выполнял символическую функцию разделения этапов истории страны, что лишь подчеркивает политизированность процесса. Идея смены письменности, зародившись в этих странах, не стала частью академических дискуссий, а обрела стихийный характер, провозгласив чуждость кириллической письменности для тюркских языков. Латиница, в свою очередь, указывалась как путь к развитию, вестернизации и мировой коммуникации. Особенно всплеск количества публикаций с подобным посылом наблюдался в Турции в начале 1990-х гг. [Космарский 2003: 66–67]. Вопрос алфавита стал частью деколонизации и десоветизации новообразованных государств [Landau, Kellner-Heinkele 2001: 125–126].

В практической части данного процесса латинизация тюркских народов необходима была Турции для увеличения схожести их письменности для облегчения процесса разработки общего алфавита, а в лучшем случае — представления собственного формата письма как самого удобного для этих стран. Инициировав и поддержав переход на латиницу, Анкара могла влиять на данные процессы и продвигать собственные нарративы.

Алфавит, который включает в себя семиотическое богатство букв, выступает в качестве инструмента формирования новой национальной и культурной идентичности. Алфавит играет большую роль в том, как общество документирует все, что его окружает, что оно исследует и т.д. Письменность сохраняет информацию во времени, влияя на само понимание этого времени⁸. Язык и его диалекты представляют собой часть ментальной культуры, благодаря которой открывается доступ к интерпретации, распространению и созданию новых кодов общества, что определяет сохранение власти интерпретации над обществом [Siefkes 2010: 231–232].

В данном контексте в тюркских государствах, перешедших на латиницу, возникла серьезная проблема — молодое население данных стран, которое уже не владело кириллическим вариантом своего языка, осталось оторванным от значительного массива собственной литературы во всех областях. Перевод подобного количества литературы требовал больших усилий и средств, которых не было у молодых государств региона. Здесь Анкара снова могла протянуть им руку помощи [Аватков, Гузаеров 2023: 71].

При этом турки понимают важность начатых в регионе процессов. С созданием Турецкой Республики власти страны перешли к пересмотру турецкого языка, который стал одним из инструментов консолидации новой национальной идентичности. Власти перешли к переосмыслению турецкого лексикона и замене слов нетюркского происхождения. Языковая реформа в том числе помогла создать новую базу для национальной истории, основанной «на

⁸ Dumičić Ž. The impact of the development of the alphabet on society // New Mind Eye. 2018. URL: <https://newmindseye.wordpress.com/zarko-dumicic-the-impact-of-the-development-of-the-alphabet-on-society/> (accessed: 25.01.2024)

мифологических и псевдонаучных представлениях о древних тюркских и анатолийских народах» [Salehi 2020]. Таким образом, языковые реформы заложили основы для формирования многосоставной парадигмы исторического сознания, который используется для выстраивания более гибкой политики [Цибенко 2023].

Тем менее некоторые турецкие ученые также обращают внимание на проблему потери связи со своей историей. Так, Мехмед Эйги пишет, что Турция, за редким исключением, утратила свой письменный язык. Тот факт, что современное поколение не способно читать книги, написанные до 1928 г., автор считает большим недостатком культуры⁹. По сути, подобный пережитый опыт помогает Анкаре лучше проработать свою политику в данном направлении.

Возвращение идей создания общего тюркского алфавита

Обсуждение общей тюркской письменности на время ушло из повестки дня отношений тюркских государств, изредка всплывая на некоторых международных форумах. Например, в 2014 г. в Астане прошел международный форум, посвященный дню тюркской (турецкой) письменности, где по итогам заседаний ученые пришли к выводу о важности использования тюркскими народами общего алфавита и письменности¹⁰.

В 2021 г. Совет сотрудничества тюркоязычных государств был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ). Подобный процесс представляется попыткой перезагрузить институт и возобновить его активную деятельность по интеграции тюркоязычных государств. Была принята дорожная карта организации «Видение тюркского мира — 2040», в которой определены основные векторы сотрудничества стран. В части «Образование и наука» обозначена необходимость активизации научных и аналитических исследований по общему языку¹¹.

Для ускорения процесса обсуждения языкового единства в ноябре 2022 г. в г. Бурса (Турция) прошел семинар по общему алфавиту тюркского мира под председательством главы турецкого лингвистического общества Г. Гюльсевина. В рамках семинара ученые из тюркских стран пришли к выводу о том, что общая тюркская письменность станет фактором развития культурных и экономических связей государств ОТГ. Также участники семинара сформировали предложение о создании «Комиссии по созданию единого алфавита» при ОТГ [Гузаеров 2023: 146]. Уже в 2023 г. в Бишкеке прошел международный форум тюркского языка, где обсуждались такие темы, как

⁹ *Eygi M.Ş. Türkiye'nin ön hayati meselesi // Milli Gazete*. 2013. URL: <https://www.milligazete.com.tr/makale/863172/mehmed-sevket-eygi/turkiyenin-on-hayati-meselesi> (accessed: 31.01.2024).

¹⁰ *Kazakistan'da Türk Yazı Günü Uluslararası Forumuna Destek // TİKA*. 2014. URL: https://tika.gov.tr/detail-kazakistanda_turk_yazi_gunu_uluslararasi_forumuna_destek/ (accessed: 30.01.2024).

¹¹ *Turkic World Vision — 2040 // Organization of Turkic States*. URL: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (accessed: 07.12.2022).

языковые проблемы в тюркоязычных странах, изучение общего алфавита, языковая политика в тюркоязычном мире и роль современных технологий в изучении языка¹².

В рамках 10-го саммита Организации тюркских государств президент Турции Р.Т. Эрдоган в своем выступлении подчеркнул особую важность языкового единства для укрепления сотрудничества стран. Начать данный процесс необходимо именно с принятия единого алфавита. Также турецкий президент выразил надежду, что остальные главы государств поддержат данные инициативы¹³.

Помимо всего прочего, под эгидой ОТГ также началась работа по созданию единых учебников для тюркских стран. В 2022 г. Международная тюркская академия утвердила учебники общетюркской истории, географии, литературы. В связи с ограниченными возможностями тюркских государств в создании литературы такие страны, как Турция, развивают данную сферу взаимодействия¹⁴. Однако полная достоверность предложенной общей тюркской истории вызывает определенные сомнения, особенно в части роли Российской империи, СССР в развитии данных территорий и тюркских народов.

Заключение

Как и в прошлом, вопрос создания единого тюркского алфавита является актуальным вопросом пантюркистского дискурса. Турция самопровозгласила себя центром и лидером тюркского мира и начала формировать собственные нарративы в данном направлении, в чем ей помогает большая и проработанная школа пантюркизма, которая складывалась в стране зачастую не представителями коренного населения.

Безусловно, разговоры о создании единого алфавита на данном этапе выглядят элементом популизма и могут не восприниматься как угроза. Однако очевидно, что стратегия Турции направлена на долгосрочную игру, где на начальном этапе может показаться, что эта деятельность не приносит какой-либо выгоды. Начало обсуждения даже таких вопросов, как создание и принятие единого алфавита, свидетельствует, что Анкара пытается захватить весь спектр взаимодействия с тюркскими государствами, создавая фундамент для интеграции и собственного лидерства во всех процессах.

¹² Uluslararası Türk Dil Forumu, TİKA'nın Destekleriyle Kırgızistan'da Düzenlendi // TİKA. 2023. URL: https://tika.gov.tr/detail-uluslararasi_turk_dil_forumu_tika_nin_destekleriyle_kirgizistan_da_duzenlendi/ (accessed: 30.01.2024).

¹³ Türk Devletleri Teşkilatı 10. Zirvesi'nde Yaptıkları Konuşma // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 2023. URL: <https://tccb.gov.tr/konusmalar/353/150063/turk-devletleri-teskilati-10-zirvesi-nde-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.02.2024).

¹⁴ Семенов И.С. Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... // ИМЭМО. 2022. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons> (дата обращения: 02.12.2022).

Можно предположить, что принятие общего алфавита не срочное дело. Скорее оно формирует фундамент для будущих поколений. Уже сейчас видны попытки со стороны Турции формировать новое прочтение как своей истории, так и всей тюркской цивилизации. При этом тюркские деятели, стремясь развить историю своего государства и народов, начинают поддерживать устремления Анкары и подыгрывать ей. А значит, начинается процесс трансформации исторического сознания тюрок постсоветского пространства. Опыт Турции и умение работать с личностями может обеспечить успех деятельности Анкары. Если на данный момент в этом процессе наблюдаются лишь переменные успехи, это не значит, что больших достижений не будет в будущем. Особенно если оставить все на самотек и не формировать альтернативные идеологии и конкурентоспособные институты.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Аватков В.А., Гузаеров Р.И.* Конструирование социальной реальности на тюркском пространстве. Этнолингвистический аспект // *Свободная мысль*. 2023. № 4. С. 69–76.
- Амирбекова А.Б.* Укрепление тюркской идентичности казахского народа — переход на латинскую графику // *European journal of literature and linguistics*. 2019. № 2. С. 15–21.
- Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Гузаеров Р.И.* Социально-культурное взаимодействие стран — участниц Организации тюркских государств (Обзор) // *Социальные новации и социальные науки*. 2023. № 3. С. 143–151. <https://doi.org/10.31249/snsn/2023.03.09>
- Космарский А.А.* Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX — начало XXI века) // *Вестник Евразии*. 2003. № 3. С. 62–85.
- Малахов В.С., Летняков Д.Э.* Колониальная аналогия: о пользе и вреде языка постколониальных исследований в постсоветском контексте // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 6. С. 113–127. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.09>
- Надеин-Раевский В.А.* История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2: Новый этап пантюркистских надежд // *Перспективы. Электронный журнал*. 2022. № 2. С. 94–108. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-94-108>
- Осколков П.В.* Очерки по этнополитологии. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021.
- Почта Ю.М.* Образовательная миграция в России в контексте перехода тюркоязычных постсоветских стран на латинский алфавит // *Образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности: монография / отв. ред. М.М. Мчедлова*. М.: РУДН, 2020. С. 146–170.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя», 1998.
- Цибенко В.В.* Столетие формирования парадигмы исторического сознания в Турецкой Республике: основные акторы и базовые сюжеты // *Ближний и Постсоветский Восток*. 2023. № 4 (4). С. 42–63. <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.04.03>
- Adler E.* Constructivism in international relations: sources, contributions and debates // *Handbook of international relations / ed. by Carlsnaes W., Risse T. and Simmons B.A.* SAGE publications: London, 2013. P. 112–144.

- Brubaker R. Language, religion, and the politics of difference // *Nations and Nationalism*. 2013. No. 19 (1). <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2012.00562.x>
- Ercilasun A.B. The acceptance of the Latin alphabet in the Turkish World // *Studia Orientalia*. 1999. No 87. P. 63–69.
- Güler H. Türk Dünyası'nda ortak yazı dili ve alfabe meselesi // *Türk Etkini*. 2019. No 2. S. 14–20.
- Hekimoğlu V.S.F. Türkiye'de türkçülük hareketinin ortaya çıkması ve türk ocakları // *Akademik İzdüşüm Dergisi*. 2017. No. 2(1). P. 41–50.
- Landau J., Kellner-Heinkele B. *Politics of language in the ex-Soviet Muslim states: Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Tajikistan*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.
- Salehi S. Building a Nation: The Significance of Turkish Language Reforms of Early Republican Turkey in the Creation of the Modern Turkish Nation-State // *University of Toronto libraries*. 2020. URL: <https://jps.library.utoronto.ca/index.php/nmcjournal/article/view/33602/26522>. (accessed: 31.01.2024).
- Siefkes M. Power in society, economy, and mentality: Towards a semiotic theory of power // *Semiotica*. 2010. No. 181. P. 225–261.
- Yapıcı U. Türkiye'nin Güney Kafkasya politikası (1989–1993) // *Alternatif politika*. 2015. No. 3. P. 425–456.

References

- Adler, E. (2013). Constructivism in international relations: sources, contributions and debates. In W. Carlsnaes, T. Risse & B.A. Simmons (Eds.), *Handbook of international relations*. (pp. 112–144). SAGE publications: London.
- Amirbekova, A.B. (2019). Strengthening the Turkic identity of the Kazakh people — transition to Latin script. *European journal of literature and linguistics*, 2, 15–21. (In Russian).
- Avatkov, V.A., & Guzaerov, R.I. (2023). The construction of social reality in the Turkic space. The ethnolinguistic aspect. *The Free thought*, 4, 69–76. (In Russian).
- Brubaker, R. (2013). Language, religion, and the politics of difference. *Nations and Nationalism*, 19(1), <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2012.00562.x>
- Ercilasun, A.B. (1999). The acceptance of the Latin alphabet in the Turkish World. *Studia Orientalia*, 87, 63–69.
- Guboglo, M.N. (1998). *Languages of ethnic mobilization*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russian).
- Güler, H. (2019). Türk Dünyası'nda ortak yazı dili ve alfabe meselesi. *Türk Etkini*, (2), 14–20.
- Guzaerov, R.I. (2023). Social and cultural interaction of member countries of the Organization of Turkic States (Review). *Social innovations and social sciences*, (3), 143–151. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/snsn/2023.03.09>
- Hekimoğlu, V.S.F. (2017). Türkiye'de türkçülük hareketinin ortaya çıkması ve türk ocakları. *Akademik İzdüşüm Dergisi*, 2(1), 41–50.
- Hobsbawm, E.J. (1998). *Nations and Nationalism since 1780*. St. Petersburg: Publishing house “Alethea”. (In Russian). [Hobsbawm, E.J. (1990). *Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality*. New York: Cambridge University Press].
- Kosmarsky, A.A. (2003). Meanings of Latinization in Uzbekistan (late 20th — early 21st centuries). *Bulletin of Eurasia*, 3, 62–85. (In Russian).
- Landau, J., & Kellner-Heinkele, B. (2001). *Politics of language in the ex-Soviet Muslim states: Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Tajikistan*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Malakhov, V.S., & Letnyakov, D.E. (2023). Colonial analogy: On the benefits and harms of the language of postcolonial studies in the post-Soviet context. *Polis. Political studies*, (6), 113–127. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.09>

- Nadein-Raevsky, V.A. (2022). History of Pan-Turkism and its modern supporters. Part 2. New stage of pan-Turkic hopes. *Perspectives. Electronic journal*, (2), 94–108. (In Russian). <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-94-108>
- Oskolkov, P.V. (2021). *Essays on ethnopolitical science*. Moscow: Aspect Press P se. (In Russian).
- Pochta, Y.M. (2020). Educational migration in Russia in the context of the transition of Turkic-speaking post-Soviet countries to the Latin alphabet. In M.M. Mchedlova (Ed.), *Educational migration in the modern world: subjects, strategies, values* (pp. 146–170). Moscow: RUDN. (In Russian).
- Salehi, S. (2020). Building a nation: The significance of Turkish language reforms of early republican Turkey in the creation of the modern Turkish nation-state. *University of Toronto libraries*. Retrieved January 31, 2024, from <https://jps.library.utoronto.ca/index.php/nmcjournal/article/view/33602/26522>
- Siefkes, M. (2010). Power in society, economy, and mentality: Towards a semiotic theory of power. *Semiotica*. (181), 225–261.
- Tsibenko, V.V. (2023). A century of the formation of the paradigm of historical consciousness in the Turkish Republic: main actors and basic plots. *Middle and Post-Soviet East*, 4(4), 42–63. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.04.03>
- Үярісі, U. (2015). Түркіе'нін Гүнеу Кәфкәсуу політкәсі (1989–1993). *Алтернатіф політкә*, (3), 425–456.

Сведення об ауторәх:

Почта Юрій Михайлович — доктор філософських наук, професор, професор кафедри порівняльної політології факультета гуманітарних і соціальних наук, Російський університет дружби народів (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665) (SPIN-код: 5600-3410)

Гузаєров Разіль Ілшатович — молодший науковий співробітник Отделу Близького і Постсоветського Востоку, ІНІОН РАН (e-mail: guzaerov99@bk.ru) (ORCID: 0000-0003-0006-9975) (SPIN-код: 1316-0272)

About the authors:

Yuriy M. Pochta — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Comparative Politics, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665) (SPIN-code: 5600-3410)

Razil I. Guzaerov — Junior Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). (e-mail: guzaerov99@bk.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665) (SPIN-code: 1316-0272)

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ

PROBLEMS OF REGIONAL INTEGRATION AND IMAGE POLICY

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-155-168
EDN: MQVTT0

Научная статья / Research article

Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки

К.Е. Коктыш , А.В. Ренард-Коктыш

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

 kirill.koktysh@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено когнитивному анализу текущего состояния Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) как главного института, интегрирующей сегодня экономики евразийского пространства. Анализируя положенный в основу ЕАЭС европейский принцип «четырёх свобод», авторы приходят к выводу, что дальнейшая реализация последнего будет вести не только к воспроизводству ставших сегодня явными слабостей ЕС, но и к нарастанию внутренней конфликтности, в первую очередь — между корпорациями, которые будут главным образом российскими, и государствами ЕАЭС. Предсказуемым результатом станет снижение функциональности Евразийского Союза, уже принявшее заметные формы. В дальнейшем очевидны риски превращения этой важной переговорной площадки в артефакт, не отвечающий актуальным вызовам, возникшим с началом Россией СВО. Выход авторы видят в «уровневании» принципа «четырёх свобод», де-факто перераспределяющего ресурсы в пользу корпораций, принципа безопасности, экстраполяция которого на экономическую сферу может позволить не только усилить регулируемую роль государств, но и перейти к созданию в рамках ЕАЭС производящего контура, опирающегося на евразийскую систему разделения труда. В своих теоретических построениях авторы апеллируют к успешному опыту Китая, сумевшего ввести систему морально-этических ограничений для бизнеса и тем самым сделавшего выгодным «длинное» инвестирование, ориентированное не на потребление индивида, а на процветание общества в целом.

Ключевые слова: когнитивный анализ, теория метафоры, институциональный дизайн, ЕАЭС, интеграция

© Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В.* Актуальные вызовы и перспективы Евразийской экономической комиссии как переговорной площадки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 2024. Т. 26. № 1. С. 155–168. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-155-168>

New Challenges and Prospects of the Eurasian Economic Commission as a Negotiating Platform

Kirill E. Koktysh , **Anna V. Renard-Koktysh**

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 kirill.koktysh@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the cognitive analysis of the current state of the Eurasian Economic Commission, which is the main institution of integration of the economies of the Western Eurasia. Deconstruction of the European principle of the “four freedoms” that was laid down in the basis of the EAEU allows authors to conclude that further implementation of the latter will lead to the reproduction of the EU’s weaknesses that have become obvious today. Moreover, it will lead to internal conflicts, primarily between corporations, which will be mainly Russian, and the member states. The predictable result will be a decrease in the functionality of the Eurasian Union, which has already taken noticeable forms. It produces the obvious risks of turning of this important negotiating platform into an artifact that does not meet the challenges that arose with the beginning of Russia’s Special military operation. The authors see a way out in «balancing» the principle of «four freedoms», which de facto leads to redistribution of resources in favor of corporations, with the principle of security. The extrapolation of latter to the economic sphere can allow not only to strengthen the regulatory role of states, but also to move to the creation of a production circuit within the Eurasian Economic Union based on the common system of division of labor. In their theoretical constructions, the authors appeal to the successful experience of China, which managed to introduce a system of moral and ethical restrictions for business, and thereby managed to make profitable a «long» investment focused not on the consumption of an individual, but on the prosperity of society as a whole.

Keywords: cognitive analysis, theory of metaphor, institutional design, EAEU, integration

For citation: Koktysh, K.E., & Renard-Koktysh, A.V. (2024). New challenges and prospects of the Eurasian Economic Commission as a negotiating platform. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 155–168. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-155-168>

Переговоры и теория метафоры

Прежде чем приступить к рассмотрению кейса ЕЭК как переговорной площадки России и остальных стран — членов Евразийского союза, представляется уместным рассмотреть теорию переговоров, являющуюся базовой компонентой теории международных отношений [Алексеева 2018] с точки зрения их когнитивных оснований. Действительно, любая международная переговорная транзакция строится вокруг тех целей, которые ставит перед собой каждая из сторон,

а долгосрочные цели всегда имеют форму метафоры [Лакофф 2004], имплицитно содержащей в себе и картину мира, т.е. ту систему координат, из которой де-факто исходят стороны [Holsti 1976: 30], и ценности, являющиеся критерием успешности, и вытекающие из них практики [Абельсон 1987]. Политическая метафора, в свою очередь, задается семантикой доминирующего — в рамках переговорной трансакции — института, который и является главным ее бенефициаром. Таких институтов три, это институты власти, институты экономические и нормативные [Коктыш 2021a]. Институционализация переговоров, т.е. превращение переговорной площадки в международную организацию, «цементирует» сформированный метафорой дискурс, задавая рамки, направление и смыслы дальнейших трансакций.

Интерес для нас представляет ситуация, когда емкость метафоры исчерпывается: с очевидностью это происходит тогда, когда дальнейшая реализация дискурса входит в конфликт с интересами других институтов, присутствующих в договаривающихся сторонах, т.е. располагаемые ими ресурсы оказываются оспариваемыми [Jonsson 1982]. Так, например, реализация экономической интеграции — а именно она лежит в основе Евразийского союза — на определенном этапе с неизбежностью будет оспаривать те ресурсы, которыми располагают институты власти. В этой ситуации международная организация будет превращаться в реликт — отказаться от нее невозможно, поскольку вокруг нее уже создана нормативно-правовая база, но и дальше ее развивать становится невозможным [Хрусталева 2008: 70–76]. Очевидно, на практике это будет вести к фактическому саботажу дальнейших решений проигрывающими государствами-участниками и переговорная площадка становится бесполезной. Тем не менее теоретическое решение этой проблемы есть, для этого необходимо расширить смысловое пространство переговоров, привнеся в него качественно иную метафору, позволяющую учесть цели и задачи других институтов: тогда переговоры обретают новое измерение, а вместе с ним — и новый объем.

Вызовы Евразийского пространства

Уже очевидно, что глубокая конфронтация, в которой сегодня находится Россия с Западом, не ситуативна, а вполне системна: консолидированный Запад пытается отстоять прежние однополярное устройство мировой политики, которое явно исчерпало свой ресурс и по сути перестало быть далее возможным. Соответственно, это потребует системных же ответов, предполагающих ответную консолидацию незападного мира, в один из центров которой с началом СВО по факту превратилась Россия, не только на прагматичных, но и ценностных и онтологических основаниях [Харичев и др. 2022: 9–19]. Эмансипация от западной цивилизации, частью которой мыслили себя большую часть постсоветского периода и российские элиты, — задача сложная и неодномоментная. При этом эта задача имеет не только внутреннее, но и внешнеполитическое измерение: для России критически важно в процессе трансформации удержать свою

зону цивилизационного влияния, на сегодня оформленную такими интеграционными объединениями, как ЕАЭС и ОДКБ.

Очевидно, что артикуляция системного ответа должна исходить от института государства. Однако ценностное и мировоззренческое оформление собственной инаковости, начавшееся с декларации властью принципов консерватизма и закрепления традиционных ценностей в конституции, — это ровно то, чего до сих пор пытались избегать российские элиты [Birjukov, Sergeev 1997]. Негативный опыт коллапса СССР, столкнувшегося с ригидностью советской идеологии, породил у них глубокое недоверие к любой идеологии вообще, что и было зафиксировано в статье 13 Конституции России, запрещающей доминирование любой государственной идеологии¹. Доминирующей установкой постсоветского периода надолго стал прагматизм, позволяющий ориентироваться на результат при фактическом отсутствии связывающих идеологических ограничений — попросту говоря, исключая идеологический инструментарий из актуального арсенала управленческих технологий. В условиях, пока Россия, а за ней и остальные страны постсоветского пространства ставили себе целью интеграцию в мировую экономику на условиях Запада, это представлялось вполне эффективной позицией, обеспечивающей высокую свободу маневра. «За кадром», впрочем, оставался тот момент, что заимствуемые правила игры [Норт 1997] — а в строительстве ЕАЭС они были прямо заимствованы у ЕС — уже сами по себе есть идеология: их структура [Эко 1998] программирует единственно возможные исходы. Последние, разумеется, либеральные — в том смысле, что они по умолчанию предполагают международные корпорации, а не государства в качестве главных акторов на регулируемом ими пространстве.

Корпоративное строительство и стало де-факто подразумеваемой целью ЕАЭС — в его основу положен тот же принцип «четырех свобод», что и в ЕС [Полякова 2016: 66–68] — это свобода перемещения товаров, услуг, трудовых ресурсов и финансов². Его последовательная реализация, по идее, должна привести к оформлению на евразийском пространстве крупных евразийских капиталистических корпораций, которые де-факто и должны будут стать главными его интеграторами: «преимущества свободного движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы означает осознанную необходимость принятия рисков государствами – участниками ЕАЭС» [Красавина 2016: 173–174]. Надо понимать, что в отсутствии идеологических ограничений в части возможности извлечения прибыли, к примеру реализованных в Китае полтора года назад в ходе «цифровой культурной революции» [Коктыш, Ренард-Коктыш 2021: 26–46], корпорация — альтернативный государству интегратор: последнее заинтересовано в наличии общества как поддерживающего его социального субъекта, корпорация же, напротив, в его расщеплении на потребляющих индивидов. Этот императив задает сама логика потребительской экономики: самый быстрый оборот

¹ Конституция Российской Федерации.

² «Четыре свободы» в ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-02-2016-inf.aspx> (дата публикации: 02.02.2016)

денег, максимальную прибыль за минимальное время, обеспечивает навязанное потребление, когда метафора товарности распространяется на изначально чуждые ей сферы, как, например, морально-этические нормы и установки. В этом контексте ЛГБТ-повестка и трансгендерность на Западе являются в первую очередь формированием «под себя» фармакологическими корпорациями США пожизненного рынка сбыта лекарственных средств, став легальной альтернативой наркотикам. Действительно, результатом функционирования государства является порядок, корпораций — свобода: покупая продукты питания, человек приобретает свободу от голода, одежду — от холода и непогоды и т.д. Затоваривание рынков традиционных товаров логичным образом ведет к экспансии концепта свободы на нематериальные сферы: свобода от общества, свобода от государства и, наконец, свобода и от собственного тела.

Китай эту проблему решил, властью КПК имплементировав в качестве регулятивной для бизнеса нормы метафору поддержания нравственного состояния общества. Он установил жесткие морально-этические ограничения на навязанное потребление, тем самым превратив свои корпорации в конструктивную и позитивную силу: единственно возможным, и в силу этого выгодным, стало «долгое» инвестирование в рамках традиционных китайских ценностей. Однако ни в России, ни в большинстве стран ЕАЭС, за исключением Белоруссии, где после событий 2020 г. альтернативой КПК стало Всебелорусское народное собрание [Коктыш 2021b: 91–110], к системному решению этой проблемы не подошли. В этом плане, повторимся, институционально запрограммированная эволюция ЕАЭС — это развитие и усиление корпораций, не все из которых, учитывая членство в ВТО России, Армении и Киргизии, могут быть евразийскими [Перская 2016: 35–38], хотя последний фактор на сегодня сильно «уравновешивается» санкционной реальностью. По сути, речь идет о воспроизводстве на евразийском пространстве той же смысловой реальности, что и в ЕС, заданной структурой основополагающих принципов, по сути — его копии, которая по определению будет повторять оригинал. И в этом плане может оказаться прав глава европейской дипломатии Жозеп Боррель, заявивший, что «народы Запада, ЕС и США, были и остаются властелинами мира, пока устанавливают стандарты»³: ни о каком содержательном размежевании с Западом говорить не придется.

Это создает отложенную угрозу и для ЕАЭС, и для других интеграционных образований на территории бывшего Советского Союза: не говоря уже о вероятности воспроизводства слабостей ЕС [Калиш 2016: 226], в полной мере выявившихся с началом СВО на Украине — так, очевидно, что ЕС потерял значимую часть своей субъектности, — получающаяся «на выходе» ценностная одинаковость крайне затрудняет обоснование необходимости союза с Россией для входящих в ЕАЭС стран [Ткаченко 2016: 205–210]. Дальнейшее нарастание противостояния России и Запада чревато укреплением в странах Евразийского союза прозападных элит, которые будут

³ Global Progressive Forum. 2021. URL: <https://youtu.be/47xtqc2dBOM?t=2919> (accessed: 30.11.2023).

опираться на простой меседж — если мы в любом случае строим ту же самую, по сути — западную экономическую конструкцию, то конфликт России и Запада носит не цивилизационный, а ситуативный характер. Тогда какой смысл в санкционных издержках, риску которых страны ЕАЭС подвергаются вследствие ориентации на Россию? События в Белоруссии 2020 г. [Коктыш 2021b: 91–110; Пономарева 2021] в Казахстане в начале 2022 г. и политика балансирования между Россией и Западом нынешнего руководства Армении наглядно демонстрируют неиллюзорность такого рода угрозы. Вероятно, эти соображения, в числе прочих, стали аргументом для принятия Владимиром Путиным и Си Цзиньпином совместного заявления «о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии»⁴, в котором решительно отвергаются попытки «отдельных государств навязывать свои демократические стандарты и присвоить себе монопольное право на оценку уровня соответствия критериям демократии»⁵, и декларируется опора России и Китая на собственные «глубокие традиции демократии, основанные на тысячелетнем опыте развития, широкой народной поддержке и учете нужд и интересов граждан»⁶.

По сути, это означает, что необходимость ценностной «отстройки» от Запада на уровне российского руководства осознана, процесс начался. В отношении Евразийского экономического объединения это будет означать, что к прагматичным основаниям его существования с неизбежностью должны быть добавлены и ценностные, которые должны стать мощными аргументами для создания общих смыслов существования евразийского пространства, ориентированного на Россию в качестве его ядра и стержня.

ЕАЭС и институциональные ограничения

По идее, СВО, обозначив выбор России в пользу создания собственной суверенной экономики, должна была интенсифицировать интеграционные процессы на евразийском пространстве, породив тренд к восстановлению — на новом уровне — советской системы разделения труда. Однако эти процессы сегодня успешно реализуются в рамках другого интеграционного объединения, Союза России и Белоруссии: последняя весьма активно и успешно включилась в процессы замещения продукции ушедших с территории России западных производителей, чему способствует сохраненный Минском советский промышленный потенциал и образовательная система подготовки квалифицированных кадров. Идет интенсивный диалог и со странами Центральной Азии — в фокусе внимания вопросы взаимодействия в области безопасности и сотрудничества

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 04.02.2022. URL.: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 30.11.2023).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

в гуманитарной области⁷, — но он идет в двустороннем формате, вне рамок ЕЭК, которая в новых условиях оказалась малоприспособленной для этого площадкой.

Действительно, ЕЭК с началом СВО заняла откровенно выжидательную позицию. Первая, но не единственная причина тому — явное желание ряда стран — участниц ЕАЭС дожидаться большей определенности в противостоянии России и Запада, оформляемое как намерение воздержаться от решений, которые могут стать причиной ввода Западом санкций против них. Традиционная для постсоветских стран политика балансирования, разумеется, является проблемой, но она не столь деструктивна: речь в любом случае идет не о готовности занять сторону Запада. В случае негативного для России исхода СВО, при наличии фактора Китая для стран Центральной Азии прозападная позиция невозможна. Речь идет о намерении выторговать в этом случае у Москвы новые выгоды и преференции. Вторая же, и не менее существенная причина — сама институциональная конструкция ЕЭК, ограничивающая ее мандат теми же «четырьмя свободами». «Расширить» этот концептуальный фундамент в условиях разнородности ценностных оснований правящих элит стран-участниц сегодня крайне проблематично, что существенно снижает потенциал ЕЭК как переговорной площадки: сегодня через Высший Евразийский экономический Совет, принимающий решения консенсусом, можно проводить только формально прагматические, «очищенные» от ценностей решения.

В силу этого ЕЭК сегодня функционирует в условиях конфликта между собственным устройством и задачами, которые стоят перед ней: ее дизайн, де-факто задающий прагматику принимаемых Комиссией решений, уже не отвечает тем запросам, которые возникли с началом СВО. И главным таким противоречием является взятый Россией и Белоруссией курс на всемерное сохранение и укрепление собственного суверенитета: применительно к ЕАЭС это означает необходимость превращения последнего не только в торговую, но и мощную производственную площадку. Эта цель по определению не может быть достигнута только усилиями корпораций — для ее достижения требуется постоянное участие государств, в первую очередь — российского, и масштабы такого участия существенно выходят за пределы обычного регулирования.

Нельзя сказать, что на уровне ЕЭК эта проблема не вполне осознается. Одним из признаков этого является то, что с началом СВО медийная политика ЕЭК по большому счету ушла в «информационную тень». Действительно, можно сказать, что в рамках прежнего подхода ЕЭК уже выполнила большую часть вполне нужных технических задач по гармонизации внутренних стандартов и вплотную подошла к пределу, когда дальше уже необходимы переосмысление и трансформация ее основополагающих установок. В этом плане вполне логично и даже мудро, что период громких инициатив в функционировании

⁷ Лавров сообщил о росте товарооборота между Россией и Белоруссией до \$45 млрд в 2022 г. 22.05.2023. URL: <https://news.rambler.ru/politics/50742437-sergey-lavrov-zayavil-o-roste-tovarov-oborota-mezhdu-rossiyei-i-belorussiei/> (дата обращения: 30.11.2023).

ЕЭК сменился относительно «тихой» политикой инкрементализма [Lindblom, Cohen 1979], когда «дорабатываются», в той степени, в какой это возможно и целесообразно, прежние проекты.

ЕЭК: политика «малых шагов»

Необходимо отметить, что инкрементализм оказался относительно эффективным инструментом применительно к обстоятельствам, позволив ЕЭК скорректировать ряд вполне системных и актуальных вещей. Так, во время председательства Армении была скорректирована стратегия ЕАЭС, идея единого пространства «От Лиссабона до Владивостока»: перестав быть реальной уже в 2014 г., она формально не была отменена, но была уравновешена проектами сотрудничества с Китаем (Экономический пояс Шелкового пути). Во время текущего белорусского председательства в ЕЭК появилась должность министра по интеграции и макроэкономике ЕАЭС, этот пост занял академик С.Ю. Глазьев, равно как и должность министра по промышленности и агропромышленному комплексу.

Эти «малые шаги» на самом деле существенны, позволяя частично преодолеть институциональные ограничения «четырёх свобод», которые до начала СВО вовсе не осмысливались в качестве таковых. Так, общая индустриальная политика [Котляров 2016: 57], а макроэкономика предполагает приближение к ней вплотную, на самом деле могла бы стать основой для формирования фундамента будущих ценностей Евразийского союза, явочным порядком вовлекая в строительство ЕАЭС в качестве полноценных участников, обладающих собственным инструментарием, институты государства. Участие в создании новой стоимости, а именно об этом идет речь в рамках индустриальной политики [Симонов 2016: 28–33], автоматически выращивает на местах заинтересованные в интеграции экономические элиты, увеличивая их удельный вес по сравнению с традиционными для большинства стран ЕАЭС, кроме Белоруссии, ориентированными на внешние рынки «рентными» элитами. По идее, экстраполяция успешного опыта белорусско-российского Союза на евразийское пространство давно назрела: закрепление за странами — участницами ЕАЭС своих уникальных позиций «акционеров» могло бы кардинально снизить внутреннюю конфликтность, и некоторые шаги в этом направлении можно делать явочным порядком, без на сегодня проблематичного внесения назревших изменений в сам дизайн ЕАЭС, когда принципы свободной торговли были бы уравновешены принципами протекционизма в критичных для каждой страны областях⁸.

Еще одним направлением развития ЕАЭС — по сути, в рамках той же политики инкрементализма — стали соглашения о зонах свободной торговли, которые заключаются с учетом нужд экономик стран союза в первую

⁸ Коктыш К.Е. Евразийский союз: необходима способность элит к идеологическому творчеству // Портал МГИМО. URL: <http://mgimo.ru/news/experts/document234347.phtml> (дата обращения: 11.11.2023).

очередь в части импортозамещения. Так, В 2018 г. было подписано временное соглашение с Ираном, постоянные соглашения заключены с Вьетнамом и Сингапуром, а также ведутся переговоры о ЗСТ с Египтом, Израилем, Индией, Сербией. Особый интерес в этом контексте вызывает сотрудничество с Ираном, сближение с которым успешно началось в рамках российской операции в Сирии и давно перешло на уровень доверительных и во многом партнерских отношений, позволивших перейти к созданию логистического коридора «Север — Юг», который соединит Россию, Иран и Индию. Иран поддерживает российскую СВО, исторически имеет существенное влияние в регионе Центральной Азии и в Афганистане, нацелен на борьбу с радикальными исламистами и, кроме прочего, является одним из конечных пунктов проекта Экономического пояса Шелкового Пути (ЭПШП). Однако в сегодняшнем контексте едва ли не более интересен иранский опыт многолетнего успешного развития с опорой на собственные в условиях американских санкций: Иран сумел остаться промышленной державой, в полной мере сохранив и развив собственную инженерную школу.

Кроме того, в период армянского председательства в ЕЭК возникло еще одно направление — внутренние рынки информатизации и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Направление крайне важное, и возникло оно не с нуля, в подчинение нового министра — ныне это представитель Армении Симонян В.А. — целиком вошел прежний Департамент информационных технологий, который состоял из отделов информационного обеспечения и унификации электронных документов, координации работ по созданию и развитию интегрированной информационной системы, организации эксплуатации и развития информационных систем и баз данных, и информационной безопасности. Сфера эта, как известно, крайне чувствительна, и ее развитие, порождая новые возможности, автоматически порождает и новые уязвимости. Последнее особенно актуально в свете выявившейся с началом СВО необходимости постепенного ухода России от западного оборудования и программного обеспечения — процесс, который начался, но еще далек от своего завершения. Впрочем, насколько можно судить по заявлениям управленцев ЕЭК, пока работа в этой области концентрируется в области электронной коммерции и создания внутренних рынков без барьеров и ограничений за счет улучшения обмена данными. Результативность этого направления на данный момент спорна в силу уже неоднократно упоминавшегося отсутствия у стран ЕАЭС единого ценностного видения будущего евразийского союза: прежнего проекта интеграции в мировую экономику уже по сути нет, а альтернативный еще не согласован. В этом контексте создание декларированного «ИТ-трансграничного пространства доверия» только за счет процедур согласования для обеспечения межгосударственного обмена данными и электронными документами между уполномоченными органами не выглядит сегодня достижимой целью. ИТ-интеграция, пройдя необходимый путь гармонизации базовых стандартов, затем явно наткнется на содержательные препятствия в виде несогласованности целей и задач дальнейшего развития ЕАЭС между участниками.

На этом, похоже, потенциал инкрементализма будет исчерпан. В равной мере, впрочем, представляется исчерпанным и потенциал принципа «четырёх свобод»: дальнейшее снижение возможностей правительств вмешиваться в конкуренцию корпораций и «защищать своих» будет вести к выделению крупнейших игроков, где предсказуемо основными будут российские корпорации топливно-энергетического сектора. Для остальных участников ЕАЭС таких корпораций на данный момент не просматривается в принципе⁹, что в худшем варианте будет вести к превращению Евразийского союза, по мнению Ю. Солозובה, в либеральную империю в духе Чубайса, когда российская монополия поглощает рынки сырья и рабочую силу и захватывает соседние более слабые страны¹⁰. В худшем — поскольку тогда остальные участники будут декларировать рост оппозиционных настроений в своих странах по поводу «российского империализма» и, пользуясь правом консенсуса, попросту будут блокировать те решения ЕАЭС, которые, по их мнению, будут вести к ущемлению их суверенитета. И если Минск эту проблему для себя решил на двусторонней основе, получив в рамках Союзного государства и доступ своих экономических субъектов к участию в российской госзаказе, и возможность формировать общую индустриальную политику, то для остальных участников ЕАЭС эта конфликтность остается неснятой.

Безопасность как перспективный интегратор ЕАЭС

В силу всего вышесказанного ЕЭК сегодня рискует превратиться в артефакт, в инструмент интеграции, достаточно ценный, который позволил провести гармонизацию базовых стандартов и создал для этого необходимую нормативно-правовую базу, но на данный момент выработал свой ресурс: актуальные проблемы сегодня решаются вне этого института, на двустороннем уровне. Тем не менее проблема представляется разрешимой — как минимум на концептуальном уровне. Для этого, как уже отмечалось, вполне возможно творчески переосмыслить опыт Китая, уравнившего свободу бизнеса метафорой справедливости по отношению к обществу, и уравновесить принцип «четырёх свобод» концептом безопасности. Действительно, в сегодняшних условиях именно безопасность может стать естественным интегратором Евразийского союза, обретая форматы, легитимирующие первичность роли государств в решении всех жизненно важных проблем собственных обществ. Так, на сегодня очевидно актуальна безопасность физическая, что продемонстрировали события в Казахстане в начале 2022 г. Не менее актуальной в свете распространения социальных сетей стала и безопасность информационная, свидетельством чего стала попытка «цветной революции»

⁹ Хазин М.Л. Что будет с российским предпринимательством в 2013-м. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_23116 (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁰ Эксперт: Евразийский союз не должен становиться «либеральной империей в духе Чубайса». ИА REGNUM, 2013. URL: <https://regnum.ru/article/1671770> (дата обращения: 11.11.2023).

в Белоруссии в 2020 г. В связи с взятым Россией курсом на импортозамещение естественной становится и концептуализация безопасности экономической [Гапоненко 2016: 221–225]. Геополитическая логика, имеющая в своей основе концепт безопасности, имеет хорошие перспективы своего развития и легитимации: создание самодостаточной евразийской экономики потребует восстановления в обновленном виде советской системы разделения труда там, где это возможно, и оно по определению будет опираться на экономгеографию [Григорьев 2014], т.е. на понимание сырьевых, промышленных и человеческих потенциалов стран ЕАЭС. Собственно, это ровно та логика, которая, будучи сегодня привнесенной в деятельность ЕЭК, позволит создать долгосрочную основу для конструктивного переговорного процесса с государствами — членами Евразийского союза.

Действительно, концепт безопасности в сегодняшних условиях может быть легитимно добавлен в повестку дня ЕЭК без пересмотра ее основополагающих документов: ни одно из государств-членов не будет утверждать, что он в ней не нуждается. Качественное изменение пространства «четырех свобод», а речь пойдет именно об этом, может позволить снять внутреннюю конфликтность, легитимировав разумный протекционизм там, где это необходимо, закрепив за субъектами ЕАЭС свои суверенные экономические зоны. Что едва ли не более важно, выстраивание новой системы разделения труда в рамках евразийского производящего контура будет культивировать на местах экономические элиты, заинтересованные в ЕАЭС, а не во внешних рынках.

Поступила в редакцию / Received: 14.07.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 11.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Абельсон Р. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В.М. Сергеев, П.Б. Паршин ; общ. ред. В.В. Петрова. М., 1987. С. 317–380.
- Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Гапоненко В.Ф. Развитие Евразийского экономического союза в контексте экономической безопасности Российской Федерации // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 221–225.
- Григорьев О.В. Эпоха роста: лекции по геоэкономике. Расцвет и упадок мировой экономической системы. М.: Карьера Пресс, 2014.
- Калиш Я.В. Политические аспекты евразийской интеграции в контексте опыта ЕС // Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 226–230.

- Коктыш К.Е.* Белоруссия: новая геополитическая реальность? // *Полис. Политические исследования*. 2021а. № 3. С. 91–110. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07>
- Коктыш К.Е.* Дискурс рационализма, свободы и демократии. М.: МГИМО-Университет, 2021b.
- Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В.* Когнитивное измерение безопасности // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 26–46. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.4.67.3>
- Котляров Н.Н.* Развитие кластерных систем в контексте промышленного сотрудничества государств — участников ЕАЭС // *Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов* / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 55–59.
- Красавина Л.Н.* Перспективы развития евразийской интеграции от Евразийского экономического союза к экономическому и валютному союзу (в аспекте опыта зоны евро) // *Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов* / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 170–176.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Перская В.В.* Развитие реального сектора стран ЕАЭС и глобальные цепочки стоимости // *Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов* / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 35–38.
- Полякова О.В.* Формирование единого рынка ЕАЭС: препятствия на пути реализации «четырех свобод» // *Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов* / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 66–68.
- Пономарева Е.Г.* Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // *Обозреватель — Observer*. 2021. № 2 (373). С. 5–28.
- Сергеев В.М.* Народовластие на службе элит. М.: МГИМО-Университет, 2013.
- Симонов В.В.* Проблемы развития региональной интеграции и кредитной поддержки реального сектора экономики // *Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов* / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 28–34.
- Ткаченко А.А.* Культурологические аспекты развития Евразийского экономического союза в условиях глобальных вызовов // *Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции и глобальных вызовов* / под ред. Л.Н. Красавиной. М.: Финансовый университет, 2016. С. 205–211.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // *Журнал политических исследований*. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
- Biryukov N., Sergeyev V.* Russian politics in transition. London: Routledge, 1997.
- Holsti O.* Foreign Policy Formation Viewed Cognitively / ed. by R. Axelrod. Structure of decision: The Cognitive Maps of Political Elites. Princeton, 1976.
- Cognitive Dynamics in International Politics* / ed. by C. Jonsson. London, 1982.
- Lindblom Ch., Cohen D.* Usable Knowledge: Social Science and Social Problem Solving. New Haven, CT: Yale University Press, 1979.

References

- Abelson, R. (1987). Structures of persuasion. In V.M. Sergeev & P.B. Parshin (Eds.), *Language and modeling of social interaction* (pp. 317–380). Moscow. (In Russian).
- Alekseeva, T.A. (2018). Contemporary political thought (XX–XXI centuries): Political theory and international relations. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Biryukov, N., & Sergeev, V. (1997). *Russian politics in transition*. London: Routledge. (In Russian).
- Eco, U. (1998). *La Struttura Assente*. S.-Petersburg, Petropolis. [Eco, U. (1998). *La Struttura assente: la ricerca semiotica e il metodo strutturale*. Bompiani].
- Gaponenko, V.F. (2016). Development of the Eurasian Economic Union in the context of Russian economic security. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges*. (pp. 221–225). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Grigoriev, O.V. (2014). *The epoch of growth. Lectures on economics. The rise and decline of the world economic system*. Moscow: Career Press. (In Russian).
- Holsti, O. (1976). Foreign policy formation viewed cognitive. In R. Axelrod (Ed.), *Structure of decision: The cognitive maps of political elites*. Princeton.
- Jonsson, C. (Ed.). (1982). *Cognitive dynamics in international politics*. London.
- Kalish, Y.V. (2016). Political aspects of the Eurasian integration in the context of the EU experience. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges*. (pp. 226–230). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Kharichev, A.D., Shutov, A.Yu., Polosin, A.V., & Sokolova, E.N. (2022). Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials) *Journal of political researches*, 6(3), 9–19. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>.
- Khrustalev, M.A. (2008). *Analysis of international situations and political expertise: Essays on theory and methodology*. Moscow: NOFMO. (In Russian).
- Koktysh, K.E. (2021a). Belarus: A new geopolitical reality? *Polis. Political studies*, 3, 91–110. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07>
- Koktysh, K.E. (2021b). *The discourse of rationalism, liberty, and democracy*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Koktysh, K.E., & Renard-Koktysh, A.V. (2021). The cognitive dimension of security. *International Trends*, 19, 4(67), 26–46. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.4.67.3>
- Kotlyarov, N.N. (2016). Development of cluster systems in the context of industrial cooperation among the EAEU member states. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 55–59). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Krasavina, L.N. (2016). Perspectives of development of the Eurasian integration from the Eurasian Economic Union to the Economic and Monetary Union (based on the experience of the euro area). In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 170–176). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Lakoff, G., & Johnsen, M. (2004). *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS. (In Russian). [Lakoff, G., & Johnsen, M. (2003). *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press].
- Lindblom, Ch., & Cohen, D. (1979). *Usable knowledge: Social science and social problem solving*. New Haven, CT: Yale University Press.
- North, D. (1997). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Moscow (In Russian). [North, D. (1990). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Cambridge; New York: Cambridge University Press].

- Perskaya, V.V. (2016). Development of the real sector of the EAEU member states and global value chain. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 35–38). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Polyakova, O.V. (2016). Development of the EAEU's single market: obstacles to the implementation of the "four freedoms" concep. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 66–68). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Ponomareva, E.G. (2021). Protest movement in Belarus: Evolution, technologies, symbols. *Obozrevatel — Observer*, 2(373), 5–28. (In Russ.).
- Sergeev, V.M. (2013). *Democracy in the service of the elites*. Moscow: MGIMO University. (In Russian).
- Simonov, V.V. (2016). Issues of the development of regional integration and credit support for the real sector of the econom. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 28–34). Moscow: Financial University. (In Russian).
- Tkachenko, A.A. (2016). Cultural aspects of development of the Eurasian Economic Union amid global challenges. In L.N. Krasavina (Ed.), *Trends and prospects of development of the Eurasian Economic Union in the context of the experience of European integration and the global challenges* (pp. 205–211). Moscow: Financial University. (In Russian).

Сведения об авторах:

Коктыш Кирилл Евгеньевич — доктор политических наук, профессор кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: kirill.koktysh@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7507-1669) (SPIN-код: 7619-0344)

Ренард-Коктыш Анна Витальевна — аспирант кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: renard.anna@gmail.com) (ORCID: 0009-0006-8510-7406) (SPIN-код: 5466-3873)

About the authors:

Kirill E. Koktysh — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: kirill.koktysh@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6555-0391) (SPIN-code: 7619-0344)

Anna V. Renard-Koktysh — Postgraduate Student of the Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: renard.anna@gmail.com) (ORCID: 0009-0002-6307-5643) (SPIN-code: 5466-3873)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-169-180

EDN: LKVPWB

Научная статья / Research article

Имиджевая политика государств Большого Каспия: факторы и барьеры формирования имиджа макрорегиона

Е.В. Морозова

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань,
Российская Федерация*

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ morozova_e@inbox.ru

Аннотация. Формирование имиджа страны является одним из компонентов политики конструирования национальной идентичности. Целью данного исследования является выявление содержательных характеристик политики трех государств Прикаспия — Казахстана, Туркмении и Азербайджана — в отношении формирования как имиджа своих стран, так и макрорегиона. Используется концепт «дискурсивной силы», эмпирическими методами выступили онлайн-опрос, фокус-групповые и экспертные интервью. Автор характеризует основные группы факторов, влияющих на конструирование имиджа в рассматриваемых странах, выделяет типы имиджевой политики, основные стратегии и технологии. Основное внимание уделено проблемам и перспективам формирования имиджа Каспийского макрорегиона. По данным анкетирования граждан Казахстана, Туркмении и Азербайджана, структурными характеристиками имиджа макрорегиона могли бы стать экосистема Каспийского моря и общее советское прошлое. Основные барьеры продвижения имиджа макрорегиона — лакуна субъектности в части институтов, общих стратегий и технологий, неравномерная включенность стран макрорегиона в глобальное и региональное информационное пространство, характер центр-региональных отношений в странах региона, существующая конкуренция макрорегиональных проектов. В современном миропорядке Каспийский макрорегион можно рассматривать как потенциальный «центр силы», обладающий огромными материальными и духовными ресурсами развития. Конструирование его имиджа, его продвижение в качестве одного из гуманитарных компонентов развивающегося сотрудничества стран «Каспийской пятерки» становится важным в условиях деглобализации и создания мегарегиональных проектов, устанавливающих новые стандарты и нормы взаимодействия.

Ключевые слова: Каспийский макрорегион, имидж, имиджевая политика, имиджевые стратегии, коммуникативные барьеры, дискурсивная сила

© Морозова Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Морозова Е.В. Имиджевая политика государств Большого Каспия: факторы и барьеры формирования имиджа макрорегиона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №1. С. 169–180. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-169-180>

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Image Policy of the Greater Caspian States: Factors and Challenges to Forming the Macro-Region Image

Elena V. Morozova

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ morozova_e@inbox.ru

Abstract. The formation of the country's image is one of the components of the national identity policy construction. The purpose of this study is to identify the substantive characteristics of the policy of the three Caspian states — Kazakhstan, Turkmenistan, and Azerbaijan — within the formation of both the image of their countries and the macro-region. The concept of the 'discursive power' is applied; the empirical methods used are an online survey, focus group and expert interviews. The author characterizes the main groups of factors influencing the construction of the image in the countries under consideration, identifies the types of image policies, main strategies, and technologies. We focused on the problems and prospects of forming the image of the Caspian macro-region. According to the surveys of citizens conducted in Kazakhstan, Turkmenistan and Azerbaijan, the structural characteristics of the macro-region image are as follows: the ecosystem of the Caspian Sea and the common Soviet past. The main challenges to promoting the image of the macro-region are the lacuna of agencies in terms of institutions, general strategies and technologies, the uneven inclusion of the countries of the macro-region in the global and regional information space, the nature of center-regional relations in the countries of the region, the existing competition of macroregional projects. In the modern world order, the Caspian macro-region can be considered as a potential 'center of power', possessing enormous material and spiritual resources for development. The construction of its image, its promotion as one of the humanitarian components of the developing cooperation of the Caspian Five countries in the conditions of deglobalization and the creation of mega-regional projects that establish new standards and norms of interaction.

Keywords: Caspian macro-region, image, image policy, image strategies, communication barriers, discursive power

For citation: Morozova, E.V. (2024). Image policy of the Greater Caspian states: Factors and challenges to forming the macro-region image. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 169–180. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-169-180>

Acknowledgements: The study was carried out by a grant from the Russian science foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the Caspian macro-region in the context of societal security».

Введение

Одной из главных функций имиджа является конструирование идентичности, в связи с чем имиджевая политика составляет содержательный и институциональный компонент политики идентичности государства. Страны постсоветского пространства (в том числе Казахстан, Туркменистан и Азербайджан, имиджевой политике которых посвящена данная статья) столкнулись с вызовами конструирования новых национальных идентичностей. «Каждое новое государственное образование создает на обломках бывшей идентичности, как это в свое время сделало и советское государство, новую, со своими особенностями. В каждом конкретном случае оно конструирует свою модель, не имея зачастую конкретного проекта с заданными параметрами» [Романова, Морозова 2023: 96].

После распада СССР регион Каспийского моря из практически внутреннего региона (за исключением границы с Ираном) превращается в геополитический макрорегион, значение которого возрастает в современных условиях. Регион привлекателен не только для пяти акторов «первой линии», но и для более удаленных субъектов. Формирование имиджа как внутренних, так и международных макрорегионов является частью социокультурного обеспечения их целостности и фактором успешной реализации экономических и политических проектов [Милюкова и др. 2021; Российская Арктика... 2016; Назукина 2021a, 2021b].

Учитывая растущую важность Каспийского макрорегиона в условиях современных геополитических трансформаций и запрос на ценностно-политический проект, мы использовали в качестве теоретического основания концепцию «дискурсивной силы». И.С. Семененко определяет дискурсивную силу как совокупность стратегий и механизмов продвижения идеологических установок, идей, смыслов и стоящих за ними интересов в пространстве политических коммуникаций [Семененко 2023: 432]. Сам концепт имеет давнюю историю, восходящую к идеям М. Фуко [Foucault 1971]. Сегодня западные цивилизационные проекты конкурируют за первенство в конструировании образов будущего, универсализм западного либерального проекта оспаривается теорией и практикой.

В исследовании использовались подходы к анализу страновых имиджей, предложенные Э.А. Галумовым [Галумов 2005], И.С. Семененко [Семененко 2008], И.А. Василенко [Василенко 2013], А.В. Андреевской [Андреевская 2022], Н.Г. Федотовой [Федотова 2018]. Состояние имиджевой политики в отдельных странах Каспийского макрорегиона отражено в публикациях диспропорционально: максимально и достаточно детально представлены публикации по Казахстану, далее, значительно меньше, по Азербайджану и по минимуму представлены работы, характеризующие имидж Туркменистана. Особый интерес представляют работы, немногочисленные и достаточно фрагментированные, посвященные формированию имиджа Каспийского макрорегиона [Кузина, Рябцева 2006; Кассамединова 2022; Бочарникова 2018].

Методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных сотрудниками Центра исследования проблем Юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета в 2022–2023 гг. в Казахстане (700 респондентов в онлайн-опросе, 5 фокус-групповых интервью, 9 экспертных интервью) и Азербайджане (5 фокус-групповых интервью, 300 респондентов в онлайн-опросе). Анкетирование граждан Туркменистана (309 респондентов) и проведение 5 фокус-групповых интервью осуществлялось на территории РФ, респондентами выступали представители Туркменистана, обучающиеся в вузах Астрахани, Краснодара и Майкопа или работающие в данных городах. Эти исследования позволили прийти к выводам о восприятии имиджа страны самими гражданами.

Что касается внешних аспектов имиджа, эмпирические данные ограничиваются материалами отчасти собственных фокус-групповых интервью, но в большей степени данными статистики и социологических исследований, проведенных внешними агентствами. В работе использовались материалы Международной некоммерческой ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор»¹, международные рейтинги, в частности Global Soft Power Index².

Факторы и стратегии формирования имиджа каспийских государств

Имидж любого государства (региона, города или района) представляет собой единство двух сторон. Он является результатом или следствием многих факторов развития государства (исторических, природных, экономических, политических, социокультурных и др.) Но одновременно он является результатом целенаправленной деятельности политических субъектов, нематериальным ресурсом развития, активным инструментом преобразований, повышения статуса и престижа данного государства, его привлекательности и конкурентоспособности. Имидж играет колоссальную роль в формировании национальной идентичности государства как у граждан страны, так и во внешней среде. Наше исследование не дало возможности оценить модели деятельности по продвижению имиджа государств в силу недоступности прямой информации (документы органов власти), мы сосредоточились на факторах формирования имиджа.

Э.А. Галумов выделяет три группы факторов, влияющих на формирование и продвижение имиджа:

- 1) условно-статичные, сформировавшиеся в прошлом и слабо изменяющиеся (природный потенциал, культурное наследие, исторические события, геополитическое положение);

¹ Международная некоммерческая ассоциация исследовательских агентств «Евразийский монитор». URL: <https://eurasiamonitor.org/> (дата обращения: 09.12.2023).

² Global Soft Power Index 2023. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (accessed: 09.12.2023).

- 2) условно-динамичные социологические факторы (социально-психологические настроения, формы социальной интеграции и солидарности, морально-нравственные ценности, уровень конфликтности, характер социальных размежеваний);
- 3) условно-динамичные институциональные факторы (основные макроэкономические показатели и их динамика, правовое пространство и эффективность властных конструкций, уровень коррупции, баланс ветвей власти и уровень поддержки лидера государства) [Галумов 2005].

Проведенный анализ показал, что во всех трех государствах в имиджевых стратегиях «работает» в основном первая группа факторов, использовать факторы второй и третьей группы достаточно затруднительно в силу значимых социальных размежеваний и невысоких позиций стран в межстрановых рейтингах. Такие условно-статичные факторы, как богатство природных ресурсов (прежде всего углеводородных) и историческое прошлое, более всего влияют на конструирование страновых имиджей. К примеру, проводимая в Казахстане политика памяти предлагает этнический символизм, в основе которого лежат казахские культурные ценности древнего—средневекового—постколониально-современного периодов в новой истории Казахстана. Идет обращение к так называемому «позитивному» древнему пласту казахстанской истории (саки, гунны, тюрки, кипчаки и т.д.) с их архетипическими персоналиями — воинами, полководцами, батырами (Атила, Бильге, Кутлык, Кюль-тегин, Тоньюкок, батыр Канжыгалы Богенбай, Каракерей Кабанбай и т.д.), со школьной скамьи формирующими гордость за свое «альтернативное» историческое прошлое [Абдугулова, Капаева, Кенжебаев 2012]. При ответе на вопрос анкеты «Какими историческими событиями гордится народ Вашей страны?» респонденты из Казахстана и Туркменистана поставили на первое место обретение независимости в 1991 г., у респондентов из Азербайджана обретение независимости на втором месте, а на первом, с количеством ответов почти в три раза большим (17 и 45 процентов) — победа по Второй карабахской войне.

Достаточно объективную оценку состоянию социальной сферы дает Индекс человеческого развития (ИЧР) / Human Development Index (HDI), который ежегодно рассчитывается экспертами Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов. Индекс человеческого развития (ИЧР) / Human Development Index (HDI) — это комбинированный показатель, характеризующий развитие человека в странах и регионах мира. Расчеты ведутся по трем основным направлениям: *здоровье и долголетие*, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении; *доступ к образованию*, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения; *достойный уровень жизни*, измеряемый величиной валового национального дохода на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности. В 2023 г. в рейтинге стран по ИЧР Россия занимала 52-е место, Казахстан — 56-е,

Азербайджан и Туркменистан поделили 91-е место³. В этом же году средняя продолжительность жизни составила в Азербайджане 74,15 года, в Казахстане 72,53 и в Туркменистане 71,83 года⁴.

Учитываются не только объективные показатели (ВВП на душу населения, занятость и др.), но и такие косвенные показатели состояния общества, как уровень доверия, великодушие, щедрость, а также субъективные оценки благополучия — индекс счастья. В 2023 г. в рейтинге 100 стран по индексу счастья Казахстан занимал 44-е место, Азербайджан 92-е место⁵.

Имиджевая политика — это совокупность решений и мер системного воздействия, направленных на позитивное восприятие страны/региона как собственным населением, так и международным сообществом. Мы выделили и охарактеризовали несколько типов имиджевой политики государства: реактивная, проактивная и активная, характеризующиеся степенью связи имиджевой политики со стратегическими приоритетами развития страны. Реактивная политика характеризуется отсутствием выработанной стратегии имиджевой политики и ситуативным включением отдельных субъектов в мероприятия, инициированные извне и способствующие продвижению имиджа страны во внешней среде (кейс Туркменистана). Проактивная политика идентичности представляет собой набор разрозненных мер, основанных на включенности ряда субъектов и институциональных механизмов имиджевой политики, не имеющих общей стратегии, диверсификации имиджа и инклюзии в стратегические проекты развития страны (кейс Азербайджана). Активная политика идентичности включает в себя восприятие субъектами управления имиджа страны как ресурса развития, имеется стратегия и ее институциональное воплощение; имиджевая политика дифференцирована по направлениям и является неотъемлемым компонентом разработки и реализации стратегии развития государства (наиболее близок к этому типу Казахстан).

Используются две основные стратегии имиджевой политики — «зонтичная» (Казахстан и Азербайджан конструируют имидж из разных структурных элементов — природных, историко-культурных, индустриальных и социально-политических) и «нуклеарная» (Туркменистан во внешнеполитической среде позиционирует свой нейтралитет как основной элемент имиджа).

Основными технологиями имиджевой политики в изучаемых странах являются праздники и специальные события, использование памятников и публичных пространств, формирование так называемого «топонимического имиджа». В технологическом плане большую роль играют символы, которые ассоциируются с государством во внутренней и внешней среде. Основными символическими ресурсами являются природные и персоналистские символы.

³ Рейтинг стран бывшего СССР по уровню жизни 2022. URL: <https://top-rf.ru/places/122-rejting-stran-byvshego-sssr-po-urovnyu-zhizni.html> (дата обращения: 20.11. 2023).

⁴ Продолжительность жизни в мире по странам в 2022–2023 г. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/srednyaya-prodolzhitelnost-zhizni-v-mire.html> (дата обращения: 20.11. 2023).

⁵ 100 самых счастливых стран мира: рейтинг 2023 г., место России. URL: <https://top-rf.ru/places/548-rejting-stran-po-urovnyu-schastya.html> (дата обращения: 20.11. 2023).

Так, респонденты считают основными природными символами Туркменистана хлопок, ахалкетинцев и алабаев (породы лошадей и собак, выведенных в данной стране). Среди персоналистских символов были названы Огуз-хан (древний родоначальник туркмен), Мухтумкули (великий национальный поэт) и президенты государства в постсоветское время. В Казахстане персоналистский ряд включает не только руководителей республики в советское и постсоветское время, но и классика казахской литературы Мухтара Ауэзова, знаменитого боксера Геннадия Головкина и молодого певца Димаша.

Имидж макрорегиона Большого Каспия и барьеры имиджевой политики

Конструируя имидж Каспийского макрорегиона в целом, трудно переоценить значимость его формирования и продвижения в качестве одного из гуманитарных компонентов развивающегося сотрудничества стран «каспийской пятерки» в условиях повышения роли макрорегиона перед современными вызовами кардинальных геополитических трансформаций.

Объективная сторона процесса конструирования идентичности включает идентификационные маркеры (один или несколько могут являться доминантными). В нашем случае видим два доминантных идентификатора — само Каспийское море, воспринимаемое как ценность всеми живущими на его берегах народами, и культурное многообразие каспийского сообщества. Анкетный опрос респондентов из РК показал, что общими чертами, объединяющими народы Казахстана, России, Азербайджана и Туркмении, респонденты считают саму экосистему Каспийского моря и общее советское прошлое (табл. 1). Пятая часть опрошенных считает, что существуют общекаспийские символы, четыре пятых полагают, что таких символов нет.

Таблица 1

Базисы для конструирования общекаспийской идентичности, % от ответивших

Базис объединения жителей Прикаспия	Казахстан	Азербайджан	Туркмения
Общая территория Каспийского бассейна	32,2	35,3	33,7
Общее советское прошлое	29,4	18,6	26,9
Язык	7,3	3,1	4,2
Менталитет	4,8	4,2	6,0
Культура	4,2	11,3	6,4
Религия	3,1	3,5	5,6
Кухня	3,1	2,0	3,4
Экономическое благосостояние/трудности	12,8	4,7	8,2
Другое	0,3	0,7	-
Нет ничего общего	2,1	4,4	1,8
Затрудняюсь ответить	0,7	12,2	3,6

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Реализации имиджевой политики на уровне макрорегиона препятствует ряд барьеров. Прежде всего, это неравномерная включенность стран макрорегиона в глобальное и региональное информационное пространство, обусловленная различным состоянием цифрового неравенства не только в межстрановом сравнении, но и в межрегиональных сравнениях внутри каждой из стран Прикаспия. «К сожалению, мы чаще узнаем о Казахстане, Азербайджане и других сопредельных странах через друзей, знакомых, новости из соцсетей и новостных ресурсов поступают нерегулярно, а само информационное пространство региона разрознено и бессубъектно»⁶.

Определенные барьеры создает характер центр-региональных отношений в каждой из стран. Как отметил обозреватель международного медиа-холдинга «Евромедиа» А.В. Покатилов, «из пяти прикаспийских государств только у Азербайджана на берегу моря расположена столица — Баку. Многие берега Каспия, доставшиеся другим государствам, являются либо заболоченными, либо территориями пустынь и полупустынь при отсутствии пресной воды. Крупнейший иранский город на Каспии — Энзели — населяет немногим более 100 тысяч человек. То есть у побережья такой огромной акватории, как Каспий, на самом деле, если сравнивать со многими другими морями или озерами, живет не так уж и много людей. При этом основные центры, продуцирующие информацию, то есть столицы, у четырех государств находятся достаточно далеко от побережья. В итоге прикаспийские проблемы рассматриваются как провинциальные, что не способствует высокой роли информационных технологий в развитии сотрудничества стран Каспия»⁷.

Значимым социально-психологическим барьером стала слабая познавательная мотивация к получению информации о жизни соседей. Представляется, что причиной этой тенденции является не столько языковой фактор, сколько своеобразная «зацикленность» на нарративах, обосновывающих новую национально-государственную идентичность в странах постсоветского пространства. Анализируя результаты межстрановых исследований ассоциации «Евразийский монитор», Л.Г. Бызов и В.В. Петухов отметили, что «у большинства жителей постсоветского пространства отсутствует глубокий интерес к своим бывшим соседям по единому государству» [Бызов, Петухов 2008: 81].

Вместе с тем повышение геополитической значимости Каспийского макрорегиона в целом повлияло на изменение оценок «мягкой силы» каждой из стран. В рейтинге «мягкой силы», регулярно проводимом Brand Finance, в 2023 г. Азербайджан поднялся на 20 позиций, заняв 57-е место из 121, Казахстан — на 9 позиций, 79-е место, а Туркменистан поднялся на 25 позиций и занял 88-е место⁸.

Нельзя не отметить и нарастание конкуренции макрорегиональных проектов. Все три государства входят в сферу интересов Турции, продвигающей

⁶ Покатилов А.В. Каспийская медиа-среда: как сделать партнерство реальным. URL: <http://casp-geo.ru/kaspijskaya-media-sreda-kak-sdelat-partnerstvo-realnym/> (дата обращения: 19.11.2023).

⁷ Покатилов А.В. Каспийская медиа-среда: как сделать партнерство реальным. URL: <http://casp-geo.ru/kaspijskaya-media-sreda-kak-sdelat-partnerstvo-realnym/> (дата обращения: 19.11.2023).

⁸ Global Soft Power Index 2023. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (accessed: 9.12.2023).

проект «Великого Турана», в основе которого лежит идея создания общности, основанной на общих тюркских корнях огромного массива разноэтнических, поликонфессиональных народов, имеющих общую языковую основу и в прошлом представлявших собой великую империю [Рахманалиев 2019]. Наибольшей степенью интеграции в данное формирующееся трансграничное политическое пространство отличается Азербайджан. Другой конкурирующий макрорегиональный проект — это сообщество государств Центральной Азии, макрорегиона, который «примеряет» роль «евразийского моста» в новых геополитических условиях и обнаруживает себя в центре внимания внешнеполитических ведомств стран Старого и Нового Света. В этом проекте Казахстан уверенно играет лидерскую роль, что обуславливается в первую очередь объективными причинами, показателями социально-экономического развития.

В качестве барьера может рассматриваться институциональный дефицит, выражающийся прежде всего в отсутствии субъектов имиджевой политики на уровне макрорегиона и, как следствие, отсутствии диверсификации имиджа с учетом интересов и ценностей основных целевых групп. В 2018 г. на Пятом Каспийском саммите в Актау (Казахстан) была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Как отмечает министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «в интересах повышения эффективности существующих структур и механизмов целесообразно выстроить их в единую региональную систему. На текущем этапе оптимальным способом достижения этой цели видится создание гибкого пятистороннего форума — Каспийского Совета»⁹. Потенциально Совет мог бы стать ключевым звеном в выстраивании многосубъектной политики идентичности в макрорегионе, объединяя деятельность национальных правительств, региональных властей и бизнеса.

Заключение

Обработка материалов эмпирического исследования продолжится в 2024 г., предстоит также провести социологические исследования в прикаспийских регионах России. Но промежуточные итоги исследований, проведенных в 2022–2023 гг., позволяют сформулировать некоторые предложения и рекомендации по совершенствованию имиджевой политики в макрорегионе Большого Каспия. Необходимо провести аудит символического капитала и имиджевых активов каждой из стран «большой пятерки» Каспия, обосновать отбор общих содержательных компонентов для конструирования и продвижения позитивного имиджа макрорегиона Большого Каспия. Рабочим органам Каспийского сотрудничества целесообразно рассмотреть предложение о формировании субъекта конструирования и продвижения позитивного имиджа Каспийского

⁹ Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по тематике сотрудничества в Каспийском регионе // Международная жизнь. 20.09.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37062> (дата обращения: 15.11. 2023)

макрорегиона как в странах «пятерки», так и за их пределами. Потенциал межличностных отношений граждан каспийских стран посредством технологий «дипломатии второго трека» (совместные научные мероприятия, академические обмены, молодежные форумы, фестивали креативной индустрии, побратимские связи между городами и сельскими поселениями) позволит укрепить как двусторонние, так и многосторонние отношения сотрудничества. Необходимо придавать наиболее успешным социальным и культурным проектам, инициированным в рамках двусторонних отношений между странами, общекаспийский масштаб.

Огромным потенциалом развития сотрудничества в макрорегионе обладает туризм. По данным исследования «Евразийского монитора», интересуются историей и культурой других стран 51 % опрошенных респондентов в России, 55 % в Азербайджане и 53 % в Казахстане. В то же время посещали какие-либо достопримечательности на территории бывшего СССР за последние 2–3 года 6 % респондентов в России, 19 % в Азербайджане и 11 % в Казахстане [Бызов, Петухов 2008: 82]. Старт круизного судоходства на Каспийском море намечен на весну 2024 г.¹⁰ Пассажирский теплоход «Петр Великий», строительство которого ведется на астраханских верфях, станет первым пассажирским судном, совершающим туристические круизы по Каспийскому морю, так как ранее такие круизы никогда не проводились¹¹. Географическая близость и благоприятные визовые режимы, действующие для большинства стран, позволяют прогнозировать рост турпотоков между Казахстаном, Туркменистаном, Ираном, Азербайджаном и прикаспийскими регионами России. Предполагается, что Каспийское побережье сможет принимать не менее миллиона путешественников в год. Планируемый маршрут Астрахань — Махачкала — Баку — Ноушехр — Туркменбаши — Актау — Астрахань включает посещение 5 стран — России, Азербайджана, Ирана, Туркменистана и Казахстана.

В современном миропорядке Каспийский макрорегион можно рассматривать как потенциальный «центр силы», обладающий огромными материальными и духовными ресурсами развития. Будут ли ресурсы актуализированы, зависит от множества факторов как внешнего порядка (изменение геополитического положения стран, вхождение в иные транснациональные политические пространства), так и внутреннего порядка (факторы, связанные с организацией Каспийского сотрудничества, институционализацией органов, осуществляющих координацию совместной деятельности, в том числе и в социокультурной сфере) [Абдуллаев 2021].

Современные государства активно отстаивают право придерживаться собственных политических и ценностных установок и утверждают лидерство с опорой на экономические рычаги, в том числе через создание мегарегиональных

¹⁰ Впервые о старте каспийского круиза было объявлено еще в 2011 г. тогдашним губернатором Астраханской области А.А. Жилкиным.

¹¹ Сайт бюро путешествий «Фортуна». URL: <https://fortuna-travel.ru/kruizy/cruise-caspian-sea/> (дата обращения: 06.12.2023).

проектов, устанавливающих стандарты и нормы взаимодействия¹². Каспийский макрорегион, с его уникальным экономическим потенциалом и историческим опытом управления цивилизационным разнообразием, последовательно выстраивает свой мегарегиональный проект. Акторы этого политико-ценностного проекта находятся в состоянии конкуренции как на мировой арене, так и внутри макрорегиона, продвигая собственные «дискурсивные силы».

Поступила в редакцию / Received: 24.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Абдугулова Б.К., Капаева А.Т., Кенжебаев Г.К. Рассказы по истории Казахстана: учебник. 2-е изд., перераб. Алматы: Алматыкітап баспасы, 2012.
- Абдуллаев И.И. Каспийский регион в условиях новых геополитических вызовов и новые задачи государственного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 80–88. <http://doi.org/10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88>
- Андреевкова А.В. Человеческое измерение российско-казахстанских отношений — управление имиджем // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 3. С. 92–104. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-3-92-104>
- Бочарникова А.В. Имидж прикаспийских государств в освещении региональных СМИ // Медиаисследования. 2018. № 5. С. 98–104.
- Бызов Л.Г., Петухов В.В. Постсоветское пространство культурные и социальные связи // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 3 (87). С. 79–94.
- Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005.
- Василенко И.А. (ред.). Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта. М.: Международные отношения, 2013.
- Кассамединова А.А. Изменения политических брендов стран Большого Каспия: влияние на национальные интересы России (на примере Азербайджана и Казахстана) // Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона: материалы Межд. науч.-практ. конференции. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2022. С. 83–88.
- Кузина К.А., Рябцева Е.Е. Имидж Каспийского региона сквозь призму печатных и электронных СМИ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2006. № 1. С. 42–51.
- Милукова А.Г., Ковалева А.В., Валюлина Е.В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном Евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ // Мировая политика. 2021. № 1. С. 25–38. <http://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.1.34970>
- Назукина М.В. Макрорегиональная идентичность и регионализм в современной Сибири // Трансформация идентичностей: опыт Европы и России: сб. науч. статей: в 2 ч. / под ред. Е.В. Викторовой. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2021. С. 185–191.
- Назукина М.В. Мифы и реальность дальневосточного регионализма: внешний образ и идентичность макрорегиона // Известия Российской Академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 2. С. 195–204.

¹² Фрагментация и регионализация международного порядка. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/796097894.pdf> (дата обращения: 07.12.2023).

- Семенов И.С.* (ред.). *Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация*. М.: ИМЭМО РАН, 2008.
- Рахманалиев Р.* Империя тюрков. История великой цивилизации. М.: Рипол Классик, 2019.
- Романова А.П., Морозова Е.В.* Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. № 7. С. 85–102. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102>
- Российская Арктика в поисках интегральной идентичности / отв. ред. О.Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016.
- Семенов И.С.* Перспективы идентитарных исследований и российские приоритеты // *Идентичность личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. М.: Весь мир, 2023. С. 431–438.
- Федотова Н.Г.* Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2018. № 29. С. 141–155. <https://doi.org/10.17223/22220836/29/13>
- Foucault M.* *L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970*. Paris: Gallimard, 1971.

Сведения об авторе:

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЦ исследований проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: morozova_e@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-1369-7594) (SPIN-код: 1051-4663)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206
EDN: MKNAJA

Научная статья / Research article

Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана

А.П. Романова , Д.А. Черничкин

*Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань,
Российская Федерация*
 aromanova_mail@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено выявлению характера и результатов влияния Турции и пантюркистской идеологии на конструирование новых национальных идентичностей в Республике Казахстан и Туркменистане. Теоретическим основанием данного исследования стала концепция транснациональных политических пространств (этномиров), которые за счет распространения культурных паттернов формируют новые идентичности. В рамках практической основы данного исследования авторами был применен синтез нескольких социологических методов: контент-анализ данных, опубликованных в период с 02.01.2022 по 31.07.2023 и собранных по заданным маркерам; опросы в форме электронного анкетирования, а также серии фокусированных групповых и экспертных интервью, участниками которых стали граждане Республики Казахстан и Туркменистана. Результаты исследования показали, что в обеих странах воздействие «мягкой силы» идет в области тех политик, которые являются важнейшими в сфере конструирования новых идентичностей — образовательной, языковой, политики памяти, символической и т.д. Механизмы продвижения политики идентичности в страны с тюркским населением являются наиболее сильной стороной процесса формирования данного этномира. Основываясь на результатах исследования, наиболее действенным инструментом являются образовательные программы, статусность которых позволяет вернувшейся молодежи войти в состав новой элиты своих стран и одновременно стать эмиссаром пантюркистских идей. Исходя из данных контент-анализа, можно отметить, что турецко-казахстанские и турецко-туркменские взаимоотношения хотя и характеризуются активным и положительным развитием, прежде всего, в экономической сфере, но все же не лишены противоречий. А пантюркистские идеи и турецкие культурные паттерны, хотя и присутствуют в информационной повестке анализируемых стран, но не являются ее трендом.

© Романова А.П., Черничкин Д.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: пантюркизм, Турция, новая национальная идентичность, политики идентичности, Республика Казахстан, Туркменистан, тюркский этномир

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Для цитирования: Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 181–206. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206>

Turkey and Pan-Turkism Influence on the Development of New National Identities in the Caspian Region: The Evidence from Turkmenistan and Kazakhstan

Anna P. Romanova , Dmitriy A. Chernichkin

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russian Federation

 aromanova_mail@mail.ru

Abstract. The article focuses on how Turkey and Pan-Turkish ideology influenced the development of new national identities in Kazakhstan and Turkmenistan and the results of this influence. The theoretical basis of this study lies in the concept of transnational political spaces (ethno-worlds), which form new identities due to the spread of cultural patterns. The practical basis of this study entails a synthesis of several sociological methods: content analysis of data published from January 2, 2022, to July 31, 2023, collected according to specified criteria; surveys in the form of an electronic questionnaire; and a set of focused group and expert interviews attended by citizens of Kazakhstan and Turkmenistan. The results showed that “soft power” in both countries influences the field of those policies that are crucial for the development of new identities: education, language, memory, symbology, etc. The mechanisms for promoting identity politics in Turkic countries are the main strength of the formation process in this ethno-world. The results of the study demonstrate educational programs to be the most effective tool, whose status allows the returned youth to become a part of a new elite in their countries, as well as emissaries of Pan-Turkist ideas. Based on the content analysis data, it can be noted that though Turkish-Kazakh and Turkish-Turkmen relations are actively and positively developing, primarily in the economic sphere, they still have certain contradictions. Though Pan-Turkish ideas and Turkish cultural patterns are presented in the information agendas of the analyzed countries, they are not their trends.

Keywords: Pan-Turkism, Turkey, new national identity, identity politics, Republic of Kazakhstan, Republic of Turkmenistan, Turkic ethno-world

Acknowledgements: The study was carried out with the help of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 “The process of constructing new identities in the Caspian macro-region in the context of societal security”.

For citation: Romanova, A.P., & Chernichkin, D.A. (2024). Turkey and Pan-Turkism influence on the development of new national identities in the Caspian Region: The evidence from Turkmenistan and Kazakhstan. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 181–206. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206>

Введение

Турция в последнее время становится видным игроком на международной арене. Особенно это стало заметным в последние годы с усилением влияния Р.Т. Эрдогана на мировые политические процессы. Однако у этих процессов есть глубокие исторические корни, которые уходят в глубины истории османской империи, долгое время являвшейся одной из самых влиятельных и обширных государственных конструкций второго тысячелетия нашей эры.

Османская империя (1299–1924) представляла собой транснациональное культурное и политическое пространство, объединявшее огромное количество территорий с разными этносами и конфессиями при доминировании надстроечной османской культуры и языка. Ведущим этносом был турецкий, а религией — суннитский ислам. Еще в период существования империи возникают первые пантюркистские идеи. Исчезнув, империя уступила место турецкому государству модерна, в рамках которого тем не менее продолжали активно продвигаться идеи, связанные с особым положением турецкого народа. Османская империя трансформировалась не в постимперское пространство, как это было с российской, британской и другими империями, а в этноориентированное. А тюркский мир, следуя типологии, предложенной М.И. Сигачёвым и С.П. Артеевым, можно рассматривать как этномир — предполагаемое транснациональное политическое пространство «этноориентированного типа» [Сигачёв, Артеев 2022: 40]. При этом, по утверждению В.А. Аваткова, «тюркский мир» в турецком понимании — туркоцентричная подсистема международных отношений.¹

«Великое имперское прошлое» Турции дает себя знать во множестве идеологем, основанных на тюркских корнях. Это такие идеологические конструкции, связанные с идеей возрождения былого могущества и возникшие как на излете имперского величия, так и позднее, уже после ее конца: пантюркизм, пантурализм, туранизм, туркизм, неопантюркизм, неоосманизм и т.д. Категориальный анализ родственных терминов, в той или иной форме является частью многих работ, так или иначе затрагивающих проблемы пантюркизма [Надеин-Раевский 2017; Романова, Морозова 2023; Васильева 2011; Васильева 2017; Шкира 2014; Вартаньян 2015], однако в их трактовке до сих пор есть разночтения. Примечательно, что идеи пантюркизма, впрочем, как и пантурализма, возникли еще во времена Османской империи в XIX в. за пределами Турции и связаны изначально отнюдь не с мыслителями турецкого происхождения, а с венгерским

¹ Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2020.

иудеем-мусульманином Арминием Вамбери (1832–1913), сотрудником британской разведки Вилфредом Блантом и российскими подданными татарского происхождения Ахмедом Агаевым, Юсуфом Акчурой, Исмаилом Гаспринским [Бабаян 2011; Ахманова 2022; Усманова 2016]. Несмотря на то, что пантюркизм возник не в Турции, не был официально признанной идеологией на ее территории, в турецком научном дискурсе эта проблема фигурирует достаточно давно, начиная с главных турецких идеологов пантюркизма — Зии Гекальпа [Gökalp 2017] и Атсыза Нихаля [Saraçoğlu 2004] — писателей, публицистов, исследователей, так и ряда современных авторов [Tuuzun 2020; Özdoğan 2019; Kofak 2017; Bülent 2009].

Интерес к пантюркизму, давно вышедший за пределы Турции, особенно ярко вспыхивает в кризисные периоды: великая война, конец османской империи, конец российской империи, смерть Ататюрка, начало второй мировой войны, и в точках бифуркации (вступление Турции в НАТО в 1952 г.) [Насибова 2015]. Именно на волне распада российской империи и возникновения СССР советскими исследователями был опубликован ряд работ, до сих пор вызывающих интерес [Аршаруни, Кабидуллин 1931; Тверитинова 1957; Миллер 1958]. Однако наибольшие возможности для развития пантюркизм получил после распада СССР, когда бывшие союзные республики с тюркским населением получили статус самостоятельных государств. Причем в это время дискуссия перешла из области чистого пантюркизма и пантуранизма, в сферу политического влияния Турции на новые государства Большого Каспия с тюркским населением, где активно начинают идти процессы конструирования новых идентичностей, что резко расширяет сферу влияния Турции. Процессы и характер турецкого влияния активно исследуются российскими учеными [Деев 2018; Иванова 2012; Васильева 2011; Надеин-Раевский 2017; Шумилов 2022; Милюкова и др. 2021; Притчин 2022; Семененко 2022], в том числе и занимающимися российскими регионами с тюркским населением [Бадретдинова, Бадретдинов 2021; Аминов 2020; Мухаметдинов 2016; Хапизов 2014], так и авторами из стран Каспийского региона и Центральной Азии [Имомалиев 2021; Вахитова 2007]. Есть и популярные работы околонучного характера, получившие признание непосредственно в Турции [Аджи 1998].

Итак, в последние три десятилетия пантюркизм становится наиболее популярной базовой идеологией продвижения турецкого влияния на другие страны, в том числе и на политику конструирования новых национальных идентичностей на территории тех стран, где есть тюркские народы, а основными механизмами этого влияния становятся так называемые процессы «мягкой силы».

Сама по себе идея тюркского мира является самодостаточным теоретическим конструктом, но, чтобы он превратился в политическую силу, ему необходим идеологический двигатель. Таким двигателем и становится упрощенная и обобщенная доктрина пантюркизма, основная задача которой — постепенное и незаметное стремление к объединению всех тюркских народов либо в единую культурную общность, некое содружество, а в наиболее экстремальном варианте — в единое пространство под эгидой Турции. Правда, характер «турецкой эгиды» вызывает на современном этапе активную дискуссию [Шумилов 2022] в научных кругах. Основным предметом споров является вопрос — отказалась

ли Турция от своего доминирования в данном альянсе или просто сменила тактику и подходы. На одной чаше весов — крайне негативная оценка этой тенденции. Пантюркизм рассматривается как опасность для нетюркского мира [Сваранц 2010], а некоторыми авторами и для тюркского, посредством размывания культурного кода тюркских народов и подчинения тюркского турецкому [Аватков 2021], в узком смысле как «агрессивная расистская, шовинистическая доктрина имперских кругов турецкого национализма» [Надеин-Раевский 2017]. Однако некоторые исследователи утверждают, что Турция больше не стремится «быть лидером тюркского мира»². И такая неоднозначная оценка в научном и политическом дискурсе вполне предсказуема. С одной стороны, Турция, особенно в последнее время, славится весьма многовекторной внешней политикой, а с другой — амбивалентен и сам «пантюркизм». Он относится к тем идеологическим течениям, которые конструируют новые возможности для одних народов и новые проблемы для других. Для Турции это возможность распространить свое влияние на новые территории. Для генетически и лингвистически близких стран (Азербайджан, Туркменистан и т.д.) — это возможность получить «влиятельного родственника» и союзника, а также экономическую поддержку. Для стран, где тюркские народы являются составной частью пестрого этнического поля, это потенциальная опасность сепаратизма и экстремизма. Поэтому и воспринимаются пантюркизм и его производные неоднозначно.

Для обозначения современной версии пантюркизма отечественные исследователи предлагают новые термины — «неопантюркизм» [Аватков 2021] и «коллективный пантюркизм», «который перестал выступать инструментом Турецкой экспансии» [Шумилов 2022]. Однако они тоже дискуссионные и не являются общепотребимыми.

Поэтому в данной работе мы будем использовать термин «пантюркизм» как наиболее употребимый и узнаваемый, в том числе и на территории исследуемых нами стран, в качестве универсальной метакатегории, используемой для любых концептуальных и институциональных устремлений Турции объединить в той или иной форме все тюркские народы под одной эгидой.

За счет чего пантюркизм, как и его производные, несмотря на перипетии своего функционирования, имеет значительное влияние? Возможно, за счет того, что он не является только политической доктриной. Почти все его основатели и идеологи так или иначе были связаны с философским или художественным осмыслением проблемы. Идеи пантюркизма получают свое воплощение в художественной литературе, киноискусстве, как способе показать пути к «кызыл элма» как духовному идеалу пантюркизма [Иванова 2012]. Современный пантюркизм за тридцать лет самостоятельного существования постсоветских государств Прикаспия и Центральной Азии отошел от настойчивого провозглашения

² Гусейнов А. Возможен ли переход от Тюркского совета к Тюркскому союзу? Взгляд из Баку // EurAsiaDaily. 24.11.2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/24/vozmozhen-li-perehod-ot-tyurkskogo-soveta-k-tyurkskomu-soyuzu-vzglyad-iz-baku> (дата обращения: 26.10.2023).

официального доминирования Турции и основным направлением сделал историко-культурное и экономическое проникновение.

Основным комплексом причин, по которым тюркским странам предлагается присоединиться к этому проекту, является этническая, культурная и языковая общность тюркских народов. Причем языковой аргумент подчас является самым действенным.

Цели и задачи исследования

Основной целью данного исследования является выявление характера и результатов влияния Турции и пантюркистской идеологии на конструирование новых национальных идентичностей в Республике Казахстан и Туркменистане³.

Достижение данной цели возможно при решении следующих задач:

- 1) определить методы и интенсивность влияния Турции на структуру и содержание идентичности в исследуемых странах;
- 2) выявить место тематики «пантюркизм» и ее контентной структуры в медиапространстве Северного Прикаспия для определения характера информированности населения в области тюркской идеологии;
- 3) охарактеризовать представления людей о месте Турции в системе внешних связей обеих республик.

Методы и процедура исследования

Теоретическим основанием исследования послужила концепция транснациональных политических пространств (этномиров), ключевую роль в формировании которых играет «экспорт культурных образцов» [Артеев 2023], направленных на конструирование новой общей идентичности.

Методологической основой данной работы является сетевой анализ отношений между социальными объектами как средство для объяснения социальных процессов, отражающихся в общественном мнении и социальных сетях. Прикладной основой данной методологии являются методы машинного анализа текста из социальных сетей, онлайн-сообществ и интернет-СМИ, дополненного социологическими методами.

В рамках практической основы данного исследования авторами был применен синтез нескольких социологических методов.

1. *Контент-анализ данных*, опубликованных в различных открытых источниках. В рамках анализа по заданным маркерам был произведен сбор текстовых данных, опубликованных в период с 02.01.2022 по 31.07.2023 из различных источников (ВКонтакте, Telegram,

³ Мы намеренно исключили из данного анализа Азербайджан, поскольку это априори наиболее тесно связанная с Турцией страна, подверженная ее влиянию в силу даже лингвистической близости. Исследования, проведенные нами осенью 2023 г. в Азербайджанской Республике, станут предметом дальнейшего анализа.

Одноклассники, Twitter, Facebook⁴, Instagram⁵, а также сайты различных интернет-СМИ) с геометками прикаспийских регионов России (Астраханская область) и Казахстана (Атырауская и Мангистауская области). Сбор данных осуществлялся «стихийным» методом. Первичный набор данных составил 747 771 постов и комментариев, содержащих заданные маркеры.

Собранные данные были рассмотрены и на этапе очистки были выделены только уникальные тексты, проверена орфография и пунктуация, строки также были очищены с помощью запросов на языке PDL и SRL от «мусорных» данных для увеличения качества результатов контент-анализа. В результате было выделено 272 033 уникальных постов и комментариев. После очистки данных мы перешли непосредственно к анализу текстовых данных. Исходя из задач исследования, мы применили следующие способы работы с данными: классификация текстов, формирование таксономий, извлечение сущностей, семантический поиск, категоризация, кластеризация, обнаружение паттернов и сентимент-анализ. В данном исследовании для анализа текстовых данных применялась платформа PolyAnalyst. Основной упор был сделан на определении тональности текста. Тональность выбрана стандартно-бинарная: положительная и отрицательная. Дополнительно выделялась основная мысль, проводился поиск ключевых тем и слов по встроенным словарям используемого инструмента. Это наиболее часто встречающиеся слова, достаточные, чтобы выявить основные тематики постов сообщества. Отдельными сущностями были выделены персоны, встречающиеся в корпусах текстов.

2. *Опрос в форме электронного анкетирования*, проведенный в июле-октябре 2022, целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе на примере приграничных областей Республики Казахстан (Атырауской и Мангистауской областей). В качестве объекта исследования выступали жители Атырауской и Мангистауской областей Республики Казахстан. Предметом исследования — особенности конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе. Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 700 респондентов — жители Атырауской и Мангистауской областей Республики Казахстан: Атырауская область (43,9 %); Мангистауская область (56,3 %). Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (население географически определенных областей), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол

⁴ Продукт компании Meta. 21 марта 2022 г. российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

⁵ Продукт компании Meta. 21 марта 2022 г. российский суд признал Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

респондентов. Инструментарий и матрица исследования были разработаны авторами исследования. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 28. Статистический анализ включал анализ линейных (одномерных) распределений ответов респондентов на вопросы анкеты и осмысление параметров таблиц сопряженности.

3. *Серия фокусированных групповых интервью*, проведенная в Республике Казахстан в январе 2023 г. Всего было проведено 5 фокус-групп, информантами которых выступили жители Атырауской области разного возраста и социального статуса. Возрастной состав — лица от 25 до 60 лет; распределение по полу — 40 % мужчин и 60 % женщин, национальный состав — казахи и метисы.
4. *Серия экспертных интервью*, проведенная в январе 2023 г. на территории Республики Казахстан. В ходе данного исследования были проведены 9 интервью с экспертами в различных сферах: образование, наука, политика, социальная деятельность. Гайд экспертного интервью был разработан авторами исследования. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов, а сами вопросы были разделены на тематические блоки. После транскрибирования интервью были составлены полноформатные текстовые транскрипты. Для реализации поставленных задач исследования применялся целенаправленный отбор респондентов, выступивших в качестве экспертов. При ограничении поиска в рамках целенаправленного отбора использовалась методика «снежного кома», целью которого являлось нахождение новых участников интервью путем ссылки на них уже поучаствовавших в интервью.
5. *Опрос в форме электронного анкетирования*, проведенный в сентябре 2023 г., целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в Туркменистане. В качестве объекта исследования выступали граждане Туркменистана, являющиеся студентами учебных заведений г. Астрахани. Предметом исследования — особенности конструирования новых идентичностей в Туркменистане. Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 350 респондентов. Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (граждане Туркменистана), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов. Инструментарий и матрица исследования были разработаны авторами исследования. Анкета была предложена на двух языках — русском и туркменском. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 28. Статистический анализ включал анализ линейных (одномерных) распределений ответов респондентов на вопросы анкеты и осмысление параметров таблиц сопряженности.

6. *Серия фокусированных групповых интервью среди студенческой молодежи — граждан Туркменистана.* По причине того, что данная страна является достаточно закрытой, провести полевые исследования непосредственно на территории республики среди жителей всех возрастных групп и социального статуса для исследователей на данном этапе не представляется возможным. Поэтому основными информантами в данном случае выступили иностранные студенты, граждане Туркменистана разных ступеней обучения нескольких российских вузов: Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, Кубанского государственного университета и Адыгейского государственного университета. Всего было проведено 6 фокус групп со студентами в возрасте от 18 до 30 лет; распределение по полу — 70 % мужчин и 30 % женщин.

Дополнительно при проведении двух серий фокус-групповых интервью исследователями был применен метод «направленных ассоциаций», который чаще всего применим в психологии, психиатрии и лингвистике, однако в данном случае применялся нами в социологическом исследовании. Само применение данного метода не является чем-то новым и используется в социологии с 1970-х гг. [Паутова 2007]. Формирование ассоциаций тесно связано с процессом социализации человека, усвоения индивидом социальных норм и системы ценностей общества, социальной группы, семьи. Поэтому мы предполагаем, что ассоциации отражают не только случайные ситуативные взаимосвязи, но и социальные ценности, представляющие собой «наиболее глубокие основания культуры», служащие «мерилом того, что люди считают важным, значимым».

В рамках исследования участникам фокус-групп было дано задание на основе собственного ассоциативного ряда отразить в рисунках близость основных стран в исследуемом регионе (Россия, Турция, Азербайджан, Китай, Коллективный Запад⁶) по отношению к своей стране. Полученные рисунки будут в дальнейшем отражены в тексте статьи.

Турция и конструирование идентичности в исследуемых странах

После распада СССР и появления самостоятельных каспийских государств Турция стала вести активные действия по установлению своего влияния на этих территориях. Здесь был задействован прежде всего комплекс механизмов — от официального признания (а Турция признала все Каспийские страны первой в 1992 г.) до «мягкой силы». С этого момента давняя идея «тюркского мира» получает возможность реального воплощения. Сразу же создается и необходимый институциональный и документальный

⁶ Для удобства информантов нами было принято решение объединить большинством стран Европы, с которыми у Казахстана и Туркменистана имеются контакты, и США в единый блок «Коллективный Запад».

каркас, который все время обновляется и дополняется с учетом требований социума: Агентство международного сотрудничества с тюркоязычными государствами (Turk işbirliği ve Kalkınma Ajansı — ТИКА) (1992); Анкарская Декларация о взаимном сотрудничестве (1992); Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi) (ТЮРКСОЙ) 1993; Парламентская Ассамблея тюркских государств ТЮРКПА (2008 г., Баку); Тюркский совет на основе Нахичеванского соглашения (2009), в 2021 г. переименованный в Организацию Тюркских государств; Международная Тюркская академия (2010 г. Астана). Эти и другие более мелкие институты позволили канализировать функционирование «мягкой силы». Но реагируют изучаемые нами каспийские государства на Турецкое воздействие на данном этапе тоже по-разному. На данный момент Казахстан является активным участником практически всех совместных институциональных структур. Руководство Казахстана, как прошлое (Назарбаев), так и настоящее (Токаев), с большой охотой откликается на предложения экономического и социогуманитарного характера со стороны Турции. Власти Туркменистана в этом плане более осторожны. Они достаточно долго сопротивлялись активному проникновению «мягкой силы» в различных сферах. Несмотря на то, что страна является ассоциированным членом ТЮРКСОЙ и наблюдателем в Организации Тюркских государств (ОТГ с 2021 г.)⁷, в сентябре 2022 г. Туркменистан обратился к Турции с просьбой, вопреки «политике открытости для тюркских государств» ввести визовый режим для своих граждан.

В целом в обеих странах воздействие «мягкой силы» идет в области тех политик, которые являются важнейшими в сфере конструирования новых идентичностей — образовательной, языковой, политики памяти, символической, и т.д. Эксперт ИМЭМО РАН, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Станислав Притчин считает, что Турция является очень «комфортным игроком, поскольку помогает выстраивать «альтернативную тюркскую идентичность», естественным образом вливающуюся в ОТГ и превращающую соседей — Россию и Китай — из «Своих» в «Чужих», с иной идеологией, политическими устремлениями и т.д.»⁸

Наиболее конструктивной для турецкого влияния является образовательная политика, которая напрямую не посягает на управленческую самостоятельность новых государств и поэтому воспринимается ими преимущественно позитивно. В области образовательной политики в 1993 г. был принят закон, по которому Турция начала финансирование пятилетних образовательных программ для тюркского мира. Она открыла двери прежде всего для студентов из Казахстана и Туркменистана. Была создана сеть турецких лицеев практически во всех

⁷ «Великий Туран» может споткнуться о Туран настоящий // Новая Газета. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-10-30/11_8578_turkmenistan.html (дата обращения: 01.10.2023).

⁸ Панфилова В. Турция и Казахстан выводят отношения на новый уровень // Новая Газета. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-09-12/5_8824_kazakhstan.html (дата обращения: 12.09.2023).

прикаспийских государствах, в том числе и в России, позднее тем не менее⁹ закрытых по политическим мотивам:

«Казахстанские студенты позитивно оценивают турецкое образование» (Информант 4, ФГ-1, Казахстан);

«Турецкое образование да, мы вот в последнее время. Вот Турция хорошо, как говорится, очень программы хорошие, предоставляет» (Информант 2, ФГ-3, Казахстан);

«...в образовательной сфере тоже Турция... тоже не отстает» (Информант 4, ФГ-2, Казахстан).

Казахстанских студентов в Турции насчитывается около восьми тысяч¹⁰. Однако в большинстве своем казахстанские информанты отдают предпочтение западному образованию:

«Сейчас многие руководители тоже с Болашака¹¹, они тоже обучались в зарубежных странах, сейчас управляют нашей страной» (Информант 4, ФГ-4, Казахстан).

Туркмены также ценят турецкое образование. На данный момент в Турции обучается 15 тыс. туркменских студентов¹²:

«Моим друзьям, тем, что учатся в Турции, оно нравится возможно мобильностью, шансами какими-то грантами, шаг в будущее, как они говорят» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

Но это тем не менее не самое крупное образовательное направление в Туркменистане, в России туркменских студентов в два раза больше¹³:

«Многие туркмены учатся в Турции, но я не захотел, мне российская система образования ближе, более лояльная, по культурной особенности и по другим критериям она мне более близка. Я для себя четко и ясно решил — не хочу учиться в Турции» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан)¹⁴.

Успешным проводником «мягкой силы» Турции являются средства массовой информации. С. 1992 г. Турция организовала специальное вещание на страны Центральной Азии и Азербайджана:

«Есть турецкое и корейское телевидение» (Информант 1, ФГ-1, Туркменистан),

⁹ См.: Татаро-турецкие лицеи в Поволжье. URL: <https://posredi.ru/tataro-tureckie-licei.html> (дата обращения: 11.10.2023); Казахстан потерял для России навсегда. Как «турецкие лицеи» переформатировали общество на постсоветском пространстве. URL: <https://dzen.ru/a/Ye0v9anft2pmTkxS> (дата обращения: 14.10.2023).

¹⁰ Больше восьми тысяч казахстанских студентов учатся в Турции. URL: <https://liter.kz/skolko-kazakhstanstsev-uchatsia-v-turtsii-1675848410/> (дата обращения: 20.10.2023).

¹¹ Стипендиальная программа первого президента Н. Назарбаева для подготовки кадров высшего звена в ведущих компаниях и университетах мира.

¹² 15 тысяч туркменских студентов учатся в вузах Турции. URL: <https://orient.tm/ru/old/post/52613/15-tusyach-turkmenskih-studentov-uchatsya-v-vuzah-turcii> (дата обращения: 27.09.2023).

¹³ В России обучается 31 тысяча туркменских студентов. Туркменистан хочет создать совместный вуз. URL: <https://www.hronikatm.com/2022/06/v-rossii-obuchaetsya-31-tusyacha-turkmenskih-studentov-turkmenistan-hochet-so-zdat-sovmestnyj-vuz/> (дата обращения: 01.10.2023). Только в Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева в 2023 г. поступило 1300 абитуриентов.

¹⁴ Данный информант в течение нескольких лет проживал в Турции.

а эмиссаром стала турецкая киноиндустрия. Особой популярностью турецкие сериалы пользуются в Туркменистане, где количество иновещания чрезвычайно ограничено, но можно поймать несколько турецких каналов, которые с удовольствием смотрят жители Туркменистана:

«Молодежь обожает Турцию, обожает сериалы, как они живут» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

Тем не менее туркменские информанты не считают это массовым трендом:

«У меня такого фанатизма, чтобы изучать турецкую культуру, нет. Фанатеть по Турции это не тенденция» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

Достаточно влиятельным направлением воздействия «мягкой силы» на конструирование новой идентичности является языковая политика. Она последовательно проводилась в уже упомянутых выше турецких лицах, открытых в обеих странах в 90-х гг. XX в. Там активно изучались два иностранных языка — турецкий и английский, что было обусловлено проевропейской политикой Турции. Отношение к турецкому языку в Туркменистане неоднозначное. С одной стороны, туркменские информанты не считают его идентичным туркменскому, но с другой — часто понимают турецкий язык благодаря наличию турецких каналов и интересу к кинематографу:

«Турецкий и туркменский? Ну не так уж, скажем так вот азербайджанский и турецкий похож, ну, мы понимаем, можем спокойно разговаривать, например. Да у меня почти все родственники смотрят на турецким, можно сказать, и даже дети вот смотрят, скажем, 6 месяцев, там спокойно, даже да они уже все понимают» (Информант 2, ФГ-6, Туркменистан);

«Турецкий язык в нашем городе почти все знают. Он стал распространенным в последнее время за счет того, что многие начали туда ехать, за счет заработка, люди начали, скорее всего, нуждаться в деньгах. ...И уже в голове остается все равно язык тот, который, где жил. И они бывают по телефону разговаривают на турецком» (Информант 1, ФГ-6, Туркменистан).

На вопрос, для чего нужен турецкий язык мы получили в ответ:

«сериалы, турецкие компании» (Информант 5, ФГ-2, Туркменистан).

Однако есть и другая оценка состояния турецкого языка в Туркменистане:

«К турецкому языку малый интерес, его не учат, интерес только в тех регионах, откуда уезжали на заработки из Туркмении в Турцию, в тех семьях, там и популярен турецкий. Чтобы дома включить турецкий сериал без перевода, не зная языка — нет» (Информант 3, ФГ-2, Туркменистан).

Таким образом, мы видим, что в Туркменистане турецкий язык распространяется именно через интерес к турецким СМИ и в связи с возможностью уехать на заработки в Турцию в достаточно локальной среде. Тренда на изучение турецкого языка как обязательного иностранного нет. В школах его не учат. В Казахстане интерес к турецкому языку появился несколько лет назад, но казахский и турецкий сильно различаются. Его учат индивидуально, на языковых

курсах. Поэтому в данной стране языковое родство как основа для тюркской интеграции вызывает большие сомнения¹⁵.

Активно проводится работа и в области политики памяти. Педализуется тренд о тюркском происхождении народов Центральной Азии и тем самым наличию родственных связей с Турцией. Особенно сильно этот сюжет актуализируется в Туркменистане. В русле официальной политики МИД Турции, а также в художественных фильмах и научном дискурсе реализуется установка «Одна нация, два государства» (*тур. İki devlet, bir millet*). Причем в роли пранации выступают туркмены. Между туркменами и турками есть историко-генетические основания для сотрудничества.

«С этим лозунгом я согласен. Мы являемся по сути одним народом, если копнуть. Разные, но схожие языки» (Информант 1, ФГ-6, Туркменистан).

Туркменский и турецкий языки относятся к одной огузской группе тюркских языков, а основатель Османской империи позиционируется как потомок Огузхана, древнего родоначальника туркмен, и, впоследствии, турок и азербайджанцев. Именно туркменские племена пришли на территорию Византии и начали завоевательный поход длиной в несколько веков. Очень аккуратно эта линия проводится и в наиболее влиятельной из форм «мягкой силы» — турецком кино, например в сериале «Основание: Осман» (Мехмет Боздаг, 2019 г.).

У Туркменистана и Турции есть и общие культурные герои, о которых знают практически все респонденты из Туркменистана. Это Гёроглы (Кероглы), мифический богатырь, герой одноименного туркменского эпоса:

«У нас в истории он почитается туркменом, но, скорее всего, в Турции он тоже считается турком» (Информант 5, ФГ-6, Туркменистан).

Вариации этого эпоса существуют у многих тюркских народов, в том числе и в Турции, а также в странах Центральной Азии [Лалакова 2018]. Однако в список нематериального культурного наследия Юнеско его включили в 2015 г. именно от Туркменистана¹⁶, где он приобрел статус национального эпоса.

В русле политики памяти ТЮРКСОЙ ежегодно выбирает как символы тюркского мира одного деятеля тюркской культуры и один город, тем самым подчеркивая единство и преемственность. Так, культурными столицами тюркского мира от Туркменистана были выбраны Мерв (2015 г.) и Анау (2024 г.), а от Казахстана — Астана (2012 г.) и Туркестан (2017 г.). А в 2021 г. на неофициальном саммите тюркоязычных государств казахский город Туркестан, учитывая его древнейшую историю и международную значимость в прошлом, был

¹⁵ Схожесть турецкого, как самого распространенного тюркского языка, с казахским языком составляет 20 %, с киргизским — 30 %, с узбекским — 40 %, с туркменским — 60 %, и только с азербайджанским — 80 %. См: Смогут ли турок и казах понять друг друга без переводчика? URL: <https://obuchim24.ru/turetskiy-yazyk-v-kazahstane/> (дата обращения: 17.10.2023).

¹⁶ Туркменский эпос «Гёроглы» в списке нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/479#:~:text=%D0> (дата обращения: 01.11.2023).

признан еще и духовной столицей тюркского мира, с принятием туркестанской декларации¹⁷.

Что касается выдающихся личностей, то от Туркменистана дважды (в 2014 и 2024 гг.) был номинирован один из важнейших культурных персон-символов страны, поэт, философ XVIII в. Махтумкули (*Magtymguly Pyragy*)¹⁸. Махтумкули хорошо известен среди молодежи Туркменистана, практически все туркменские информанты обозначили его в числе первых пяти символов страны наряду с тремя президентами и родоначальником туркмен Огуз-ханом (табл. 1).

Таблица 1

Открытый вопрос: «Перечислите основные символы Туркменистана»

	Вариант ответа	%	Без учета затруднившихся ответить
1	Гурбангулы Бердымухамедов — Аркадаг (покровитель)	7,8	17,1
2	Сапармурат Ниязов (Туркменбаши)	7,8	17,1
3	Огуз-хан (древний родоначальник туркмен)	6,6	14,6
4	Сердар Бердымухамедов	5,5	12,2
5	Махтумкули	2,9	6,4
6	Гёроглы (туркменский героический эпос)	2,9	6,4
7	Президент	2,4	5,2
8	Государственный флаг	1,1	2,4
9	Коркут (тюркский поэт-песенник и композитор X века)	1,0	2,1
10	Государственный герб	0,8	1,8
11	Министр	0,6	1,2
12	Народ	0,6	1,2
13	Атамурат Ниязов (отец первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова)	0,4	0,9
14	Мать Гурбансолтан (мать первого туркменского президента Сапармурата Ниязова)	0,4	0,9
15	Предки	0,4	0,9
16	Другое	3,7	9,6
	Затруднились ответить	55,1	-

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

¹⁷ Туркестан официально признан столицей тюркского мира. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/turkestan-ofitsialno-priznan-stolitsey-tyurkskogo-mira-433476/ (дата обращения: 07.10.2023).

¹⁸ Завершение Года Махтумкули Фраги. URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/2014-12-16> (дата обращения: 08.10.2023).

Как представителя от Казахстана в 2020 г. была предложена фигура Абая Кунанбаева (Абай), выдающегося казахского поэта, философа, музыканта, просветителя и общественного деятеля XIX в. Так же как и Махтумкули для туркменской молодежи, Абай является важной фигурой для казахстанской. По результатам количественного опроса респонденты в открытом вопросе «Перечислите основные символы Республики Казахстан», поставили Абая на четвертое место после герба, флага и советского деятеля Кунаева (табл. 2).

Таблица 2

**Открытый вопрос: «Перечислите основные символы Республики Казахстан»,
% респондентов**

	Вариант ответа	%	Без учета затруднившихся ответить
1	Государственный герб Республики Казахстан	4,5	9,6
2	Государственный флаг Республики Казахстан	4,5	9,6
3	Динмухамед Кунаев	4,5	9,6
4	Абай Кунанбаев	4,2	9,0
5	Нурсултан Назарбаев	4,0	8,4
6	Государственный гимн Республики Казахстан	3,1	6,6
7	Касым Жомарт Токаев	2,8	6,0
8	Орел	1,4	3,0
9	Геннадий Головкин	1,1	2,4
10	Народ Республики Казахстан	1,1	2,4
11	Алихан Бокейханов	0,8	1,8
12	Бауржан Мамышулы	0,8	1,8
13	Кенесары Хан	0,8	1,8
14	Солнце	0,8	1,8
15	Абулхаир Хан	0,6	1,2
16	Другое	11,7	-
	Затруднились ответить	53,0	-

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Еще два казахских деятеля стали персонами года: Темирбек Жургенов (2023 г. — к 125-летию со дня рождения)¹⁹ — нарком просвещения Казахской ССР, ученый, публицист, композитор, репрессированный и расстрелянный

¹⁹ Решением постоянного совета ТЮРКСОЙ 2023 г. объявлен памятным годом в странах — членах организации в честь Темирбека Жургенова и других выдающихся личностей. URL: <https://kazpravda.kz/n/resheniem-postoyannogo-soveta-tyurksoy-2023-god-obyavlen-pamyatnym-godom-v-stranah-chlenah-organizatsii-v-chest-temirbe-ka-zhurgenova-i-drugih-vydayushchihsya-lichnostey/> (дата обращения: 20.10.2023).

в 1938 г., и Магжан Жумабаев (2018 г. — к 125летию со дня рождения)²⁰ — поэт, основатель новой казахской литературы, публицист. Его называли казахским Пушкиным и Шекспиром. Он участвовал в создании «Алаш-Орды», был осужден, в том числе и за пантюркизм, и расстрелян в 1938 г. Однако оба эти общественных деятеля казахстанским респондентам практически не знакомы.

Сам же термин «пантюркизм» знаком подавляющему большинству информантов:

«О термине пантюркизм знаю. Не могу утверждать точно, но это идеология турецкой культуры, турецкого народа, культурные особенности, связанные с кемализмом... кемализм в Турции — это просто невыносимо, очень воинственная нация» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

В Туркменистане принадлежность к тюркскому миру рассматривается как что-то само собой разумеющееся. Причем в этот тюркский мир включается и Россия:

«Россия, Казахстан, Азербайджан, Турция — это тюркские страны» (Информант 4, ФГ-6, Туркменистан).

Однако возможность такого объединения не рассматривается информантами однозначно как позитивный процесс:

«Даже один знакомый говорит: „Эрдоган сказал, что хочет объединить все тюркские народы“. Я за» (Информант 3, ФГ-6, Туркменистан).

«Да там не так уж хорошо, как они себе представляют. Просто в основном берут, ну они как распространяют, даже вот просто пантюркизм — из-за сериалов» (Информант 1, ФГ-6, Туркменистан).

«Создание Тюркского мира, это очень сложный вопрос. По мне главное, чтобы был мир... Традиции, обычаи Турции очень сильно отличаются от туркменских. Под какую-то страну подстраиваться мы не хотим» (Информант 2, ФГ-6, Туркменистан).

Однако тем не менее один из информантов отмечает, что Турция ближе к Туркменистану, чем все остальные страны ЦА:

«Когда в Турции произошло землетрясение, наша страна в числе первых послала два самолета с гуманитарной помощью, со специалистами МЧС и кинологи... и вот тогда я понял, что туркмено-турецкие отношения на очень тесном уровне. На международной арене Турция, это царица, такая принцесса, с такими амбициями, и ее младшие сестрички Азербайджан и Туркмения» (Информант 5, ФГ-6, Туркменистан).

Анализ данных, полученных из интервью с казахстанскими информантами, показал, что опрошенные осведомлены о пантюркизме и относятся к нему достаточно позитивно:

²⁰ 125-летие Магжана Жумабаева: зарубежные гости приехали на родину великого поэта. URL: <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4924989-125-letie-magzhana-zhumabaeva.html> (дата обращения: 20.10. 2023).

«Я знаю о пантюркизме, думаю, это тюркский народ он ближе к нам» (Информант 3, ЭИ, Казахстан).

«...Как по мне, это прекрасная идея, объединить родственные народы» (Информант 7, ЭИ, Казахстан).

В медиапространстве данная тематика также является достаточно распространенной: сортировка данных по маркерам (пантюркизм, туран, тюрки/тюрок, тюркизм, пантуранизм) позволили выделить 48 040 упоминаний данных маркеров в текстах постов и комментариев, что составляет около 20 % от всего массива собранных данных за вышеуказанный период (рис. 1).

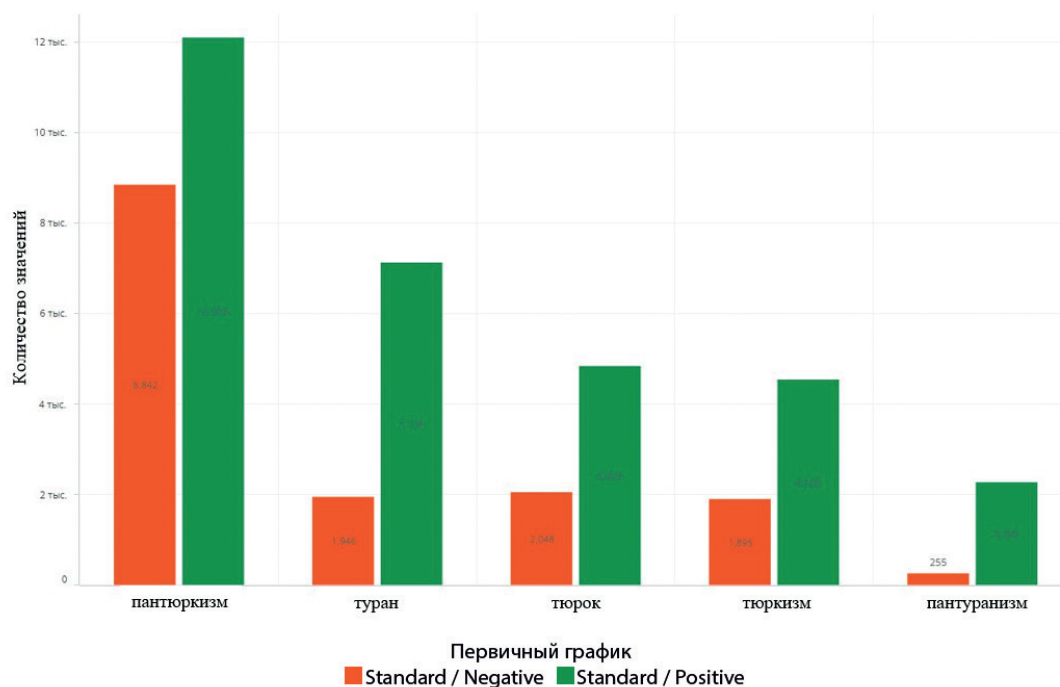

Рис. 1. Сентимент-анализ данных по заданным маркерам
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Можно отметить, что маркер «пантюркизм» является лидером как по числу общих упоминаний, так и по числу упоминаний в негативной тональности. На наш взгляд, это связано, во-первых, с неоднозначной оценкой данной идеологии среди пользователей, а во-вторых, с большим числом упоминаний данного маркера в социальной сети ВКонтакте (более 30%), где основной аудиторией являются русскоязычные граждане, а также граждане Российской Федерации, часто критикующие данную политику. Второй аспект, по нашему мнению, несколько смещает репрезентативность употребления данного маркера. Возможно, будущие исследования, основанные на данных из других государств (Азербайджан, Туркменистан) сместят результаты в пользу позитивного употребления данного маркера.

Дополнительное извлечение сущностей по заданным маркерам позволило выделить наиболее упоминаемые персоны в текстовом массиве (рис. 2).

Рис. 2. Облако слов «персоны» по заданным маркерам (пантюркизм, туран, тюрки/тюрки, тюркизм, пантуранизм)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Подавляющее большинство упоминаемых персон являются исследователями в различных областях научного знания, так или иначе занимавшихся изучением пантюркизма. Однако в некоторых случаях была зафиксирована определенная доля текстовых данных с упоминанием казахстанских оппозиционеров, распространяющих концепцию объединения «тюркского мира» среди местного населения (выделено зеленым), а также отмечен низкий процент упоминаний основных идеологов и приверженцев пантюркизма (выделено синим). Исключением является Р.Т. Эрдоган, довольно часто упоминаемый в онлайн-информационной повестке.

Говоря об отношении Турции и стран Прикаспия можно отметить, что данные, полученные из результатов фокус-групповых интервью и сетевого анализа, имеют некоторые различия в плане позитивности восприятия. Участникам фокус-групп предложили определить степень влияния ключевых стран на экономику и политику их страны. Среди них была и Турция. Информантам предложили изобразить графически взаимоотношения их родной страны со странами, являющимися ключевыми партнерами.

Среди получившихся графических рисунков у туркменских информантов Турцию можно выделить как одну из ближайших стран-партнеров (рис. 3).

Рис. 3. Близость стран-партнеров (по суммарным результатам фокус-групп «Туркменистан»)
Источник: составлено авторами по результатам исследования.

На вопрос, почему Турция так близко, информанты одной из фокус-групп дали коллективный ответ, что:

«и там и здесь туркмены» (Информант 4, ФГ-2, Туркменистан).

Привлекательна Турция для туркмен по целому ряду факторов:

«Турция, ну как сказать... В основном, наверное, торговля, импорт, экспорт. Одежду поставляют. Продукты питания». «Строительство (осуществляют)» (Информант 5, ФГ-4, Туркменистан).

Казахстанские информанты, напротив, считают, что отношения между ключевыми странами-партнерами находятся на одинаковом уровне (рис. 4):

«Да, все одинаково такой, как бы компас получился. Мне кажется, мы со всеми в хороших торгово-экономических отношениях... у нас практически все товары. Всех 4 представителей в Казахстане продают» (Информант 4, ФГ-2, Казахстан).

Однако оценка влияния Турции казахстанскими информантами достаточно противоречива. С одной стороны, отмечается и определенный интерес Турции к Казахстану. Этот интерес, прежде всего, экономический:

«Турция все же имеет свои интересы. Ну хотя бы нефть. Им интересна наша нефть и ресурсы» (Информант 6, ФГ-3, Казахстан).

В свою очередь Турция интересна казахским респондентам:

«Турция товары да продаются... турецкие вещи, турецкая одежда» (Информант 1, ФГ-1, Казахстан);

«Влияет, но мало. Она дальше находится, ну и я мало знаю о взаимодействии Турции и Казахстана» (Информант 4, ФГ-5, Казахстан);

«...В некоторых там арабских странах, да, значит, это тоже самое Турции, допустим, знаете, ярко выражен такой, знаете, вот этот национализм таким смешанным таким с ярким религиозным таким уклоном, допустим да вот у нас, допустим, этого нет, значит да, поэтому я тоже считаю, что Турция нам не особо интересна» (Информант 3, ФГ-5, Казахстан).

Непростая и неоднозначная история взаимоотношений Турции и Туркменистана, а также турецкое присутствие в стране зачастую побуждает Туркменистан крайне настороженно относиться к любым интеграционным предложениям вообще и особенно со стороны Турции. Именно Туркменистан в полной мере оценил, как Турция ловко старается подменить все тюркское турецким (в частности подмена исторических фактов о происхождении тюрков), что тонко отметил тюрколог Владимир Аватков, и это уже успело не понравиться ни туркменским властям, ни туркменскому обществу, которое не восприняло довольно «дерзкие» попытки турецкой ассимиляции в 1990-х и начале 2000-х гг. [Аватков, Рыженков 2022]:

Помимо этого, «мягкой силой» Турции Туркменистан стремится противостоять, ограничивая на территории страны деятельность таких важных ее проводников, как ТЮРКСОЙ и ТИКА²⁶. Единственным рабочим инструментом «мягкой силы» Анкары остается обучение туркмен в самой Турции. Как уже упоминалось ранее, на настоящий момент среди обучающихся в турецких вузах иностранных студентов больше всего именно туркмен.

Заключение

Какова же, исходя из нашего исследования, роль Турции и идеологии пантюркизма в формировании новых национальных идентичностей? Насколько граждане Казахстана и Туркменистана готовы принять идеи объединения тюркского мира и превалирования турецкого вектора во внешней политике?

Турция является координирующим центром транснационального пространства «тюркский этномир», в котором наибольшему влиянию на данном этапе подвергаются страны Каспийского региона и ЦА. Используемая Турцией «мягкая сила» направлена прежде всего на культурные взаимосвязи и акцентирование элементов культурного родства тюркских народов посредством активизации совместных культурных акций, предоставление большого количества бюджетных мест для обучения в Турции и, соответственно, распространения турецкого языка, расширения символического поля тюркского мира и активизации политики памяти в рамках деятельности ТЮРКСОЙ. Все это подкрепляется взаимовыгодным экономическим сотрудничеством.

Однако, поскольку вся внешняя политика Турции «эпохи правления Р. Эрдогана» носит амбивалентный характер, что проявляется в попытках усидеть на множестве стульев и не потерять свой «гешефт» от контактов с противоположными политическими силами (Россия, США, Европа и Китай), замена реальных действий бурной риторикой и организацией массовых беспорядков

²⁶ См.: «ТЮРКСОЙ» перекочевывает в Туркменистан. URL: <https://asian24news.com/2023/07/05/tjurksoj-perekochjovuyvaet-v-turkmenistan/> (дата обращения: 21.10.2023); «Тюркская интеграция» для Туркменистана — оценки российских экспертов. URL: <http://casp-geo.ru/tyurkskaya-integratsiya-dlya-turkmenistana-otsenki-rossijskih-ekspertov/> (дата обращения: 21.10.2023).

(палестино-израильский конфликт), амбивалентна и реакция населения исследуемых нами стран на данные методы влияния.

Исходя из результатов контент-анализа, мы видим, что пантюркистские идеи присутствуют в информационной повестке анализируемых стран (о чем говорят результаты контент-анализа), однако они не являются ее трендом. Это подтверждают и данные социологических исследований — опрошенные, хотя и показали свою информированность и в принципе положительное отношение к пантюркизму, но не включают его в сферу своих интересов. В данном случае сильной стороной политики Турции является не столько сама идея «Великого Турана», сколько механизмы ее продвижения в страны с тюркским населением: именно на элементы «мягкой силы» ссылается большинство информантов (образовательные программы, сериалы, музыка, возможность получения работы), когда описывают свой интерес к Турции. Именно научно-образовательные программы являются наиболее действенным инструментом, их статусность позволяет вернувшейся молодежи войти в состав новой элиты своих стран и одновременно стать эмиссаром пантюркистских идей.

Влияние тюркских идей имеет свои особенности в каждой из исследуемых нами стран. Правда, надо учитывать, что объем данных, полученных в Казахстане, несомненно, более значителен, чем в Туркменистане, благодаря большей открытости данной страны. Многовекторная политика Казахстана отражается и в позиции участников социологических исследований. Они не выделяют вектор отношений «Казахстан — Турция» как особо интенсивный и наиболее влиятельный (см. рис. 4), но исходя из данных контент-анализа, представленность Турции в онлайн-информационной повестке Казахстана достаточно высокая, что говорит не столько о «мягкости», сколько о «латентной ползучести» этого влияния²⁷.

В целом, исходя из анализа текстовых данных, можно отметить, что турецко-казахстанские взаимоотношения хотя и характеризуются активным и положительным развитием, прежде всего в экономической сфере, но все же не лишены противоречий. К примеру, та же самая идеология пантюркизма используется казахстанскими оппозиционерами для дестабилизации обстановки в стране (они также представлены и в облаке слов — см. рис. 2), а тот факт, что наиболее активные представители оппозиции Казахстана находятся в Турции, продолжая свою деятельность и поддерживая связи с местными оппозиционерами, только усложняет данную проблему, что отражается в весьма сдержанном фоне отношения к Турции со стороны казахстанских участников социологических исследований.

По результатам социологических исследований, проведенных среди граждан Туркменистана, обучающихся или оставшихся работать в России, можно

²⁷ В данном случае мы провели анализ только казахстанского онлайн-пространства, поэтому исключаем влияние российской информационной повестки, которая де-факто является оппозиционной идеологии пантюркизма.

сделать вывод, что абсолютное большинство информантов относятся к Турции весьма позитивно, считая их родственным народом, однако, по степени близости Турция уступает России, а в некоторых случаях и Казахстану (см. рис. 3), что, на наш взгляд, можно объяснить целым комплексом факторов: политикой нейтралитета, наличием в Турции части туркменской оппозиции, влияния общего с Россией советского прошлого, которое достаточно позитивно отражается в менталитете пожилого поколения, поскольку политика памяти в Туркменистане не носит ярко выраженный негативный характер по отношению к России.

Единственным методом воздействия, как и в случае с Казахстаном, остаются инструменты «мягкой силы» и экономическое партнерство (несмотря на то, что крупнейшим торговым партнером Туркменистана является Китай). Отметим, что, исходя из установки «Одна нация, два государства», Туркменистан является одним из приоритетных направлений для тюркской интеграции, но благодаря своему нейтральному статусу Туркменистану до сих пор удается избегать активного участия в политических объединениях под эгидой Анкары (как, например, введение визового режима Турцией для граждан Туркменистана по просьбе туркменских властей). Однако, на наш взгляд, текущая геополитическая ситуация в мире, в частности в регионах Прикаспия и Центральной Азии, может изменить вектор взаимоотношений Туркменистана и Турции.

Таким образом, можно сказать, что на данный момент «турецкий гамбит» с использованием инструментов «мягкой силы» пока не достиг запланированной цели — формирования ярко выраженных элементов тюркской идентичности в национальных идентичностях двух стран Каспийского региона, а приоритетность таких двусторонних отношений подвергается сомнению с обеих сторон на уровне рядового населения.

Поступила в редакцию / Received: 18.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 29.10.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Аватков В., Рыженков А.* Туркменистан и туркоцентричная интеграция // Россия и новые государства Евразии. 2022. No. I (LIV). С. 68–85. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-68-85>
- Аватков В.А.* Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 162–176.
- Аджи М.* Европа. Тюрки. Великая Степь. М.: Мысль, 1998.
- Аминов Э.Р.* Специфика сетевого взаимодействия сторонников радикального пантюркизма // Причерноморье. История, политика, культура. 2020. № 29. С. 28–36. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2020.18.15.004>
- Артеев С.П.* Этнокультурные и диаспоральные миры. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. С. 134–144.

- Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931.
- Ахманова М.Т. Пантюркизм в трудах Исмаила Гаспринского. Нравственно-патриотическое воспитание: исторические ретроспективы и изучение проблем современности: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 9 декабря 2021 года). Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2022. С. 582–594.
- Бабаян Д. Арцахская проблема и идеология пантюркизма // 21-й век. 2011. № 4 (20). С. 68–99.
- Бадретдинова С.А., Бадретдинов И.Р. Формирование и развитие системы инструментов и институтов «мягкой силы» Турции на рубеже XX-XXI веков (на примере взаимоотношений с тюркоязычными регионами) // Манускрипт. 2021. Вып. 14 (9). С. 1830–1838.
- Вартаньян Э.Г. Идеино-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX–XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 3. С. 20–26.
- Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3. С. 75–78.
- Васильева С.А. Пантюркизм, тюркизм и кемализм: соотношение идеологий. Судьба национальных культур в условиях глобализации // Материалы IV Международной научно-практической конференции. Челябинск: ЧГУ, 2017. С. 46–48.
- Вахитова Г.А. Политический ислам в Турции: неоосманизм и пантюркизм // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2007. Т. 7. № 2. С. 96–99.
- Деев А.А. Истоки и современное состояние доктрины пантюркизма // Гуманитарный акцент. 2018. № 4. С. 37–44.
- Иванова В.В. Спелое яблоко Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1 (654). С. 65–71.
- Имомалиев А.А. Особенности развития идеологии пантюркизма в 21 веке // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69–2. С. 153–155. <https://doi.org/10.18411/lj-01-2021-83>
- Касымов Г. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура — султангалиевщина. Казань, 1931.
- Лалакова З. Сравнительный анализ среднеазиатских версий эпоса «Гёроглы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2018. № 2 (10). С. 40–49. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2018.10.14552>
- Миллер А.Ф. Пятидесятилетие младотурецкой революции. М.: Знание, 1958.
- Милюкова А.Г., Ковалева А.В., Валюлина Е.В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном Евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ // Мировая политика. 2021. № 1. С. 25–38. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2021.1.34970>
- Мухаметдинов Р.Ф. Юсуф Акчурра в эпоху перемен // Симбирский научный вестник. 2016. № 1 (23). С. 116–123.
- Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Издательство «Русская панорама», 2017.
- Насибова А.С. Эволюция идей пантюркизма во внешней политике Турецкой Республики // Современные евразийские исследования. 2015. № 3. С. 113–118.
- Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы, математические модели. 2007. № 24. С. 149–168.

- Притчин С.* Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № I (LIV). С. 56–67. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67>
- Романова А.П., Морозова Е.В.* Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 85–102. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102>
- Сваранц А.* Основные угрозы интересам Российской Федерации от идеологии и политики пантюркизма (внешние и внутренние аспекты) // Регион и Мир. 2010. № 1. С. 3–11.
- Семенов И.С.* Тюркский мир в школьном учебнике: ближние рубежи, дальние горизонты... / ИМЭМО РАН. 23.08.2022. Retrieved from <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/the-turkic-world-in-a-school-textbook-near-frontiers-distant-horizons> (дата обращения: 12.09.2023).
- Сигачёв М.И., Артеев С.П.* Португальский мир как транснациональное пространство: политическое измерение // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 37–51.
- Тверитинова А.С.* Младотурки и пантюркизм // Византийский Временник. Л., 1957.
- Усманова Д.М.* Политическая деятельность Юсуфа Акчуры в Российской империи (1904–1908): к специфике мусульманского либерализма // Симбирский научный вестник. 2016. № 1 (23). С. 147–152.
- Хапизов Ш.М.* Аварский народ и болмацI: борьба с пантюркизмом за право на существование. Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2014. 150 с.
- Шкира Н.В.* Пантюркизм, пантуранизм, «Неоосманизм» и экономические интересы России и Турции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. Вып. 165. С. 147–153.
- Шумилов М.М.* Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 1 // Управленческое консультирование. 2022а. № 6. С. 36–53.
- Шумилов М.М.* Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 2 // Управленческое консультирование. 2022б. № 7. С. 37–49.
- Bülent A.* Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy No. 32. Ankara, 2009.
- Gökalp Z.* Türkçülüğün Esasları. İstanbul, 2017. (In Turkish).
- Kofak C.* Türkiye’de Milli şefDönemi. İstanbul, 2017. (In Turkish).
- Özdoğan G.* Turan’dan Bozkurt’a: Tek Parti Döneminde Türkçülük (1931–1946). İstanbul, 2019. (In Turkish).
- Saraçoğlu, C.* Nihal Atsız’s World-View and Its Influences on the Shared Symbols, Rituals, Myths and Practices of the Ülkücü Movement // Turkology Update Leiden Project Working Papers Archive. 2004.
- Tuzun S.* İkinci dünya savası’nda’nin savaş disi kalma politikaları ve sonuçları // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. 2020. No 45. P. 201–221. (In Turkish).

Сведения об авторах:

Романова Анна Петровна — доктор философских наук, профессор, директор НИЦ проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (aromanova_mail@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8537-4893) (SPIN-код: 9637-1465)

Черничкин Дмитрий Алексеевич — научный сотрудник Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева (chernichkin95@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9647-7916) (SPIN-код: 9037-9800)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-207-213
EDN: MFOLCG

Рецензия на книгу / Book review

**В поисках этнической гармонии:
о книге О.И. Зазнаева и В.В. Сидорова
«Формы правления и этнические конфликты»
(Казань: Логос-Пресс, 2022. 232 с.)**

И.В. Кудряшова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

✉ i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Для цитирования: Кудряшова И.В. В поисках этнической гармонии: о книге О.И. Зазнаева и В.В. Сидорова «Формы правления и этнические конфликты» (Казань: Логос-Пресс, 2022. 232 с.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 207–213. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-207-213>

**In Search for Ethnic Harmony:
About the Book by Oleg Zaznaev and Viktor Sidorov (2022),
“Forms of Government and Ethnic Conflicts”.
Kazan: Logos-Press, 232 p.**

Irina V. Kudryashova

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

✉ i.kudryashova@inno.mgimo.ru

For citation: Kudryashova, I.V. (2024). In search for ethnic harmony: About the book by Oleg Zaznaev and Viktor Sidorov (2022), “Forms of Government and Ethnic Conflicts”. Kazan: Logos-Press, 232 p. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 207–213. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-207-213>

© Кудряшова И.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Как сдерживать этнический антагонизм, который обостряется вновь и вновь после непродолжительных периодов затишья? Похоже, этот вопрос сделался вечным с тех пор, как этничность стала одним из измерений национального проекта. Мертвы палестино-израильские соглашения в Осло, ищут убежища в Чаде беженцы из Дарфура, не вписываются в схему арабского национализма сирийские курды и туркоманы, жива идея независимости в Иракском Курдистане... Список таких примеров может быть длинным. К несчастью, будучи когнитивной структурой, формирующейся на основе разделяемых смыслов, ожиданий и общего опыта, этничность дает своим носителям ценностно-заряженное восприятие себя и других, предопределяя социальный конфликт.

Общества с конфликтными отношениями между этническими (или, если придерживаться конструктивистского подхода, этнически фреймированными) группами исследователи называют разделенными; в таких обществах, как отмечает Я. Ластик, «аскриптивные связи генерируют антагонистическую сегментацию, которая основывается на политически отчетливых конечных идентичностях и поддерживается в течение существенного промежутка времени и по широкому кругу вопросов» [Lustick 1979: 325]. Масштабы неблагоприятных, а иногда и ужасающих последствий подобной разделенности — вплоть до этнических войн¹ и геноцида — определяют востребованность целеустремленных научных усилий по конструированию институтов, способных ограничить деструктивные эффекты политизированной этничности.

Известны несколько основных точек зрения относительно институционального дизайна для разделенных обществ. Они представлены в рецензируемой монографии в главе 4 [Зазнаев, Сидоров 2022: 106–117], и здесь я только перечислю их, чтобы дать читателю представление о разнообразии концептуальных подходов к решению проблемы этнической разделенности. Итак, это распределение власти между сегментами путем конституционных и иных гарантий (*power sharing*); «рассеивание» конфликта через создание демократических стимулов к строительству широкой умеренной коалиции поверх этнических расколов (*centripetal, or integrative approach*); «общее государство» с несколькими центрами принятия решений и сотрудничеством между свободно формирующимися и свободно изменяющимися коалициями большинства и меньшинства в гражданских объединениях и во властных структурах (*power dividing*).

Имеющиеся подходы не содержат, однако, последовательного анализа взаимосвязи между уровнем этнической конфликтности и формами правления. Собственно, устранение этого пробела и выступает главной целью

¹ По данным Дж. Фиарона, средняя продолжительность этнических войн в странах, где одна этническая группа доминирует в принятии решений, а другая сконцентрирована на периферии, составляет 33,7 года. Наличие контрабандного финансирования затягивает их еще сильнее [Харитоновна 2016, с. 37].

авторов монографии. Их путь оказался сопряженным с решением целого ряда исследовательских задач, среди которых необходимо отметить большую работу над уточнением понятийного аппарата, что представляется важным для сферы изначально междисциплинарных этнических исследований. В частности, в главе 1, посвященной понятию и классификации форм правления, отмечено, что привычное деление этих форм на монархии и республики малопродуктивно как при анализе факторов современных этнических конфликтов, так и при поиске институциональных решений для их сдерживания. Действительно, с одной стороны, полномочия республиканских автократов могут быть шире монархических, с другой — даже в аравийских монархиях, которые принято отождествлять с правящими династиями, формируются современные политические институты и системы государственного управления. Времена, когда конфликтующие стороны могли уповать на монаршую справедливость, ушли.

Подчеркивая, что важен «не процесс передачи верховной власти, а система взаимоотношений между законодательной и исполнительной ветвями» [Зазнаев, Сидоров 2022: 12], авторы в итоге ограничивают свою рабочую классификацию форм правления президентскими, парламентскими и полупрезидентскими системами, опуская полупарламентские (ассамблейно-независимые) по причине их редкости: в настоящий момент последнюю можно наблюдать только в Швейцарии.

Характеристика наиболее распространенных форм правления и критический анализ дискуссии об их признаках в мировой политической науке — мейнстрим главы 2. Значительное место здесь уделено полупрезидентской системе, которую авторы, полемизируя с рядом исследователей, считают не смешанной, а самостоятельной формой, оказывающей только ей присущий политический эффект на этнический конфликт. Весьма существенными для развития исследований форм правления как независимых переменных видятся два замечания: (1) что при изучении форм правления важно учитывать и неформальные практики, закрепившиеся в рамках треугольника «глава государства — парламент — правительство», и (2) что «фактические традиции, которым следуют акторы, могут существенно менять облик режима» [Зазнаев, Сидоров 2022: 56, 57].

В главе 3 речь идет о понятии этничности и об особенностях этнических конфликтов, включая их способность проявляться через другие конфликты — социальные, экономические, культурные и, конечно, политические. По мнению авторов, которое я разделяю, участником этнического конфликта может быть и государство, если оно вовлечено в решение вопросов, имеющих этническую окраску [Зазнаев, Сидоров 2022: 66].

Актуальным в контексте цели исследования представляется тезис о том, что при анализе этнических конфликтов необходимо учитывать стадии их развития: на каждой из них государственная власть должна использовать набор решений и действий, соответствующий задачам политического момента. Если кратко, это фазы управления, урегулирования и разрешения. Учитывая внимание авторов

к научному дискурсу, можно предложить включить в дальнейший анализ и широко используемое сегодня понятие «трансформация конфликта», которое перекликается с понятием «разрешение конфликта», трактуемым как действия по ненасильственному решению противоречий конфликтующих сторон с целью ликвидации коренных причин противоборства [Зазнаев, Сидоров 2022: 88]. Сторонники школы трансформации рассматривают конфликт в динамике «приливов и отливов» и выступают не только за устранение предмета разногласий, но и за постепенное конструктивное изменение системы межгрупповых отношений [Метаморфозы... 2020: 11].

Глава 4, как уже упоминалось, содержит интереснейший обзор современных дискуссий о лучшей форме государственного правления, в том числе для этнически разделенных обществ. По его итогам авторы приходят к заключению о тщетности попыток найти эту лучшую модель, а также оспаривают популярный тезис о необходимости президентализма в условиях ускоренных политических трансформаций. Вслед за С.М. Липсетом и многими другими учеными они вполне обоснованно полагают, что «крах молодых демократий объясняется не выбором ими президентской системы, а наличием в этих странах препятствий для «движения» к демократии (крайняя бедность, гражданская война, острые конфликты на этнической и религиозной почве и пр.» [Зазнаев, Сидоров 2022: 88–89].

В главе 5 представлен критический анализ столь же горячих дискуссий относительно взаимосвязи между этническими конфликтами и формами правления. Вывод авторов кажется на первый взгляд парадоксальным: «не ясно, во-первых, какое влияние оказывают этнические факторы на форму правления и ее элементы, и, во-вторых, как президентская, парламентская и полупрезидентская системы воздействуют на этнические стороны жизнедеятельности общества» [Зазнаев, Сидоров 2022: 104]. Развивая эту мысль на основе концепций А. Лейпхарта, Д. Горовица, Ф. Рёдера и других исследователей разделенных обществ и используя много конкретных примеров, они констатируют, что выбор формы правления в условиях полиэтнического общества делается, по сути, субъективно. Он определяется «концептуальным подходом к решению проблемы «этничность и институты» и совокупностью исходных положений, которыми руководствуются политические „архитекторы“» [Зазнаев, Сидоров 2022: 116]. Очень хорошо подтверждает эту мысль случай Киргизии, где в целях снижения этнополитических рисков и политической стабилизации конституция за 30 лет подвергалась перекройке десять раз, причем главным объектом институциональных изменений была как раз форма правления. В 2021 г. вместе с досрочными президентскими выборами в стране прошел референдум, по результатам которого парламентская система с элементами консociонализма, поддержанная Европейским союзом после массовых антирежимных выступлений и межэтнических столкновений 2010 г., была вновь заменена на президентскую [Кудряшова, Стюарт 2023].

Теоретическая проверка гипотез о влиянии форм правления на этнический конфликт в главе 6 подтверждает, что это влияние неоднозначно.

Например, президентская система снижает этнополитические риски и благоприятствует этническому миру и согласию, но сокращает возможности для представительства этнических групп, а парламентская — наоборот. Однако последняя отнюдь не гарантирует формирование коалиций с присутствием партий этнических общин: многое зависит от истории создания государства, политических установок лидеров, глубины расколов, размеров общин, типа партийной системы, географического соседства и других факторов. В качестве одного из примеров авторы приводят Израиль, где парламентские коалиции возникают регулярно, но не включают палестинских арабов [Зазнаев, Сидоров 2022: 127]. Здесь можно внести небольшую поправку: в 2021 г. блок Объединенный арабский список вошел в коалиционное соглашение семи партий, на основе которого было сформировано правительство Беннета—Лапида (правда, оно просуществовало немногим более года).

По мнению авторов, для этнического мира такие институты, как избирательная система и форма политико-территориального устройства, значимы более, чем форма правления, а неинституциональные факторы, включая местные нормы и традиции, могут корректировать плюсы и минусы конкретных форм правления [Зазнаев, Сидоров 2022: 128, 135].

Эмпирическая проверка тех же гипотез методом статистического анализа в главе 7 показала, что в недемократических странах форма правления не оказывает влияния на интенсивность этнических конфликтов, а в демократических — наблюдается крайне слабая корреляция между этими двумя переменными.

Глава 8 посвящена роли этнической партии как вмешивающейся переменной при исследовании взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами. Проведенное исследование позволило авторам сформулировать несколько интересных суждений:

- легализация или запрет этнических партий корректируют воздействие форм правления на межэтнические отношения и конфликты;
- связка «этнические партии — этническая конфликтность» не является линейной, что диктует необходимость выяснения интересов этнических групп, их стратегий и особенностей действий в конкретных условиях;
- этнические партии должны быть встроены в институциональный механизм сотрудничества правящих элит и этнических групп, когда стимулы к сотрудничеству перевешивают стимулы к протесту и насилию [Зазнаев, Сидоров 2022: 151, 169, 173].

В главе 9 речь идет о проектировании формы правления в условиях полиэтничного общества и отмечается одновременно социальный и политический характер этого процесса. Это верное замечание: нормативные аспекты систем воплощены и в их структуре, и в социальном поведении, а конструкция и деятельность власти оцениваются в моральных категориях и в контексте морально обоснованных целей. Учет политико-культурных ориентаций, ценностей и стереотипов этнических групп — неотъемлемая часть политического проектирования.

В заключительной главе монографии авторы раскрывают методологические проблемы, с которыми сопряжено исследование взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами, и выделяют проблему сравнимости таких конфликтов. По их мнению, дальнейшая разработка темы должна включать изучение влияния таких переменных, как форма политико-территориального устройства, тип избирательной системы и этнические партии, а также углубленный анализ случаев этнических конфликтов. Последняя мысль продиктована тем, что разделенные общества сильно различаются между собой и ни одно институциональное решение не может быть верным даже для конфликтов одного типа.

С моей точки зрения, перспективно и изучение средне- и долгосрочных эффектов уже найденных решений — Таифских соглашений по Ливану, Дейтонского — по Боснии и Герцеговине, Охридских — по Македонии и других, возможно, менее известных. Хотелось бы понимать, каковы последствия этих соглашений, в каком направлении движутся «примиренные» общества — к обретению национальной идентичности, замораживанию этнических перегородок, удушению внутреннего разнообразия этнических групп?

Можно констатировать, что монография О.И. Зазнаева и В.В. Сидорова перешагнула первоначально поставленные рамки, и это, наверное, неизбежный результат работы над этнополитическими темами, где рациональное переплетается с эмоциональным, события-триггеры опрокидывают продуманные проекты, набор научных концепций постоянно развивается, а собранный материал настолько сложен, что вырывается из обруча жестких категорий.

Вместе с тем любая попытка сделать идеи последовательными требует усилий по формализации, и авторы успешно справляются с этим, опираясь на критический анализ современного научного дискурса по теме исследования. Другая их опора — эмпирика. Сочетание этих двух опор позволило, в частности, установить, что:

- лучшей универсальной модели правления для этнически разделенных обществ быть не может;
- проекты обустройства этих обществ требуют встраивания атипичных форм правления и атипичных элементов форм правления;
- необходимо критически оценивать наработанные институциональные дизайны и изучать конкретные интересы этнических групп в конкретных условиях развития конфликта;
- анализ влияния форм правления на этнический конфликт должен быть дополнен анализом других институциональных переменных.

Зачастую значимость теоретических исследований вопросов политического управления преуменьшается под тем предлогом, что они далеки от «практической политики». Институциональный выбор, конечно, ограничен практическими возможностями, но само осознание этих возможностей зависит от имеющихся

концептуальных построений. Учитывая это, рецензируемую книгу можно горячо порекомендовать и теоретикам, и практикам этнической политики. Это будет увлекательное и полезное чтение.

Поступила в редакцию / Received: 07.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 12.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Зазнаев О.И., Сидоров В.В. *Формы правления и этнические конфликты: монография.* Казань: Логос-Пресс, 2022. 232 с.
- Кудряшова И.В., Стюарт А. Институциональные реформы в условиях этнокультурной разделенности и неконсолидированных границ: опыт Киргизии // *Власть.* 2023. № 1. С. 130–137.
- Метаморфозы разделенных обществ / под. ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. М.: МГИМО-Университет, 2020. 284 с.
- Харитоновна О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // *Политическая наука.* 2016. № 1. С. 34–59.
- Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // *World Politics.* 1979. Vol. 31. Iss. 3. P. 325–344.

References

- Kharitonova, O.G. (2016). Ethnic wars and post-conflict democracy. *Political Science (RU), 1,* 34–59. (In Russian).
- Kudryashova, I.V., & Kharitonova, O.G. (Eds.). (2020). *Metamorphoses of divided societies.* Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Kudryashova, I.V., & Stewart, A. (2023). Ethnocultural division, unconsolidated borders and institutional reforms: The Kyrgyz experience. *Vlast' = The Authority, 1,* 130–137.
- Lustick, I. (1979). Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control. *World Politics, 31(3),* 325–344.
- Zaznaev, O.I., & Sidorov, V.V. (2022). *Forms of government and ethnic conflicts.* Kazan: Logos-Press. (In Russian).

Сведения об авторе:

Кудряшова Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России (e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-1842-4672) (SPIN-код: 3976-5367)

About the author:

Irina V. Kudryashova — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, MGIMO University (e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru) (ORCID: 0000-0003-1842-4672) (SPIN-code: 3976-5367)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
